

Б-37569

2/2

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

ФРУНЗЕ

1980

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ АН СССР

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
КИРГИЗСКОЙ ССР

Б-37569

2/2

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

2

к
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЛИМ“

Фрунзе 1980

4.036

Сборник содержит оригинальные статьи по ономастике Средней Азии, в которых на материале антропонимии, космонимии, теонимии, топонимии и этнонимии рассматриваются проблемы языкознания, истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана, исторической географии, а также вопросы, имеющие общетеоретическое значение.

Для историков, этнографов, географов, языковедов и других специалистов, интересующихся вопросами ономастики.

Настоящий сборник является вторым выпуском "Ономастики Средней Азии". Первый выпуск опубликован издательством "Наука" в 1978 году.

Утверждено к печати Президиумом
Географического общества Киргизской ССР
и РИСО АН Киргизской ССР

Редакционная коллегия:

С.У.Умурзаков, Б.О.Орузбаева, В.А.Никонов,
К.И.Петров, И.А.Амирьянц
Секретарь редколлегии К.Конкобаев

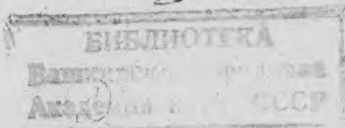
Рецензенты:

Кандидат исторических наук Р.Ш.Джарылгасинова
Кандидат филологических наук Д.Исаев

Ответственные редакторы:

С.У.Умурзаков, В.А.Никонов

Б-68382

© Издательство "Илим", 1980

ЭТНОНИМИЯ

Н.А.Баскаков
(Москва)

МИКРОЭТНОНИМЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДНОСТЯМИ (На материалах этнонимии ногойцев и каракалпаков)

Для разрешения проблем этногенеза до настоящего времени слабо исследовались названия мелких родовых и родоплеменных подразделений, сохранившихся в памяти еще многих тюркских народов. Вместе с тем эти родоплеменные подразделения во многих случаях могут служить весьма ценным материалом для обоснования этногенетических связей народов между собой. Во всяком случае они представляют собой объективное свидетельство, а иногда и доказательство родственных отношений народов, исторические сведения о которых опираются иногда на косвенные источники.

Так, некоторые косвенные исторические источники указывают на родственные связи таких народностей как казахи, каракалпаки и ногойцы Северного Кавказа, хотя эти народы и разобщены территориально. Родство этих народов подтверждается также и близостью их языков, составляющих единую классификационную ногойско-кыпчакскую подгруппу в кыпчакской группе тюркских языков.

Обращаясь к названиям родоплеменных подразделений этих народов, сохранивших в значительной степени всю основную систему микроэтнонимов, отражающих их прежнюю родоплеменную структуру, мы находим полное подтверждение близких родственных связей этих народов в общности названий не только крупных родоплеменных объединений, но и их малких подразделений. Однако установлено также отсутствия этих связей между казахами, каракалпаками и ногойцами с одной стороны и киргизами с другой, хотя многие тюркологи считают их весьма близко родственными не только в этническом отношении, но и в отношении их языков и неправомарно относят киргизский язык в одну общую подгруппу вместе с казахским, каракалпакским и ногойским языками. Совершенно иная система названий

родоплеменных подразделений киргизов указывает на их этногенетические родственные связи не с казахами, каракалпаками и ногайцами, а с алтайцами (ойротами), с которыми киргизы имеют и много общих микроэтнонимов, т.е. названий мелких и крупных родоплеменных подразделений. Эти общие между киргизами и алтайцами (ойротами) названия родоплеменных подразделений связывают киргизов в большей степени не с кыпчаками, а с уйгурами и огузами.

Следует отметить, что и языки современных киргизов и алтайцев (ойротов) имеют значительно больше общих черт, чем те и другие с казахским, каракалпакским и ногайским языками как в отношении фонетической и грамматической их структуры, так и, в особенности, в отношении лексического состава этих языков. Поэтому в существующей классификации тюркских языков они выделены в особую киргизско-кыпчакскую группу.

Цель данного сообщения — привести некоторый сопоставительный конкретный материал микроэтнонимов каракалпаков и ногайцев Северного Кавказа. Это делается для того, чтобы сопоставить этот материал, в свою очередь, с одной стороны, с имеющей много общих родоплеменных названий казахской системой родоплеменной структуры, и, с другой, — микроэтнонимами казахского, каракалпакского и ногайского народов с киргизской системой родоплеменного членения, не имеющей почти ничего общего с системой народов и языков кыпчакско-ногайской подгруппы, но составляющей много общих элементов с родоплеменным членением горных алтайцев (ойротов), вместе с которыми киргизы, имея много общих черт в языке, составляют, как уже отмечалось выше, и общую киргизско-кыпчакскую языковую группу.

По некоторым историческим сведениям установлено, что предшествующей формацией до формирования народностей казахов, каракалпаков и ногайцев была единая Ногайская Орда, из состава которой в XV—XVI вв. и образовались народности казахов, каракалпаков и ногайцев [1]. Это общее объединение племен, образовавшихся после распада Золотой Орды на Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское ханства Ногайскую Орду, кочевавшую на тар-

ритории Дешти-Кыпчак, в процессе консолидации племен и приобрело единую систему наименования своих родоплеменных подразделений, которая сохранилась и в системе названий родов у племен, образовавших позже казахскую, каракалпакскую и ногайскую народности.

Ранее отмечались общие родоплеменные названия в родоплеменных структурах тюркских народов кыпчакской группы [I:226-228]. Здесь же подробно указывается и фиксируется внимание главным образом на совпадении в названиях родоплеменных подразделений только у ногайцев и каракалпаков.

Итак, к общим микроэтнонимам ногайцев Северного Кавказа и каракалпаков — основного населения Каракалпакской АССР относятся следующие:

Сопоставительный перечень
общих для ногайцев и каракалпаков микроэтнонимов^I

1. ног. Аллаберди / АН /
кк. Аллаберди = Тенгриберди / Конгырат, Шюллюк, Мюйтен, Тали /
2. ног. Ашамайлы / Конгыр, Йетишкюль, КН /
кк. Ашамайлы / Конгырат, Шюллюк, Кыят; ОТУ, Кыпшак, Канглы /
3. ног. Балкалы / Уйсин, Сарай, Йетишкюль, КН /
кк. Балгалы / Конгырат, Шюллюк, Кыят /
4. ног. Йайпар / Кенатес, Йетисан, КН /
кк. Жапар / Конгырат, Шюллюк, Ашамайлы /
5. ног. Казайаклы / Конгыр, Йетишкюль, КН /
кк. Казайаклы / Конгырат, Жавынгыр Конгырат, Шюллик, Карамойны /

^I Все перечисленные микроэтнонимы приведены из опубликованных автором материалов в словарях: 1. Ногайско-русский словарь, под ред. Н.А. Баскакова, М., 1963, стр. 490-492; 2. Каракалпакско-русский словарь, под ред. Н.А. Баскакова, М., 1958, стр. 780-787, в русской транслитерации, точные фонетические транскрипции микроэтнонимов даны в соответствующих словарях. Условные сокращения: ног. — ногайский; кк. — каракалпакский; ОТУ — Он төрт уруу, название родоплеменного объединения каракалпаков; АН — Ак ногай, название племени ногайцев, букв. Белые ногайцы — Южные ногайцы; КН — Кара ногай, название племени ногайцев, букв. Черные ногайцы — Северные ногайцы.

6. ног. Канглы /Йәмбойлык, КН; Конгыр, Йетишкюль, КК; АН/
кк. Канглы /ОТУ, Кыпшак/
7. ног. Карасыйрак /АН; Йәмбойлык, КН/
кк. Карасыйрак /Конгырат, Шюллик, Колдаулы/
8. ног. Кенегес /Йетисан, КН/
кк. Кенегес /Конгырат/
9. ног. Конгырат /АН;КН/ = Конгыр /АН; КН/
кк. Конгырат
10. ног. Костамгалы /Конгыр, Йетишкюль, КН/
кк. Костамгалы /ОТУ, Кыпшак; Конгырат, Шюллик/
11. ног. Ктай /Кытай, АН/
кк. Ктай /ОТУ/
12. ног. Кулман /Тувылга, Йетисан, КН/
кк. Кулман /ОТУ, Кенегес, Араншы/
13. ног. Купшак = Кыпшак /Йетишкюль, КН/
кк. Кыпчак = Кыпшак /ОТУ/
14. ног. Кырк=Кырык /Масит, Йәмбойлык, КН/
кк. Кырык /ОТУ, Кытай, Шөмишли/
15. ног. Мангыт /Бүркит, Йетисан, КН/
кк. Мангыт /ОТУ/
16. ног. Нёкис /Тувылга, Йетисан, КН/
кк. Нёкис /ОТУ, Кенегес/
17. ног. Серкели /КН/
кк. Сергели /Конгырат, Жавынгыр, Уйгур/
18. ног. Телеу /КН/
кк. Тели /Конгырат, Мюйтэн/
19. ног. Уйгыр /КН/
кк. Уйгур /Конгырат, Жавынгыр/
20. ног. Уйсын /Сарай, Йетишкюль, КН; Терик, Йетишкюль, КН/
кк. Уйшун /Мюйтэн/
21. ног. Уштамгалы /КН/
кк. Уштамгалы /Конгырат, Кыйат/
22. ног. Хан /АН/
кк. Хантекли /Конгырат, Шюллик/ = Кандекли /Конгырат, Шюллик/

23. ног. Шымбай /КН/

кк. Чымбай /ОТУ/

24. ног. Ыргаклы /АН; Канглы, Ыамбойлык, КН; Тузылга, Йетисан, КН/
кк. Ыргаклы (ОТУ, Кыпшак, Канглы; Конгырат; Конгырат, Жавын-
гыр/

Приведенные выше 24 сопоставления общих для ногойцев Северного Кавказа и каракалпаков микроэтнонимов, основного населения Каракалпакской АССР, указывают на то, что наиболее близкие родственные отношения характерны для каракалпаков и одним из племенных объединений ногойцев-Караногойцами, с которыми каракалпаки из 24 сопоставлений имеют 22 общих названия родов и только в 8 общих названиях с другим ногойским племенным объединением - Акногойцами. Далее из 24 общих микроэтнонимов 12 относятся к родоплеменному подразделению Конгырат, 8 - к подразделению Шоллик, 4 - к подразделению Кенегес, 3 - к Мойтен и 2 - к Мангыт.

Если же сравнивать общие микроэтнонимы ногойцев и каракалпаков с микроэтнонимами киргизов, то к этим общим названиям относятся только два - Кыпчак и Кытай, которые по свидетельству известного казахского исследователя Ч.Ч.Валиханова [2:70] являются поздними включениями в родоплеменную систему киргизов. Более же древние киргизские родовые подразделения имеют много общих названий с названиями родов у алтайцев (ойрозов). К этим общим названиям у киргизов и алтайцев (ойрозов) относятся, например, Кыргыз, Бурут, Мундус, Могол, Телёс=Делёс, Куу-уи=Куу-кижи, Гаруу, Төрө, Иркил и др. [3], которые совершенно отсутствуют в составе названий у ногойцев, каракалпаков и казахов.

Таким образом, данные микроэтнонимики служат доказательством общего этнического происхождения не только целых народностей, но указывают также на близость происхождения отдельных племен и родов, в результате консолидации которых образовались эти народности.

Л и т е р а т у р а

1. Б а с к а к о в Н.А. Введение в изучение тюркских языков.- М., 1969.

2. В а л и х а н о в Ч.Ч. Сочинения. - СПб., 1904.
3. П е т р о в К.И. Очерк происхождения киргизского народа. - Фрунза, 1963.

Ф.Д. Люшкевич
(Ленинград)

К ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА ТАДЖИК

Вопрос о семантическом развитии термина таджик уже рассматривался нами в связи с его возможной этимологией [13:25-32]. Как известно, происхождение этнонима может быть и не связано с его последующими значениями [15:12]. Однако закономерность развития термина таджик устанавливается через ряд взаимосвязанных названий, в том числе, видимо, и исходного.

Наиболее раннее упоминание названия таджик в форме тазик отмечено в тюркских письменных памятниках X в. Встречается оно в рунических текстах в двух отрывочных надписях, которые, к сожалению, не содержат прямого указания на его значение. Сам термин упоминается в связи с военными действиями, происходившими на территории Согда. В результате анализа контекста надписей А.Н.Самойлович сделал заключение, что слово тазик здесь имеет скорее всего значение названия территории, населенной одноименным народом [17:156].

В этих же текстах согдийское население называется и словом тат. Первым указал на этнический аспект этого термина В.Томсен. Его догадка нашла подтверждение в словаре Махмуда Кашгарского (XI в.), где дано четкое определение развания тат, приводятся примеры его употребления. Махмуд Кашгарский пишет, что таты - это говорящие на фарси. Отмечая далее, что татами в его время стали называть и уйгуров, и китайцев, он считает такое употребление слова тат н е в е р н ы м (разрядка наша - Ф.Д.)

[12:123] .

Между тем такие тюркские пословицы из того же источника XI в., как "если меч ржавеет - дело плохо, если человек стал татом - мясо протухает", или "тат на глазах, колючка на корне" говорят не столько об "этнических" различиях, сколько о пренебрежительном отношении кочевников-завоевателей к оседлому городскому и земледельческому населению [23:15] .

Объясняя примеры подобного употребления терминов тат и таджик, В.В.Бартольд писал, что "признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевников важнее, чем признак национальности и языка" [3:46] . В этом, видимо, и заключается причина "неверного", с точки зрения Махмуда Кашгарского, перенесения названия тат на ираноязычные группы оседлого населения.

Исследование эволюции термина тат показало, что его значение "ираноязычный", отмеченное по тюркским источникам в Средней Азии с VIII в. до XI в., в областях дальнейшего движения тюрков на запад сохраняется вплоть до XV в. и находит подтверждение в современном распространении этого значения в Иране и Закавказье [13:26-28] .

В Средней Азии многозначность термина тат, о которой писал уже Махмуд Кашгарский, объясняется, видимо, более интенсивной тюркизацией, в результате которой этот термин в устах кочевников стал обозначать, главным образом, тот культурный тип, к которому принадлежала основная часть местного ираноязычного населения. В этом своем новом значении термин сохраняется в районах, население которых было почти полностью ассимилировано тюрками, по крайней мере, в языковом отношении (Туркмения, Узбекистан). Но там, где преобладающим осталось ираноязычное население, в частности в районе бывшего Согда, название тат как бы вытесняется его синонимом, встречающимся в источниках одновременно с тат сначала в форме тажик//тазик, а позже таджик. В словаре Махмуда Кашгарского приведены даже два совершенно одинаковых предложения, в которых тат и тажик употреблены в одном и том же значении. Так, в дважды встречающемся выражении "он считает его иранцем" в одном употреблен термин тат, в другом - таджик [28:3] .

Этнонимическая, территориальная и хронологическая связь терминов тат, тажик//тазик и таджик позволяет рассматривать их как формы одного и того же названия. Поскольку все они известны нам по тюркским источникам, то и лингвистическую взаимосвязь между ними следует, очевидно, искать в тюркских языках. С точки зрения фонетики тюркских языков считаются возможными образование тат плюс аффикс чик, характерное для юго-западных тюркских говоров, и переход татчик-тачик-таджик^I [18:650;8:98, 110] .

Связь терминов тат и таджик объясняет и исчезновение в Средней Азии названия тат применительно к ираноязычному населению — произошло как бы разделение значений. Слово тат сохранилось за тюркским оседлым населением, воспринявшим культуру местного дотюркского населения, а название таджик закрепилось, главным образом, за населением ираноязычным.

Дальнейшее развитие термина таджик в условиях продолжавшейся интеграции двух культур, учитывая, что много веков правящие здесь династии были тюркского происхождения, определялось той ролью, которая сохранялась при этом за таджикским населением. В.В.Бартольд по этому поводу приводит поговорку Махмуда Кашгарского: "Нет турка без тата, нет шапки без головы" и, поясняя ее, пишет: "таджики нужны были туркам как представители иранской промышленности, торговли и вообще культуры. Персидский язык оставался и при турецких властителях языком государственного делопроизводства и литературы" [3:460] .

В источниках, начиная с XI в., наряду с этническим противопоставлением "турк" и "тазик", часто встречается замена каждого из них совершенно определенным названием сословия. Яркие примеры такой замены можно найти в труде XI в. "Тарихи Масъуди", автор которого, Абу-л-Фазл Байхаки, около 25 лет провел на службе в государственной канцелярии газневидских правителей и будучи хорошо знаком с сословной иерархией, часто пользуется соответ-

I О возможности подобного фонетического перехода нам сообщил А.М.Щербак.

ствующей заменой терминов. Это и позволило А.А.Ромаскевичу - одному из первых переводчиков труда Байхаки - дать следующие комментарии.

Так, для текста: "Эмир погнал войско и порядок нарушился: дворцовые гулямы попрыгали с верблюдов вниз и принялись отнимать лошадей у тазиков и у всех кто был послабее", А.А.Ромаскевич к слову тазик дает такое пояснение: речь идет о чиновниках эмира. В другом месте рассказывается, как государь призвал к себе на совет "нужных лиц из людей оружия и тазиков". Люди оружия (поясняет переводчик) - вожди турецкого войска и гвардии эмира; тазики (таджики) - чиновники гражданской администрации иранского происхождения" [10:247, прим. 2; см. также 2:346, 725] .

В исследовании памятника таджикской литературы XVI в. "Удивительные события" Мухмуда Зайн ад-дина Васифи А.Н.Болдырев приводит сообщения другого автора того же времени - Хондемира, который в рассказе о завоевании Шейбани ханом Хорасана и Герата говорит, что после бесчинств и грабежей узбеков наступило, наконец, затишье; в город стали возвращаться скрывавшиеся в окрестных горах приближенные бывших правителей Хорасана. В тексте Хондемира о них сказано: "вузаро ва мардуми тазик". А.Н.Болдырев, исходя из контекста, предлагает понимать это выражение как "чиновная верхушка и купечество" [5:321, прим. 96] .

Характерно, что в литературе, начиная с XIX в., этническая характеристика бухарцев, как правило, отсутствовала [20:123] . Термин таджик употребляется, главным образом, в его социальном значении. Так, автор описания Бухары, изданного в 1825 г., считает таджиками всех бухарцев, живущих в городах [19:304] . Н.В.Ханыков называет таджиками "главное народонаселение города Бухары" [22:55] .

Очень ценные сведения о населении долины Зеравшана сообщает А.Д.Гребенкин. В работе, опубликованной в 1872 г., автор пишет: "Таджики долины не выражают собой какой-нибудь установившийся тип. В целом они могут быть отнесены к двум весьма характерным группам: в одной из них преобладает кровь узбекская, в

другой — кровь остальных народностей Средней Азии. Кроме того, одна группа живет по преимуществу в деревнях и говорит преимущественно на узбекском языке, вторая же имеет местом своего жительства преимущественно города и говорит преимущественно на таджикском наречии" [6:5]. "Город и таджик, — подчеркивает А.Д.Гребневкин, — так тесно связаны в понятии среднеазиатца, что узбеки, например, считают всех живущих в городах не иначе как таджиками. Кем населен Яны-Курган? Таджиками, отвечает узбек, и если усомниться в таджикском происхождении яныкурганцев, то узбек обидно-сносительно заметит: почему же они не таджики? Ведь они живут в городе и занимаются торговлей. Яснее этого аргумента для узбека ничего быть не может. Город есть настоящее местожительство таджиков и только в городе таджик в своей среде" [6:4].

Сохранение за термином таджик в районах таджикско-узбекского населения главным образом не этнической, а культурной и социальной характеристики было отмечено и более поздними исследователями. И.И.Зарубин в списке народностей Туркестанского края (1925 г.) сообщает о том, что узбекоязычные жители селения Ям Джизакского района считаются у соседей таджиками, хотя по-таджикски не говорят и не отличаются от окружающих узбеков ни по быту, ни по языку [9:6]. И.И.Зарубин считал это явление единичным. Однако даже при современном обследовании южных и западных районов Узбекистана, проведенном Б.Х.Кармышевой, было зафиксировано значительное число тюркоязычных групп, которые окружающее население, также тюркоязычное, называет таджиками [11:14, 15, 17]. Поясняя это, Б.Х.Кармышева подчеркивает, что случаи такого употребления термина таджик типичны со стороны сравнительно поздних тюркоязычных пришельцев, сохранявших еще в начале XX в. полукочевое хозяйство, по отношению к ранее осевшему тюркоязычному населению. К сравнительно недавнему времени относится и наблюдение Е.М.Пещеровой, отметившей, что "население Карши и Шахрисабза говорит по-узбекски и считает себя узбеками, но живущие в степи и по предгорьям узбеки называют их тачик-таджиками" [16:39]. С другой стороны, очень важно установить, как термин таджик в

этих районах употреблялся в качестве самоназвания. А.Д.Гребенкин писал по этому поводу: "Если спросить узбека: кто он такой? то он ответит: я узбек-кытай, катаган и т.п. Таджики же на такой вопрос ответит: я бухарец, ташкентец, ходжентец, самаркандец и пр., но не скажет или в редких случаях скажет: я таджик. Сказать таджик все равно, что сказать узбек. Не отличить узбека катагана от кытая невозможно. Точно также невозможно не отличить при достаточном изучении таджика пянджикентца от таджика гисарца" [7 : 15]. Неопределенность употребления термина таджик среди таджикоязычного населения Средней Азии отмечалась исследователями первой четверти XX в. [I:156,157; 9 : 6].

Новый этап формирования этнического самосознания связан с коренными преобразованиями, наступившими после 1920 г. в результате вступления этих народов на путь социалистического развития. Одним из важнейших мероприятий, способствовавших этнополитической интеграции народов Средней Азии, было проведение национально-государственного размежевания. Создание в числе других республик Узбекской и Таджикской ССР оказало существенное влияние на становление этнического самосознания развивавшихся в этих новых границах социалистических народностей, а потом наций. Причем на разных стадиях форма его самовыражения была разной. По данным первой переписи таджикоязычного населения Бухарского оазиса в 1926 г., одна часть относилась к таджикам, другая — к узбкам, а третья не попала ни в одну из этих групп.

Восстановить картину развития этнического самоназвания помогают полевые этнографические исследования. В течение прошедшего десятилетия установлено, что среди представителей разных поколений таджикоязычного населения Бухарского оазиса самосознание определялось по-разному. По сведениям, полученным у лиц старшего возраста, выясняется, что еще в первой четверти XX в. термин не был общим самоназванием для жившего компактно таджикоязычного населения, а употреблялся в одном ряду с названиями, связанными с сословной, профессиональной принадлежностью, местом происхождения и другими характерными для той или иной группы признаками. К моменту проведения первой официальной переписи, когда возник

вопрос об этническом самоопределении, часть населения по признаку языка отнесли себя к таджикам, часть — к узбекам (жителям Узбекистана), а часть зарегистрирована среди сословных групп. О том, насколько оба термина таджик и узбек еще не имели в то время точной этнической семантики, писала О.А. Сухарева. Один из ее таджикоязычных информаторов г. Бухары сказал, что до переписи их никто не спрашивал — таджики они или узбеки [20:128].

По данным переписей и этнографическим сведениям, относящимся к последним двум-трем десятилетиям, все большее распространение среди таджикоязычного населения Бухарского оазиса получает этноним узбек. И объясняется это не только и не столько государственным значением этого термина в границах Узбекской ССР, сколько действием характерной для оседлого населения традиции называть себя по месту происхождения. В результате термин узбек в данном случае приобретает еще и территориальное значение, обозначая уроженца Узбекистана, носителя сложившейся здесь культуры.

В настоящее время типичной для таджикоязычного населения Бухарского оазиса является формула: "мы узбеки, наш язык таджикский". При этом, как правило, поясняется, что таджики — это жители Таджикистана.

В свою очередь название Таджикистан — страна таджиков, связано с распространением примерно с начала нашего века термина таджик, главным образом, по языковому признаку на ираноязычное население живших здесь народностей [2 : 156, 157, 5; 9:6].

Таким образом, термин таджик, возникший, судя по источникам, как название, данное туркскими кочевниками оседлому ираноязычному населению, по мере прихода новых кочевников переносился ими и на перешедших на оседлость ранних туркских пришельцев. В условиях смешанного населения название таджик имело не столько этнический аспект, сколько культурный и социальный. Вместе с тем на территории современного Таджикистана, куда термин таджик проник вместе с распространением таджикского языка, в сравнительно однородной в этническом отношении среде его мотивированная характеристика естественно исчезает и термин таджик из на-

звания превращается в этноним. Это исследование семантического развития термина таджики дополняет теорию развития явления в очаге и на периферии его распространения [14 : 20] .

Л и т е р а т у р а

1. А н д р е е в М.С. По этнографии таджиков. - В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925.
2. А б у - л - Ф а з л Б а й х а к и. История Масбуда (1030-1041)/ Пер. с перс., введение, комментариев и приложения А.К.Арендса. - М., 1969.
3. Б а р т о л ь д В.В. Таджики (Исторический очерк). Соч., т. II, ч. I. - М., 1963.
4. Б о б р и н с к и й А.А. Свкта исмаилья. - М., 1902.
5. Б о л д ы р е в А.Н. Сайн ад-дин Васифи -- таджикский писатель XVI в. - Сталинабад, 1957.
6. Г р а б е н и и н А.Д. Таджики. Русский Туркестан, вып. II. - М., 1872.
7. Г р а б е н и к и н А.Д. Таджики. Этнографические очерки. Газ. Туркестанские Ведомости, 1871, № 15.
8. Древнетуркокий словарь. - Л., 1969.
9. З а р у б и н И.И. Список народностей Туркестанского края. - Л., 1925.
10. Извлечения из "Тарих-и Бейхаки" Абу-л Фазля Бейхаки, по изданию Морлея / Пер. под ред. А.А.Ромаскевича. Материалы по истории туркмен и Туркмении. - М.-Л., 1939, ч. I.
11. К а р ы ш е в а Б.Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана. - КСИЭ, XXII, 1957.
12. К л я ш т о р н ы й С.Г. Древнетуркокийские рунические памятники. - М., 1964.
13. Л ю ш к е в и ч Ф.Д. Термин "тат" как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье. - СЭ, 1971, № 3.
14. Н и к о н о в В.А. Очаг и периферия. Ареальные исследования в языковедении и этнографии. - Л., 1975.

15. Н и к о н о в В.А. Этнонимия. - В кн.: Этнонимы. - М., 1970.
16. П е щ е р о в а В.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX - начале XX вв. - КСИЭ, XXXIII.-М., 1960.
17. С а м о и л о в и ч А.Н. Старейшие упоминания арабов в турецкой литературе. - ДАН, 1927.
18. С е в о р т я н Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. - М., 1966.
19. С п а с с к и й Г. Новейшее описание Великой Бухарии / Азиатский вестник, 1825, № 5.
20. С у х а р е в а О.А. Бухара XIX - начала XX вв. (Позднефеодальный город и населения). - М., 1966.
21. У н в я к о в И.И. О термине "таджик" (гипотезы и выводы) / Труды Самаркандского государственного университета им. Навои. Новая серия, вып. 140. - Самарканд, 1964.
22. Х а н ы к о в Н. Описание Бухарского ханства. - СПб., 1843.
23. Schaefer H. Turkische Namen der Iranier. "Die Welt des Islams", 1941, Sonderband.

Т.Ж.Жанузаков
(Алма-Ата)

ЭТЮДЫ О КАЗАХСКИХ ЭТНОНИМАХ

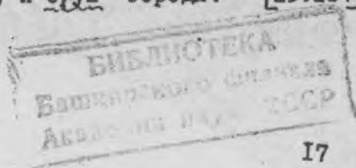
Этнонимия казахского языка отражает в определенной степени следы культурно-исторической и языковой принадлежности народа, с помощью которых можно раскрыть отдельные слои лексики в разные эпохи. Из казахских этнонимов наиболее древние - уйсун, канглы, кипчак, дулат, найман, аргын, алшын, конурат, жалаир и

68382
другие, корни некоторых (уйсун, канглы) уходят к II-I вв. до н.э. К более поздним периодам относятся этнонимы карай, эдай, тобыкты, албан, суан, сибан, каржас, каракесек и т.д.

Обширные материалы по казахской этнонимии и их толкование имеются в трудах В.В.Радлова, А.А.Аристова, А.Харузина, А.Самойловича, А.Н.Кононова. В этой статье мы попытались проанализировать некоторые казахские этнонимы и раскрыть их семантику.

Одним из древнейших этнотерминов является жуз. О его происхождении высказаны различные мнения. В.В.Радлов писал: "Если моя концепция правильна, то гузы (узы) может быть, все равно, что "юз", т.е. "сто племен" [15:117]. В.Григорьев, полагаясь на сведения арабского историка X в. Ахмеда, высказал другое предположение: "жуз в арабском языке "часть, ветвь чего-нибудь" [8:208]. Аналогичную точку зрения находим у С.А.Аманжолова: слово жуз происходит от арабского слова, означающего "часть" или "ветвь" общего ствола, улы жуз - большая или старшая ветвь, орта жуз - средняя ветвь, киши жуз - младшая ветвь [1:111]. В.В.Востров, М.С.Муқанов также писали: "Мы вполне разделяем ту точку зрения, что "жуз" - не "сотня", не "сто племен", а "часть", "ветвь" [4:115].

Термин жуз распространен во многих тюркских языках. Например: узб., как., алт. юс-юз, каз. жуз. Изучив многие материалы и исторические источники, мы пришли к выводу, что первоначальной основой термина жуз является древнетюркский этнотермин огуз. По поводу термина огуз академик А.Н.Кононов писал: "Слово огуз первоначально могло значить просто "племена", "объединенные племена", которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: токуз-огуз - "девять разных племен", уч-огуз - "три (разных) племена". Исходной основой собирательного этнического имени огу является ог "род, племя", которое в свою очередь находится в прямой связи со старотюркским словом оу "мать", к этой же основе восходят слова орул "потомство, сын", и оууш "сородич" [13:184].

Данный термин в древнетюркском языке означал: oγas
1) род, племя, 2) каста, 3) род, класс, порода. oγuz этн.
племя и объединение племен [9 : 365] .

Относительно происхождения этнотермина огуз мы придержи-
ваем мнение А.Н.Кононова, которое сводится к следующему: слово
ок "род", "племя" получило оформление аффиксом множественного
числа (-у)з, который находится и в составе этнического термина
Кыркыз [13 : 84] .

Следовательно, этнотермин жуз является видоизмененной
формой старотюркского огуз. Предполагается следующая схема изме-
нений данного слова: гуз > жуз > шюз > уз (уз) > юз > юс. Все
эти фонетические варианты встречаются в исторических источниках,
относящихся к прошлому того или иного тюркского народа. По-види-
мому, они были связаны с произношением и фонетической структу-
рой тех или иных племен, говорящих на различных тюркских языках.
В некоторых тюркских языках начальный гласный "г" не произносил-
ся, в результате чего употреблялась форма гуз. На следующих эта-
пах начальный согласный "г" чередовался с согласным "х". Таким
образом, в языке казахов вместо гуз укореняется термин жуз.
Итак, 1) термин жуз является видоизмененной фонетической де-
формацией старотюркского слова огуз гуз и означал "племя, объе-
динение племен"; 2) слово жуз, юз, юс в некоторых тюркских язы-
ках употреблялось в одних случаях, как этнотермин, а в других -
в качестве родовых названий (например, у хакасов, узбеков).

Попробуем раскрыть этимологию некоторых древнейших этно-
нимов: уйсун, канглы, дудат, аргын, алшин, кердери, абдалы, ал-
бан, керей, кимак и т.д.

Об истории и расселении уйсуней в прошлом писали Н.Я.Би-
чурин, Ч.Ч.Валиханов, В.В.Бартольд, А.Н.Барнштам, Н.В.Кюнер,
Б.Г.Гафуров, К.А.Акишев, Ю.А.Зуев и др. Однако об этимологии са-
мого этнонима уйсун имеются очень скудные сведения. А.Н. Барн-
штам в своей статье "К вопросу об усунь//кушан и тохарах" ука-
зал различные варианты этнонима уйсун. По утверждению ученого,
варианты кушан [кусан], употребляемые в тохарском языке, являются
фонетическими вариантами этнонима усун (usun) [3 : 20] .

Б.Г.Гафуров пишет: "Этноним "усунь" в среднекитайском должен был звучать как uozuən, а в древнекитайском как oswəp" [5 : 131]. В раннее написанной работе "Казак тіліндегі жалқы есімдар" имеется мнение о том, что "этноним уйсун состоит из двух самостоятельных компонентов. Первый компонент его уй/ой, второй компонент сын(син). Компонент уй/ой сопоставляется с компонентами этнонимов ойгыр ~ уйгир, ойрат, ойнаут, а второй компонент сын(син) с компонентами этнонимов алтын байсын [11 : 423].

В монгольском и бурятском языках слово ой означает "лес", "роща". Мы считаем, что наличие топонимов с компонентом ой в современном казахском языке неслучайное явление. Например: Ойкарагай, Ойкайын, Ойкайлау (в Алма-Атинской области). В данном случае компонент ой не означает "впадина", "низина", а наоборот "лес", "роща", следовательно, Ойкарагай "еловая роща", Ойкайын "березовая роща", Ойкайлау "лесное джайлау (пастбище)". Второй компонент сын < син этнонима Уйсун ~ Уйсин, на наш взгляд, не аффикс, а самостоятельное корневое слово. Об этом свидетельствуют фонетические варианты данного слова, сохранившиеся в тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, которые выходят к основе зон "народ". Примеры: монг., бур., тунг., маньчж., як. зон "народ", "люди", "племя" [14 : 365], тув. чон "народ", "племя", чув. сын, шын "люди", "народ". Н.К.Антонов компонент дун ~ дзон в этнониме будун считал самостоятельным словом, означающим "люди", "народ". По этому поводу он писал: "Нам кажется, что тюрко-монгольское йон, дзон, чон, сын можно бы сравнить еще с хуннским жун, имевшим, по-видимому, значение "народ", "люди, племя" [2 : 37].

Следовательно, слово сын по генезису связано со словами зон (дзон, йон, жун, чон). Однако его фонетическая деформация требует особого уточнения.

В процессе изменения данного слова наблюдается чередование звуков: /з//д//й//ж//ч// с или з//ж//, д//й//ч//ш//с. Если считать эти чередования закономерным явлением, то компонент сын(син) в этнониме уйсин является фонетическим вариантом первоначального зон "народ", "люди".

Таким образом, в результате сравнительного исследования материалов приходим к выводу, что этноним уйсун(ойсун) является древнейшим названием крупного племени и означает "лесной народ", "лесные люди".

Одним из древнейших этнонимов казахов является канды. В исторических сведениях встречаются его варианты: кан, канка, кангуй, ханакар, кангар, кангит и чао-че чаогуй (в летописях Восточно-Азиатских исследователей). П. Карпини в своей работе "Путешествие к татарам" отмечал, что кангиты, кангды, ханакар, кангарь — все одно и то же название.

Б. Г. Гафуров при описании истории канглов писал: "Одним из народов, который в тяжкий час пришел на помощь ферганцам, были кангуйцы, жители Кангюя" [5 : 137].

Приведенные данные показывают, что основой всех указанных вариантов является корень кан. Это подтверждают многочисленные факты о существовании в III-VI вв. до н.э. на территории Туркестана и Индии племен кан и канка [2 : 43]. Производные формы от него: канка, кангар, кангют, канды (последнее — явление позднего периода, кангуй — китайская транскрипция). Для того, чтобы определить, какой из этих вариантов является древним, какой — поздним, следует обратить внимание на грамматическую форму этих этнотерминов. Если мы берем за корневую основу кан, то морфологическими показателями его являются: — к-р(ар), — т(ут ут), — ды. Эти грамматические формы служили древними показателями множественного числа. На основании исторического формирования этих показателей множественности можно предполагать появление формы канка (ганга) раньше, чем формы кангар, а позднее кангют и на казахской почве канды.

Показатели множественности к(-ак), р(ар, ар) часто употреблялись в родовых и племенных названиях в V-X вв. Другой показатель множественности т(ат, ит) употребителен особенно для этнонимов XI-XVI вв. А что касается показателя ды, то он является казахским аффиксом обирательности и широко употреблялся в этнонимах в XVI-XIX вв.

О значении этнонима канглы были высказаны разные точки зрения и гипотезы. Средневековые историки и ученые Рашид-ад-дин, Абулгазы и Махмуд Кашгари этноним канглы связывали с названием телеги. Они ограничивались тем, что в древнетюркском языке телега называлась кан, а мастера, делающие телегу, канглы, а отсюда народ — канглы. Такое одностороннее объяснение основывалось только на почве ложной этимологии.

Н.А.Аристов этноним канглы считал происшедшим от названия реки Кан Алтая. Действительно, древние турки называли Енисей Кан (кан) или Гян. В тунгусо-маньчжурском (в корейском, маньчжурском) языке реки называют кан. В настоящее время в некоторых восточно-тюркских языках слова кан/кан/кан употребляются в значении "река".

Таким образом, отметим, что этноним канглы состоит из двух компонентов. Его первый компонент кан "река", а второй морфокомпонент лы показатель множественности, собирательности. Следовательно, этноним канглы означает "племя, живущее на берегу реки", т.е. "речные".

Об этнониме аргын имеется ряд сведений как в исторической, так и в этнографической литературе. По этому поводу писали Н.А.Аристов, В.В.Бартольд, С.А.Аманжолов, С.Г.Кляшторный, Г.Г.Мусабаев. Некоторые лингвисты пытались определить этимологию этнонима аргын.

Г.Г.Мусабаев слово аргын производит от монгольского аргуй "скотовод". Н.А.Аристов связывает его с названием реки Ар-гун в Алтае.

В статье об этнониме аргын, опубликованной в первом томе казахской советской энциклопедии, его первым компонентом считается аруг (арык) "чистый", "прозрачный", а второй компонент связывается с названием древнего племени гун. Во всех исторических источниках встречаются его варианты: аргу, аргун, аргын, аркагут, арганут, аркануд. Эти фонетические варианты, видимо, появились на различных исторических этапах.

Судя по форме, этноним аргын является адаптацией от аркагун. Полагаем следующую его схему фонетической деформации:

аркагун > арган > аргын > аргуу.

По А.Н.Кононову, аркагун из арка "поколение" и гун аффиксе множественности, собирательности [13 : 81]. В приведенных вариантах отмечены два показателя множественного числа. Во-первых, гун (его адаптированный, т.е. первоначальный основной вариант -н), во-вторых, т.д (с вариантами ут, уд). Первый из них является древним показателем множественности, который, по-видимому, относится к периоду урало-алтайской общности языков [10 : 72], а последние - показатели множественного числа тюрко-монгольских языков. Поддерживая точку зрения А.Н.Кононова, мы также возводим основу термина аркагун к древнетюркскому arqa. В древнетюркском языке это слово означало "множество, некоторое количество, совокупность, толпа, группа" [11:52].

Таким образом, казахский этноним аргын является, на наш взгляд, усеченной формой или фонетическим вариантом от арган, аркагун со значением "пламенное объединение", "племенной союз", "множество племен".

Этноним алдын в исторических источниках встречается в различных формах: алдын, алачын, алачин, алазын. Н.А.Аристов его сопоставлял с восточным бома или дома "пестрый народ". Эту точку зрения поддерживает Ю.А.Зуев, по мнению которого бома является китайским переводом этнонима "пегий конь". Впоследствии этот термин был известен в формах: алачи, алак - булак, алка-булак, булакай, алан, алачин. Приводятся данные о расселении части племени "Пеготого коня" в VI в. на севере Алтая, части в VII в. на западе. Имеются исторические сведения о существовании также алчинцев на берегу Черного и Азовского морей и на западе Днепра.

Геродот указывал на расселение в V в. до н.э. на берегах Черного моря племени ализон скифского племенного союза [6 : 91]. Эти исторические данные подводят к мысли, что является ли казахский этноним алдын фонетическим вариантом племени ализон, указанного на карте Геродотом. Как известно, такое фонетическое изменение встречается во многих родовых и племенных названиях в младшем жузе, корни которых также уходят в глубь истории. Например: абдалы (от Эфталит), кердэр (от Кирдар), телеу (от телес) и др.

На наш взгляд, этноним алшын является усеченной и видоизмененной формой алазон. Древнее племенное название алазон состоит из двух самостоятельных компонентов. Его первый компонент ала встречаем, как детерминатив, во многих этнонимах и топонимах в алтайских и древнетюркских языках. Например, Ала дат (у шорцев), Ала яр (у алтайцев), Ала-Тоо (у киргизов), Ала шакар (у османских турков названия города), Ала чаам (названия округа) [16 : 352] .

Слово ала во многих тюркских языках встречается в значениях "большой", "громадный", "великий". Например: башк. оло, якут. улахан, каз., кирг. улы, улуу "великий".

Топонимы с компонентом ала в казахском языке также выступают в значениях "великий" или "гора" [12 : 156] . Например, Алатау, Адакол, Алаарша и др.

Второй компонент зон в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, отчасти в тюркских языках, означает "народ", "племя", встречаясь в различных фонетических вариантах. Например: монг. зон, тунг. зон "народ", хак., тув. чон, чув. сыш > шын "народ", "люди", "племя".

Л и т е р а т у р а

1. А м а н ж о л о в С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. - Алма-Ата, 1959.
2. А н т о н о в Н.К. Исследования по исторической лексике якутского языка / Автореф. докт. дисс. - Алма-Ата, 1972.
3. Б е р н ш т а м А.Н. К вопросу об усунь/кушана тохарах. - Советская этнография, 1947, № 3.
4. В о с т р о в В.В. и М у к а н о в М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. - Алма-Ата, 1968.
5. Г а ф у р о в Б.Г. Таджики, древнейшая и средневековая история. - М., 1972.
6. Г а р о д о т. История в девяти книгах. - М., 1972.
7. Г р и г о р ь в В.В. О скифских саках. - СПб, 1871.
8. Г р и г о р ь в В.В. Караханиды в Мавараннахре. - СПб, 1874.

9. Древнетюркский словарь. - М., 1969.
10. Дульзон А.П. Происхождение алтайских показателей множественного числа. - Советская тюркология. - Баку, 1972.
11. Жанузак Т. Казах тилиндеги жалки есимдер. - Алма-Ата, 1965.
12. Койчубаев Б. Краткий словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата, 1974.
13. Кононов А.Н. Родословная туркмен. - Л., 1958.
14. Пекарский Э. Словарь якутского языка, т. III. - СПб.
15. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. - СПб, 1893.
16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, ч. I. - СПб, 1893.

Б.Х.Кармышева
(Москва)

СЛОВО АЙМАК В ЭТНОНИМИИ И ТОПОНИМИИ УЗБЕКИСТАНА [1]

Восточнотюркско-монгольское по своему происхождению слово аймак привлекает внимание исследователей в связи с разработанной проблемы социальной организации тюрко-монгольских народов [2], а также в связи с изучением происхождения ряда ираноязычных кочевых народностей Афганистана, известных под общим названием [2] им аймак или чараймак [3]. Неоднократно изучал этот термин В.В.Бартольд. В статье "Аймак", помещенной в Энциклопедии ислама, В.В.Бартольд отмечал, что это слово, имеющее примерно одинаковое значение со словом иль, первоначально означало "племя", но употреблялось также для обозначения племенных союзов как политических объединений. Подобным объединением, по мнению В.В.Бартольда, были чараймаки Афганистана [4]. В ряде других

работ В.В.Бартольд приводит еще несколько значений этого термина, встречающихся в письменных памятниках. Все они близки первоначальному значению этого слова и имеют отношение к кочевому населению.

К слову аймак обращались и топонимисты: С.К.Каравев, пытаясь раскрыть происхождение названия Аймак-арык (наименование древнего русла канала в Зааминском районе Узбекистана), рассматривает зафиксированные в научной литературе различные смысловые значения этого слова и, ссылаясь на В.В.Радлова [5], высказывает предположение, что данное наименование скорее всего означает "арык, вырытый чужими людьми" [6].

Полевые этнографические исследования автора в ряде областей Узбекистана (Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Джизакской, Самаркандской) и в юго-восточной Туркмении позволили установить, что слов аймак употребляется местными узбекским и таджикским населением этих областей в нескольких значениях: 1) в своем первоначальном значении "род", "племя"; 2) аборигенное население данной местности; 3) мифический древний богатырский народ; 4) человек, работающий в поле по-богатырски.

Некоторые из приведенных смысловых значений этого слова могут служить, как нам представляется, ключом к выяснению происхождения этнонима аймак, а также топонимов, в состав которых входит интересующее нас слово.

В качестве этнонима — названия одной из групп узбеков и туркмен — слово аймак фигурирует в исторической, демографической и этнографической литературе. В работе В.Л.Вяткина о Каршинском вилайете Бухарского ханства и организации в нем войска, основанной на письмах эмира Хайдара (1800-1803 гг.), приводится перечень всех этнических групп, населявших этот вилайет на рубеже XVIII и XIX вв., с указанием, какое число людей каждая из них выставляла в войска. В этом списке в одном ряду с названиями узбекских племен упоминается "общество аймак", которое должно было выставять 300 человек, занимая по числу выставляемых воинов третье место (после мангытов и сараев — самых крупных узбекских племен Каршинского вилайета) [7].

Наличие в этой области этнической группы под названием аймак подтвердилось при обследовании, проведенном Комиссией по районированию Средней Азии в 1924 г. Группы под этим наименованием были зарегистрированы как среди узбеков (3170 чел. в Каршинском оазисе и 455 чел. в верховьях: Якибагдары), [8] так и таджиков (7280 чел. в Каршинском оазисе) [9] .

Что это за группы? Над этим задумался еще Н.В.Ханыков. В своей книге, посвященной описанию Бухарского ханства [10] , он приводит список узбекских племен, заимствованный им из сочинения "Насият-номаи узбекия". Отметив, что из перечисленных узбекских племен 28 живут в Бухарском ханстве, Н.В.Ханыков пишет: "Кроме вышеуказанных родов, весьма часто удается слышать названия следующих:

1) Чагатай, кочующие рассеянно с другими родами.

2) Аймак, живущие оседло в Бухаре" [11] . Назвав далее еще "роды" карлук, каучин и курама, Н.В.Ханыков заключает: "Причислить сии роды к главным отделениям Узбеков мы не решились, потому что их нет в родовой книге, из которой мы извлекли вышеизложенный список. Вероятно, они составляют подотделения одного из приведенных нами родов" [12] .

И.П.Магидович, руководитель экспедиции Комиссии по районированию Средней Азии и интерпретатор собранных ею материалов, высказывал предположение о том, не являются ли аймаки Каршинского оазиса выходцами из Афганистана и не происходят ли они от аймаков этой страны [13] .

Полевыми этнографическими исследованиями, проведенными нами в 1954 г. в Каршинском оазисе, установлено, что местные жители термин аймак употребляли (а в 1954 г. старшее поколение еще продолжало употреблять) не в качестве этнонима - названия одного из узбекских родоплеменных групп - а в качестве термина для обозначения исконного населения таких древних городов и селений Каршинского оазиса, как Касби, Касан, Майнамак, Ходжа-Хайран, Айзавад и др. В национальном отношении жители этих городов и селений считались таджиками, само название их тоже было "таджик", хотя родным языком большинства

их в это время был узбекский; исключения составляли лишь касанцы — они были таджикоязычны [14]. Объяснялось это обстоятельство тем, что большинство населения Каршинского оазиса в XIX — начале XX вв. состояло из потомков кочевых узбеков, переселившихся в Среднеазиатское Междуречье на рубеже XV и XVI вв., а для них, говоря словами В.В. Бартольда, "признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевника важнее, чем признак национальности и языка..." [15]. Этнической же единицей как в быту, так и в политической жизни Бухарского ханства, в том числе и Каршинского оазиса, в этот период были так называемое "племя" [16] и его подразделения (исключения составляли такие малочисленные в данной округе народности, как арабы, казахи и др., фигурировавшие как представители своей народности). Поскольку исконное оседлое население Каршинского оазиса не имело родопламенного деления, то оно и выступало под именем аймак. Вместе с тем совершенно непонятно, почему этим термином, который обычно прилагается к кочевому населению, здесь, в Каршинском оазисе, в народной среде обозначают жителей наиболее древних очагов оседлости. И только в 1971 г. во время наших полевых исследований в Чаршангинском районе Туркмении и в Сурхандарьинской области Узбекистана эта проблема была решена.

В Чаршангинском районе (исключая прибрежную полосу Амударьи), в частности в долине Кугитангдарьи, большинство населения составляют узбеки, относившиеся в прошлом к полукочевому племени конграт [17]. Они считают себя давними, но не исконными, засельниками этих мест. Коренным же населением долины Кугитангдарьи, по их представлению, являются узбеки-саяты — жители кишлака Саят, расположенного в верхней части этой долины. Их-то узбеки-конграты, как и другие группы местного населения, называют аймаками. При этом они употребляют этот термин в двух формах: аймак, аймаклар (дар — показатель множественности в узбекском языке) и аймакы — "относящийся к аймаку". Один из наших информантов, Махмудкул бобо Муминов, 1899 г. рождения, по происхождению узбек-конграт, говорил нам, что саятов, как айма-

ков, считают старшими (адешного) населения (Элдин каттаси деб сайатты хысаблайды, аймакы деб) и что поэтому на тоях не приступают к угощению собравшихся, пока не придут представители саятов [18]. На наш вопрос, что значит слово аймакы, он ответил - коренной житель (тубжай халк) и в дальнейшем при наших беседах неоднократно возвращался к этому вопросу, чтобы не осталось неясностей.

Вместе с тем Я.Р.Винников, проводивший в 1957-1958 гг. сплошное этнографическое обследование Чарджоуской области, считает, что в верхней части долины Кугитангдарьи имеется две группы туркмен - аймак и сайатлы (т.е. "саятцы"), - живущих вперемежку [19]. Думается, что причиной заблуждения могло послужить то обстоятельство, что некоторые из местных жителей к числу коренных жителей, т.е. аймаков, относят не только саятов, но и узбеков группы чагатай, составлявшей основное население расположенного по соседству с Саятом большого селения Куйтан (от Кугитанг), которое было в прошлом административным и торговым центром верхней и средней частей долины Кугитангдарьи. К аймакам относят также и группу камачи или кемачи, живущую вблизи Келифа в прибрежной части и ныне считающуюся туркменской. Отнесение обеих этих групп к аймакам не противоречит приведенному нами значению этого термина, а, наоборот, подтверждает его: термином чагатай в Бухарском ханстве в начале XX в. (старшее поколение и ныне) обозначали смешанное таджикско-узбекское население многих старых поселений [20], а камачи (буквально - "лодочник") - несомненно, потомки лодочников (каючников), из поколения в поколение работавших на знаменитой с древних времен Келифской переправе.

Термин аймак, видимо, не употребляется среди туркменского и туркменизированного населения долины Средней Амударьи, ибо он не был там зафиксирован Я.Р.Винниковым, хотя саяты живут там в двух районах - Чарджоуском и Саятском. При этом в обоих районах они считают себя исконным населением, жившим еще задолго до прихода в эти районы туркмен-эрсаринцев (XVII в.), хотя и считают себя ныне туркменами [21].

В Сурхандарьинской области термин аймак в значении "исконное население" зафиксирован нами в таджикском кишлаке Сина, расположенном вблизи Денау. Характеризуя этнический состав населения соседнего с Сина кишлака Ушор, мой информатор-таджик, молодой секретарь сальсовета, сказал, что там 18 хозяйств аймаков - аймоқлар (беседа велась на узбекском языке), а остальные - узбеки, турки и другие. На мой вопрос, кто такие аймаки, он ответил: "Аймаки- это коренные жители Ушора, таджики" [22].

Употребление местным населением слова аймак в значении "абориганное население" объясняет, почему в Каршинском оазисе этим термином обозначали коренное население наиболее старых поселений и городов. Как отмечалось, под этим названием скрывались не только узбеки, но и таджики, отсутствием которых были несколько озадачен В.Л.Вяткин при рассмотрении писем эмира Хайдара: "Интересно то, - писал он, - что среди многогородового тюркского населения не встречалось вовсе таджиков в Каршинском вилайете, по крайней мере о них нет ни одного особого упоминания даже среди тех групп населения, которые поставляют воинов и платят налоги. Они могли быть только в составе группы под обобщающим термином "фукара", население, под которым и несли свои повинности" [23].

Употребление термина аймак в значении "коренной житель", по всей вероятности, связано с представлением населения ряда районов о том, что в древности в данной местности жил мифический народ аймак, подобно тому как в ряде других мест (например, в Исфаринском районе [24], в горах, окружающих с севера Ферганскую долину [25], в Алайской долине и Джергатайском районе [26] существует представление о древнем народе мур, а в бассейне Верхнего Зеравшана - о народе од [27]. Это предположение находит подтверждение в топонимии Узбекистана, где некоторые древние каналы и городища приписываются местным населением аймакам - древнему богатырскому народу, жившему в этих местах до принятия ислама. Например, в долине Сурхана есть старый канал Хазорбог, отведенный от реки Сантардак. Про него говорили нам, что он "остался со времен аймаков" (аймак давриддан қалган)

[28]. Древний канал "времен Абдулла-хана" под названием Аймак-арык был зафиксирован нами вблизи кишлака Чуянтепа в Бундугурском районе Самаркандской области [29]. На восточном склоне Кугитангского хребта, где много мест, связанных с именем Бабур, про развалины средневековой крепости, приписываемой Бабуру, местные жители говорили нам, что она "осталась от аймаков - от прошлых времен" [30].

С представлением о древнем богатырском народе аймак, несомненно, связано еще одно значение интересующего нас слова, зафиксированное нами в 1973 г. в Галлиаральском районе Джизакской области среди узбеков, относившихся в прошлом к племени кирк: аймаком называют человека, работающего по-богатырски. Наш информатор 70 лет вспоминал, как приходилось ему слышать, например, про хорошего пахаря: "Сын такого-то столько земли вспахал! Прямо-таки аймак!", или же "Столько-то батманов (зерна) получил, этот джигит прямо-таки аймак!" [31]. Примечательно, что такое же значение приобрело и слово муг в Фергана [32].

В связи с приведенными этнографическими данными возникает ряд вопросов: связана ли этимология термина аймак в значении "коренной житель" стурко-монгольским словом аймак - "племя", "род" - или она имеет иные истоки? Когда и в связи с чем возникло среди таджикского и узбекского населения некоторых областей Среднеазиатского Междуречья представление о древнем народе аймак? Нет ли такого представления и в северо-западном Афганистане, в районах расселения так называемых чараймаков или аймаков? Не бытовало ли там (или не бытует ли и поныне) употребление термина аймак в значении "аборигенное население"? Не в этом ли смысле употреблял этот термин Бабур, когда в одном ряду с тюрками, моголами, хазарами, арабами и афганцами он называл и аймаков? [33]. Не разумеет ли он под этим термином коренное кочевое и полукочевое таджикоязычное население центральных, северных и северо-западных областей современного Афганистана (Кабула, Газни и восточного Хорасана)? Можно ли, наконец, в наши дни наименования аймак в северо-западном Афганистане считать собственно этнонимом? Может быть он, подобно терминам сарт,

тат, чагатай [34] , обозначает лишь определенную историко-культурную общность и, следовательно, еще стоит как-бы на грани этнонимизма, чтобы, в случае консолидации близких по культуре и историческим судьбам народностей и племен, перерасти в собственно этноним?

Л и т е р а т у р а

1. К а р м и ш а в а Б.Х. Трансформация термина аймак в юго-западных областях Узбекистана. - В кн.: Бартольдские чтения 18-20 марта 1974 г. Тезисы докладов и сообщений.-М., 1974, с. 32-34.
2. В л а д и м и р ц е в Б.Я. Общественный строй монголов.-Л., 1934, с. 136, 137; К о н о н о в А.Н. Родословная туркман. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского.-М.-Л., 1958, с. 94, примечания 109,110; А г а д ж а н о в С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969; и др.
3. Библиографию см.: Давыдов А.Д. Афганская деревня.-М., 1969, с. 116-133; Рашидов Р.Т. Аймаки.-Ташкент, 1977, с. 3-11.
4. Бартольд В.В. Аймак. - Сочинения, т. У.-М., 1968, с.489.
5. Р а д л о в В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. - СПб., 1893, с. 64.
6. К о р а в С.К. Ўрта Осиёдаги баъзи жой номлари. - Фан ва турмуш , 1975, № 6, с. 18.
7. В я т к и н В.Л. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215-1217 (1800-1802) годов. - Изв. Средне-Азиатского отделения РГО, 1928, т. XLIII, с. 16.
8. Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территории и население Бухары и Хоразма, ч. I. Бухара. - Ташкент, 1926, с. 223.
9. Т а м ж е , с. 232, табл. 9.
10. Х а н ы к о в Н. Описание Бухарского ханства.-СПб., 1843.
11. Т а м ж е , с.65.
12. Т а м ж е , с. 65, 66.

13. Материалы по районированию Средней Азии ..., с. 224.
14. Кармышева Б.Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана. - "Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР", 1957, вып. XXII, с. 15-17.
15. Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк. - Сочинения, т. II, ч. I. - М., 1963, с. 461.
16. Ждако Т.А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX - начало XX вв.). - Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, 4.-М., 1974.
17. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. - М., 1976, с. 94, 211-222.
18. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. 1971. Тетрадь для полевых записей автора, № 3, с. 115.
19. Винников Я. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. - В кн.: Труды Ин-та истории, археологии и этнографии Туркменской ССР, т. VI, серия этнографическая. - Ашхабад, 1962, с. 89, 90.
20. Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории ..., с. 146.
21. Винников Я.Р. Указ. соч., с. 89, 90.
22. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. 1971. Тетрадь для полевых записей автора, № 7, с. 72, 87.
23. Вяткин В.В. Указ. соч., с. 23.
24. Давидович Е.А. и Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. - Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXV. - Сталинабад, 1955, с. 22.
25. Литвинский Б.А. Курумы. - В кн.: Археологи рассказывают. - Сталинабад, 1959, с. 227, 228.

26. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. 1957. Полевые записи автора. Джергетал.
27. Р о з е н ф е л ь д А.З. Великаны в таджикском фольклоре и топонимике. — В кн.: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977, с. 93-96.
28. Архив Ин-та истории АН ТаджССР. Поездка автора 1955 г. Полевая запись 1.УП, кишлак Илансай Денауского района Сурхандарьинской области УзССР.
29. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Зеравшанского отряда Среднеазиатской экспедиции. 1960. Дневник автора, № 2, с. 29.
30. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. 1961. Тетрадь для полевых записей автора, № 2, с. 96.
31. Архив Ин-та этнографии АН СССР. Материалы Предгорного отряда Среднеазиатской экспедиции. 1973. Тетрадь для полевых записей автора, № 1, с. 74.
32. Л и т в и н с к и й Б.А. Указ, соч., с. 228; о н же. Курганы и курумы Ферганы (Раскопки. Потребальный обряд в свете этнографии). — М., 1972, с. 146.
33. Б о б и р З а х и р и д д и н М у х а м м а д. Бобирнома. — Ташкент, 1960, с. 189, 193, 198, 251, 304.
34. К а р м ы ш е в а Б.Х. Некоторые данные к этногенезу ..., с. 15, 17.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОНИМОВ В ТОПОНИМИИ
БУЛУНГУРСКОГО РАЙОНА

Топонимия Булунгурского района Самаркандской области Узбекской ССР отличается обилием топонимов этнического происхождения, образует сплошные этнотопонимические ареалы и изучение ее представляет интерес для этнографов. Работы по этнотопонимии Булунгурского района, специально написанные для выявления этнотопонимов, не существуют. В настоящем сообщении сделана попытка установить причины появления топонимов этнического происхождения в Булунгурском районе.

Границы территорий распространения топонимических явлений не совпадают с административной границей района. Поэтому в предлагаемой работе, с целью сохранения целостности ареалов топонимических явлений, помимо топонимии Булунгурского района исследовались еще некоторые топонимы за его пределами, в частности, топонимы западной части Бахмальского и юго-восточной части Джамбайского районов. С карт и других источников нами записаны 375 топонимов; 46% этих топонимов образованы от этнических названий, 9,5% — от личных имен и прозвищ людей и 32,5% — из узбекской нарицательной лексики. Основная часть этнотопонимов происходит от наименований подразделений узбекских племен каракалпаков, юзов, кырков, туяк-лы и кипчаков [I; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11]. Это явление закономерное, так как по сведениям авторов второй половины XIX в. на изучаемой территории жили узбекские племена и этнические группы — каракалпаки, юзы, кырки, туякы и кипчаки. Их след хорошо сохранился в топонимии и этнотопонимии каждой этнической группы на карте имеют довольно четкие ареалы.

Ареал каракалпакских этнотопонимов занимает северную половину поливной зоны Булунгурского района и юго-восточную часть Джамбайского района. Посередине ареала с севера на юг проходит

административная граница этих районов. Географические названия, расположенные в пределах этого ареала, генетически связаны между собой.

В пределах ареала в настоящее время насчитывается 80 кишлаков, из них 74 (т.е. 92,5%) имеют родоплеменные названия каракалпаков. Кишлаки каракалпаков в конце XIX в. в пределах ареала занимали преимущественно западную часть, и были представлены с названиями Кингес-мангыт; Кара-муш (2 назв.), Тун-катар (2 назв.), Ак-каун, Караки, Бишбала, Дивана-тепе, Джапан-кунград, Иручи; Сабалак (2 назв.), Кият, даха Ачмайли, Куянчи; 2-ой око-лодок Илятан, Бурлак, Хитай, Урай, Урай-тепе, Сукман, Кара-ки-сек; Митан, Татар, Биш-саид, Чуют, Мангыт и Кара-кунград [6]. В начале XX в. кишлаки и другие географические объекты появля-лись также на востоке и северо-востоке ареала. В связи с этим количество названий на этой части карты увеличилось почти в три раза. Приведем перечень этнотопонимов каракалпаков: Чуют (2 назв.), Кенегес-мангыт (Кенегес и мангыт), Каракалпак (4 назв.), Мангыт (2 назв.), Кенегес, Карелар (2 назв.), Сарылар (2 назв.); Кунград, Яманкунград (2 назв.), Каракунград, Карамуш (2 назв.); ар. Карамуш, Тунгатыр (2 назв.), Аккаун (2 назв.), Караки, Беш-бала (2 назв.), Актамбашбала, Деванатепа, ар. Деванатепа, Иручи (2 назв.), Сабалак (5 назв.), Кургансбалак (2 назв.), Куянчи, Яманкуянчи, Актакуянчи, Кият (2 назв.), Ачамайли (3 назв.), Чай-джули, Балгали, Элатан (2 назв.), Бурлак, Урай (4 назв.), Сук-ман (4 назв.), Каракисак, Митан (7 назв.), Актапамитан (2 назв.), Каратепамитан, Татаркишлак, Байтоп Бишсаид (Бессаид) и Бешугил (2 назв.). С первого взгляда нетрудно определить, что в основе многих этих топонимов лежит этноним каракалпаков Зарафшанской долины, упомянутые еще А.Д.Гребенкиным. Для сопоставления при-ведем составленный им перечень отделений и подразделений каракал-паков.

"Отделение первое: Кунград-каракалпак. Подотделения: Биш-бала, Куянчи, Карамуш, Аккаун, Тунгатар, Соболак, Ачамайли и Иргалы.

Отделение второв: Кипчак-ктай каракалпак. Подотделения: Илетан-кипчак, Каракисяк, Сары кипчак, Биш-сары, Бакальчак, Ктай-каракалпак тополяс, Урай, Сакман и Бурляк.

Отделение третьи: Уйшун-митан каракалпак. Подотделения: Ети-уль, Сарык-уча, Биш-уль, Биш-сайт, Обыслар, Джуганта-йк, Баракобяк и Мирза-митан" [I] . Этот список дополнила Л.С.Толстова следующими названиями: Конграт и муйтен (наиболее распространенные родоплеменные подразделения самаркандских каракалпаков), ктай, кипчак, кенегес, мангыт, кара-мойын, ашамайлы, балгалы, ыргаклы, кият, уйручи (иручи); муйтен делится еще на жуан-таяк, баруга-тубак (наверное, барракабак? - У.Т.), итак, абызлар, татар-муйтен, байлар, парчалар [8] .

Среди этих этнотопонимов встречаем названия каракалпаков Хорезмского оазиса - кареки, жаман-конграт, кият, шеужайлы, балгалы, кенегес-мангыт, чуют, мангыт, кенегес, кара, сары [3: 162-166; 168] ; Бухарского оазиса - дивана (дуана) [9:46] ; Ферганской долины - уйручи (иручи) [10 : 43-45] ; митанов Иштыханского района - "татар-муйтен" [11 : 58] . Эти примеры указывают на этническое единство каракалпаков, проживающих на упомянутых территориях, и помогают глубже изучить этнический состав.

При наложении этнографической карты и карты этнотопонимов Будунгурского района (рис. I и 2) можно заметить, что в западной части ареала расселения каракалпаков кишлаки с этническими их названиями почти отсутствуют, а кишлаки восточной части сплошь названы этнонимами каракалпаков и между этими частями существует довольно резкая граница. При сопоставлении этих карт с картой истории освоения Джамбайского района выясняется, что на землях, освоенных до прихода каракалпаков, топонимия мало содержит каракалпакских этнотопонимов. Это произошло вследствие того, что каракалпаки переселились в Джамбайский район постепенно и ранее существовавшие названия географических объектов вошли в состав обиходной лексики переселенцев. Каракалпакские этнотопонимы отмечаются там, где впервые появились кишлаки каракалпаков. Таким образом, в местной топонимии больше всего от-

ражаются следы первообитателей и первопоселенцев.

Топонимы XIX в. в пределах арала каракалпакских этнотопонимов распространены преимущественно в западной части (рис. I), а топонимы начала XX в. — в восточной и северо-восточной половине арала. По ним можно установить даже направления передвижений некоторых отделений каракалпаков. Например, кунград-каракалпаки вместе с уйшун-митан каракалпаками первое время занимали преимущественно территорию на северо-западе, впоследствии они распространялись на восток и северо-восток; а кипчак-ктай каракалпаки размещены вплотную на западной границе и затем расселились на пространствах между своими ранее существовавшими кишлаками. Парные племена каракалпаков кенегес-мангыт и их подразделения каре, сары и чуйит, вероятно, в Зарафшанскую долину пришли последними. Их кишлаки вначале находились на юге и юго-востоке арала, а в последнее время распространялись на южную часть западных границ арала и на северо-восток.

По сведениям А.Д. Гребенкина, "Юсы (юз, жуз) самаркандского отдела вышли из-под Заамина лет 60 тому назад (примерно 1811 г., т.е. на 40 лет позже, чем каракалпаки. — У.Т.) ... и заняли свободные места по Тиа-тартару, Полван-арыку и Булунгуру, между тюклями и кара-калпаками" [1:91]. В 1871 г. Л.Н. Соболевым были зарегистрированы следующие кишлаки (привожу только кишлаки с родоплеменными названиями узбеков-юзов, расположенные на территории Булунгурского и западной части Бахмальского районов): Ирганакли, Ураклы, Хуштамгалы, Ходжа-бача, Каракурсак, Сулаклы, Мугул, Небуса, Курук-казан [6]. Материалы переписи 1888 г. дополнили наш список этнотопонимов с названиями Хисари-ураклы, Кильдон, Биш-куба, Узз и Солин [7: III, III]. На картах XX в. названия следующих кишлаков: Пасткильдон (2 назв.), Мухау-Кильдон, Салын-уяз, Салин, Ходжабача (2 назв.), Башкуры, Коштамгалы (2 назв.), Хисариураклы, Карапчи (3 назв.), Тыгырик, Башюз и Башхана (от этнонима башюз), Хитайза, Юкарыктайюз, Урта-китайюз, Этаккитайюз (от этнонима хитайюзи), Сартюзи, Каль (4 назв.), Кальтапа и Кальтуб (образованы от этнонима каль), Бишкаль,

Рис. I. Карта этнотопонимии Будунгурского района (в скобках дано время первоначальной регистрации названия данного топонима). I - этнотопоним, образованный от названия каракасмак (вторая половина XIV в.); 2 - от названия таджик (начало XX в.), от наименований подразделений узбекского племени найман: 3 - (1888 г.), 4 - (начало XX в.); от названий подразделений кунграт-каракалпаков: 5 - (1871 г.), 6 - (1888 г.), 7-8 - (начало XX в.); от наименований подразделений кипчак-итай-каракалпаков: 9-(1871 г.), 10-11 - (начало XX в.); от наименований подразделений уйшун-митан-каракалпаков: 12 - (1871 г.), 13-14 - (начало XX в.); названия подразделений каракалпаков, не зарегистрированные в Зарафшанской долине и название каракалпак: 15 - (1871 г.), 16 - (1888 г.), 17 - (начало XX в.); от названий делений туяклы: 18 - (1871 г.), 19 - (1888 г.), 20-21 - (начало XX в.); от наименований делений подразделений юзов: 22 - (1871 г.), 23 - (1888 г.), 24-25 - (начало XX в.); от названий родовых делений кыркы: 26 - (1871 г.), 27 - (1888 г.), 28-29 - (начало XX в.); от наименований делений и подразделений кипчаков: 30 - (1871 г.), 31 - (начало XX в.); от названия хтай: 32 - (1871 г.), 33 - (начало XX в.); 34 - от этнонима кутчи (1871 г.), 35 - от этнонима дурман (1871 г.); 36 - от этнонима ходжа: 36 - (1871 г.), 37-38 - (начало XX в.); от этнонима кунгур: 41 - (1871 г.), 42 - (начало XX в.); от этнонима ертешар: 43 - (1871 г.), 44 - (начало XX в.).

45 - границы аравдов этнотопонимов каракалпаков, юзов и туяклы, 46 - оросительные каналы, 47 - границы районов по состоянию на 1971 г.

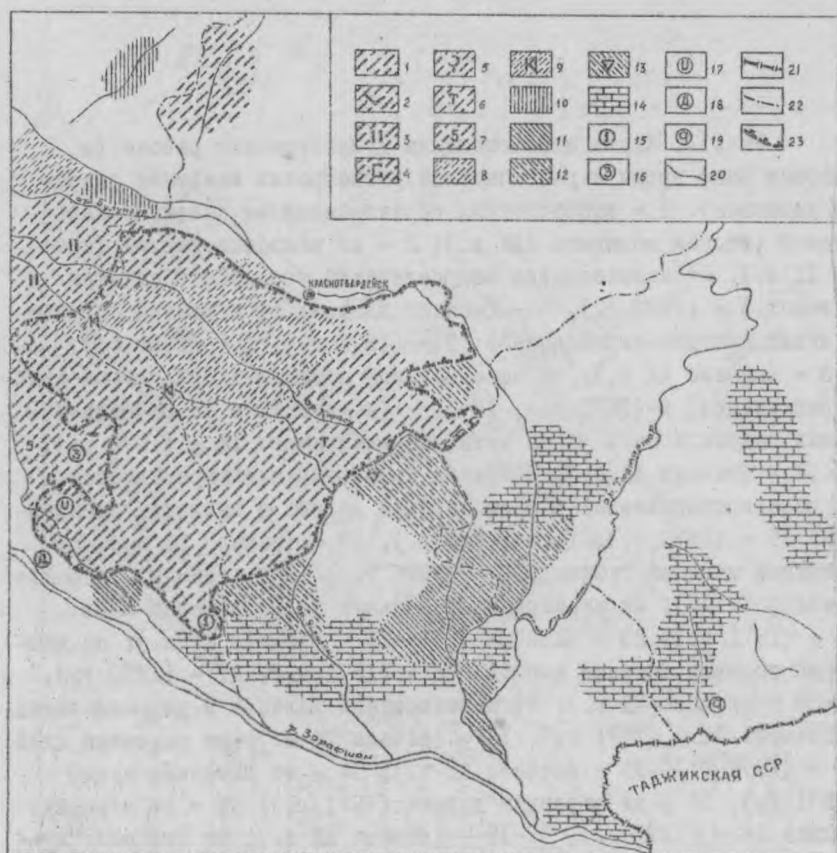

Рис. 2. Карта расселения узбекских племен в Будунгурском и граничащих с ним территориях соседних районов в 70-х годах XIX в. (Карта составлена У.Туйчиевым на основе материалов, приложенных к статье Л.Н.Соболева. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа).

1 - каракалпаки, 2 - каракалпаки и найманы, 3 - каракалпаки и кипчаки, 4 - каракалпаки и сарай, 5 - каракалпаки и словенная группа хожда, 6 - каракалпаки и таджики, 7 - каракалпаки, хазары и авганцы-гератцы, 8 - кунграт-каракалпаки, 9 - кунграт-каракалпаки и каракалпаки, 10 кипчаки, 11 - юзы, 12 - кырк-юзы, 13 - кырк-юзы и туяклы, 14 - туяклы, 15 - кишлак юзы, 16 - таджики и узбеки кырк-юзы, 17 - уйшуны, 18 - дурманы, 19 - кутчи, 20 - оросительные каналы; 21 - границы республик, 22 - граница районов по состоянию на 1971 г., 23 - граница ареала каракалпакских этнотопонимов.

Ирганакли (2 назв.), Эрганак (бывший Кувандык), Нибуса, Курка-зан, Казаккишлак и ар. Куканы. Для сопоставления этнотопонимов со списками родового состава юзов составлена следующая таблица.

Этнотопонимы	Этнические названия юзов				
	по А.Д.Гребенкину	по А.И.Макашеву	по Х.Дониэрову	по В.Радлову	
1	1	2	3	4	5
Ирганакли	Ирганацлык-юс				Эрганекли
Ураклы	Урахлы				
Куштамгалы	Каштамгалы-юс	Коштамгали	Қўстамгали		
Ходжа-бача	Ходжа-бача				
Каракурсақ	Каракурсақ	Каракурсақ	Қорақурсақ		
Сулаклы		Сулахлы	Сўлоқлы		Солаклы
Мугул		Могол	Мугол		
Небуса	Нибуса	Небуса	Небўса		
Курук-казан	Курук-казан-юс	Кури-казан	Қуриқозон		
Кильдон	Кильдон				
Биш-куба		Беш-куи	Бешкуби		
Уяз		Уяс			
Солин		Салин			
Салын-уяз			Уяс-солин		
Карапчи	Карапчи	Карабчи	Қарапчи		Карапча
Тыгырик	Тыгырик-ктай-юс	Тегрик	Тиғириқ		Тыгырик
Бешюс	Беш-юс	Беш-юс	Бешжуз		
Хитайза	Хтай-юс [1:93]	Хитай-юс	Хитойизи		Хан-ходжа-кытайзы, Ходжи-кы-тайзы [5:61-63]
Сартюзи		Сард-юс	Сартжузи		
Каль			Кал		
Бишкаль		Бешкель	Бешкал		

I	1	2	1	3	1	4	1	5
Казакишлак						Козок [2:83-86]		
ар.Куканы				Хоканди [4:38]				

Топонимов, образованных от родовых названий кырк^{ов} в топонимике Будунгурского и западной части Бахмельского районов, не так уж много и большая их половина составляет собственное название кырк. Этнотопонимы Тенгали, Харамза, Янги и Малтоп образованы соответственно от этнонимов тенгили, янги (или жангга), молтоп [2:86] и харамза-кырк^к. Кишлаки, называемые кыркскими этнонимами, расположены на южном склоне г. Гобдун и на окраинах ареала кишлаков с кызскими названиями.

В пределах распространения этнонимических топонимов юзов и кырк^{ов} насчитывается более 70 ойконимов. Из них 70% образованы от этнических названий юзов (45 назв.) и кырк^{ов} (11 назв.), по одному от этнонимов-Таджик, Джугут и Сарай. Шодман (2 назв.) – от личного имени. Рават (3 назв.), Тепа (2 назв.), Джар, Кутарма, Бешкопа и т.д. исходят от лексики узбекского языка.

По А.Д.Гребенкину, "Туяклы разделяются на следующие отделения: 1) Чубот, 2) Урай, 3) Молла-кесаки 4) Мирза-кесаки, 5) Чангал и 6) Гурач. Последнее отделение считается бекским" [1 : 93] .

Почти все этнотопонимы туяклы встречаются на западе от ар. Туятартар, где кишлаки гуще, а на востоке – от арыка, хотя живут одни туяклы, географические объекты резко названы наименованиями этнического происхождения. В топонимии закреплены этнические названия туяклы: Чангаль (9 назв.), Урай, Муллаисахи, Мирзасисахи, Чабат и Туяклы. Название "Чангаль может вызвать сомнения, так как чангал, чангалзор на узбекском языке означает местность, где обильно растут колючие кустарники, и успехом может применяться местным населением как географическое

* По А.Д.Гребенкину, среди отделений каракалпаков Зарафшанского округа имеется харамза-кырк.

название. Однако в списке населенных мест Л.Н.Соболева в Шеразском тумене зарегистрировано два кишлака Чангаль под № 14 и № 56 с жителями туяклы [6], а кишлаки с этим же названием, образованные позже, расположены вокруг этих старых кишлаков, там же находятся селения, названия которых образованы от наименований подразделений туяклы-Муллаисачи, Мирзайсачи и Туяклы.

На территории Булунгурского района жили также сары-кипчаки [12 : 124]. Этнонимы их отражены в названиях кишлаков Саркипчак, Бешбала (2 назв.) и Чувалак. Этнотопонимы Сары-кипчак (2 назв.) и Сукман встречаются и на северо-западе Джамбайского района. Кишлаки под названием Сары-кипчак здесь были известны еще в 70-х годах XIX в., в то время в одном из них жили сары-кипчаки, а в другом — юзы [6]. Видимо, юзы переселились позже в покинутый кишлак сары-кипчаков, вернее, постепенно менялись жители.

На изучаемой территории еще имеются кишлаки под названиями Сарай, Кутчи, Ходжаманзил и Ишан. Они названы наименованиями родов и племен узбеков-сарай, кутчи и сословной группы — ходжа.

В заключение необходимо отметить, что ныне существующая топонимия изучаемого региона возникла в основном с приходом и занятием этих земель узбекскими и обузбаченными племенами и этническими группами каракалпак, юз, туяклы и кипчак.

Л и т е р а т у р а

1. Г р е б а н к и н А.Д. Узбеки. — В кн.: Русский Туркестан (Сб., изданный по поводу политехнической выставки, вып. II). — М., 1872.
2. Д а н и ё р о в Х. Узбек халкининг шажара ва шевалари. — Тошкент, 1968.
3. Ж д а н к о Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. — Тр. Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. 1950, т. IX.
4. М а к ш е в А.И. Географические, этнографические и ста-

- тистические материалы о Туркестанском крае. - В кн.: Записки Русского географического общества по отделению статистики, т. П. СПб., 1871.
5. Р а д л о в В.В. Средняя Зеравшанская долина. - В кн.: Записки Русского географического общества по отделению этнографии, т. VI. СПб., 1880.
6. С о б о л е в Л.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. - В кн.: Записки Русского географического общества по отделению статистики, т. IV., СПб., 1874. Приложение 15.
7. Список населенных мест в уездах Самаркандской области за 1888 год. - В кн.: Сб. материалов для статистики Самаркандской области, за 1887-1888 гг., вып. I.-Самарканд, 1890.
8. Т о л с т о в а Л.С. Этнографическая группа "каракалпак" в составе узбеков Самаркандской области. - Вест. Каракалпакского филиала АН Уз. ССР. 1960, № 2.
9. Т о л с т о в а Л.С. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. - Советская этнография, 1965, № 5.
10. Т о л с т о в а Л.С. Каракалпаки Ферганской долины. - Нукус, 1959.
11. Т о л с т о в а Л.С. Этнографическая группа "митав" в составе узбеков Самаркандской области. - Вест. Каракалпакского филиала АН Уз. ССР. 1966, № 4 (26).
12. Ш а н и я з о в Т.К. К этнической истории узбекского народа. - Ташкент, 1974.

Т.Туйчиев
(Ангрэн, Узб. ССР)

ЭТНОТОПОНИМЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДЖАМБАЙСКОГО РАЙОНА

За последнее десятилетие появилось несколько топонимических исследований, в которых рассмотрены отдельные географические названия Зарафшанской долины, в том числе и Джамбайского района [6; 7; 12]. В этих работах основное внимание уделяется этимологии отдельных топонимов. В настоящем сборнике мы попытались на основании литературных, статистических и картографических данных выявить этнотопонимы и, анализируя их, обрисовать расселение в этом районе отдельных этнических групп населения XIX — начала XX в., и там, где позволяют источники, рассмотреть в хронологическом порядке.

Джамбайский район имеет своеобразный, резко отличающийся от соседнего Будунтурского района, топонимический ландшафт. В пределах этой территории встречаются географические объекты, возникшие в разные периоды истории Зарафшанской долины (начиная от времен правления Тимура, XIV в.). Мы имели возможность рассматривать топонимы в хронологическом плане, благодаря работе В.Л.Вяткина "Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета", созданной на основе более 150 вакуфных и иных источников [2]. Согласно данным этого автора, кишлаки, известные еще при Тимуре на территории Джамбайского района, по видимому, были приурочены только к устьевым частям оазис в предгорьях горы Гобдун (рис. 1). Из двадцати географических названий того времени более десяти являются по происхождению тюркскими или образованы при помощи словообразовательных средств узбекского языка от корней других языков. Например, такие как кишлаки: Шакар кишлак, Якка-тут, Каичи, Катили, Бури-Кул, Карангу-кул, Тульки-курган; горные ручьи: Тева-булаг (Тя-булак), Саук-булак и гора Казанча [2:65,66]. Два топонима — Туты халаджан и Кара-кысмак, по всей вероятности, образованы от этнических на-

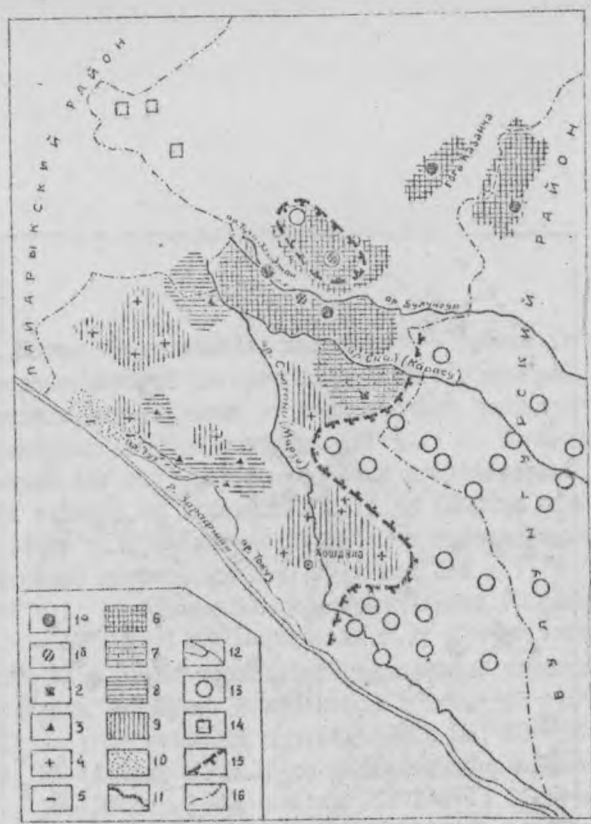

Рис. 1. Историко-географическая карта Джамбайского района.

1а - кishлаки времени правления Тимура (70-е годы XIV - начала XV в.); 1б - то же, но ныне не существующие; 2-кishлаки возникшие при Тимуридах (XV в.); 3- кishлаки, упомянутые на документах времени правления Аштарханидов (XVII- до середины 50-х годов XVIII в.); 4-кishлаки конца XVIII в.; 5-кishлаки первой половины XIX в.; 6-земельные угодья кishлаков 1а и 1б; 7-земельные угодья кishлаков 2; 8-земельные угодья кishлаков 3; 9-земельные угодья кishлаков 4; 10-земельные угодья кishлаков 5; 11-древние каналы; 12-каналы известные по документам первой половины XIX в. 13-этнотопонимы, образованные от наименований подразделений каракалпачков (1871 г.); 14-этнотопонимы, образование от наименований делений кyzов (начало XX в.); 15-восточная граница освоенных земель до первой половины XIX в.; 16- граница районов по состоянию 1971 г.

Рис. 2. Карта этнотопонимии Джамбайского района (в скобках даны время первоначальной регистрации данного топонима).

Этнотопонимы, образованные от наименований каракасмак и халадж: 1- Каракасмак (вторая половина XIV в.); 2- Тути-халаджан (вторая половина XIV в.); от наименований подразделений узбекского племени найман: 3- (конец XVIII в.); 4- (первая половина XIX в.); 5- (1888 г.); 6- (начало XX в.); от наименований подразделений узбекского племени кипчак: 7- (конец XVIII в.); 8- (1871 г.); 9- (начало XX в.); от наименований подразделений узбекского племени хтай: 10- (1871 г.); 11- (начало XX в.); 12- от этнонима туяклы (начало XX в.); от названий подразделений этнографической группы "каракалпак" узбеков Зарафшанской долины: 13 (1871 г.); 14- (начало XX в.); от названий подразделений из: 15- (1871 г.); 16- (1888 г.); 16- (начало XX в.); от названий подразделений кырк: 18- (1871 г.); 19- (1888 г.); 20- канглы (1871 г.); 21- дурман (1871 г.); 22- сарай (1871 г.); 24- мангыт (1871 г.); 25- мангыт (начало XX в.); 26- кунгур (1871 г.); 27- кунгур (1888 г.); 28- сословная группа ходжа; 23- от родового названия хазара (1871 г.). 29- граница ареала этнотопонимов, образованных от наименований подразделений этнографической группы "каракалпак".

званий, т.е. от названий первопоселенцев халаджей [8 : 196] и каракасымов [13 : 23] .

При тимуридах появляется только один кишлак "Кукгун-баз" [2 : 66] . Как отмечает В.Д.Вяткин, "В "Абдулла наме" (при шейбанидах) около селения Кукгунбаза, ... указываются местности Кансай и Дульбай (?), но в настоящее время эти названия здесь не известны" [2 : 67] .

В эпоху эштарханидов освоение территории земель нынешнего Джамбайского района оживляется. Появляются кишлаки (островками) на юге, против кишлака Хальвай кишлак Баба (ныне Баба-теда), Тали-чукур, Сари-чашма, Буданг (переименован на Иштансиэ) и ар. Наштак. На западе у границы с Паиарыкским районом, несколько южнее селения Тут-халаджан, располагались кишлаки Хазан, Нафардан и Умаран, ар. Мирза - арык, Нафардан и Умаран сейчас неизвестны [2 : 68] . Название Сары-Чашма таджикски означает "у родника", оно, наверняка, связано с таджиками, жившими в близкорасположенных кишлаках Тут, Сармак и Халвай [14] . Следует отметить, что в составе названий Наштак, Хазан, Нафардан и Умаран имеются таджикские словообразовательные элементы -ак, -ан(-он).

Среди десяти кишлаков, упомянутых в документах конца XVIII столетия имеются этнонимы Найман-тапа и Кара-кипчак [2 : 69] . По ним можно определить время и место первой эмиграции узбеков-найман и кипчаков. Топонимы, образованные от родовых имен найманов Айранчи [11 : 202] , Сармак [1] и от родовых названий кипчаков ар.Токуз [10 : 125] , извлечённых из вакуфных документов первой половины XIX в. [2 : 69] , свидетельствуют об окончательном обосновании этих племен узбеков на юго-западе района (рис. 2).

Основная масса топонимов возникла в XIX в. Результаты исследований 1871 г. [14 : 69] показали резкое увеличение числа поселений и оросительных каналов. Это связано с новым, мощным потоком иммиграции каракалпаков, кзыл, кырков и других узбекских кочевых и полукочевых племен в долину Зарафшана, сопровождавшаяся интенсивным переходом их на оседлость.

Топонимия I четверти XX в. на территории Джамбайского района не отмечает крупных иммиграций со стороны. Новые кишлаки воздвигнуты в основном тем же населением и названы родовыми названиями тех же племен. На основе этих фактов устанавливается, что формирование населения этой территории было завершено во второй половине прошлого столетия. Топонимические данные указывают на частичное перемещение населения в пределах района. Например, кишлаки, носящие названия подразделений племени найман (и собственное название найман), впервые появились преимущественно на западе орошаемой зоны, а в более поздних документах встречаем их и на крайнем юго-востоке, еще позднее — в центре и у восточных границ орошаемой части. Арвал кипчакских этнотопонимов немного расширился по направлению на восток и юго-восток.

Топонимия Джамбайского района отличается обилием этнотопонимов. Многочисленные мелкие, разбросанные по долинной части района, кишлаки каракалпачков, узбов, кыркоч и других племен узбеков, в основном носят этнические названия этих групп*, что свидетельствует о наличии у них родоплеменного деления в момент перехода их на оседлость.

На территории Джамбайского района нами записаны следующие каракалпачские этнические названия кишлаков и арыков: Илтан, Бурлак, Кунград (2 назв.), Урай (3 назв.), Урайтапа, Сукман (2 назв.), ар. Сухман, Бишсид, Бишугил [3 : 99], Митан, Кият, Иручи, Хитай, Хитайпая [15 : 27], Джаман-кунград (3 назв.) [5 : 163], Кенегес-мангыт [5 : 49]. Почти все эти кишлаки и арыки расположены на юго-западе района и их названия составляют западную половину арвала каракалпачских этнотопонимов*.

* Из общего числа топонимов Джамбайского района 56% образованы от этнонимов, 9% — от имен и прозвищ людей, 24% — топонимов неэтнического происхождения исходят из лексики узбекского языка.

* Восточная часть арвала находится на территории Будунгурского района.

На картах Джамбайского района отмечено всего 10 топонимов, образованных от названий кипчаков: Кара-кипчак, Чиртак (или Каракисак), Бакалчак, Джурят, Сары кипчак (2 назв.), Чуулак, Чалыкипчак, Сукман и Кипчак [16 : 123-124]. Из них Кара-кипчак (как упомянуто выше) известен с XIII в. Он свидетельствует о более равнем, чем каракалпаки, юзы, кырки и туяклы, переселении кипчаков наряду с найманами на эту территорию. Первые сведения о существовании кишлаков Чиртак (Каракисак), Бакалчак, Джурят, Сарыкипчак и Чуулак дают материалы исследований 1871 г. Тогда в этих кишлаках жили кипчаки [14]. Топонимы Сарыкипчак (2 назв.), Чалыкипчак, Сукман и Кипчак появились на картах начала XX в.

18 кишлаков и арыков Джамбайского района называются родовыми именами кырков [3 : 93; 4 : 86] и юзов [3 : 96; 9:38; 4 : 83-85]. Топонимами, образованными от этнических названий племени юз, являются: Туркман (5 назв.), Бешкал (2 назв.), Казахаул, Ишкилы, Курказан, Бешкуба, Ураклы, Карапчи, Хитай и Хитайбада, а топонимы Чуркунды, Кунбаш, Кырк и ар. Кырк образованы от названий кырков.

По сведениям А.Д.Грабенкина, юзы и кырки в Самаркандскую область пришли в начале XIX в., часть их заняла места по Палван-арыку [3 : 91, 93]. Зарегистрированные в 1871 г. кишлаки Чуркунды, Кунбаш, Бишкаль и Хитай [14], безусловно, были основаны ими. В материалах Всероссийских переписей 1920 г. отмечается, что "Смесь ктай и юзов ("ктай-юз" и "кара-ктай-юз") считается частью рода юз; встречается по соседству с каракалпаками в Палван-арыкской и Тянь-тертарской вол" [10:44]. Это дает нам право считать кишлаки Хитай и Хитайбада, расположенные на арыке Палванарык, таджикими.

Кроме рассмотренных, существуют этнотопонимы Сарай, Джитарус и Канглы. В конце XIX в. в этих кишлаках жили одноименные племена узбеков [14]. В топонимии района запечатлелись названия и других групп: ходжей (кишлак Кавзаходжа), иранцев - хавара (кишлак Гизара) и т.д.

Л и т е р а т у р а

1. В а л и е в М. Узбек тилининг найман шеваси. - Самарканд, 1963.
2. В я т к и н В.Д. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. - В кн.: Справочная книжка Самаркандской области, вып. УП. - Самарканд, 1902.
3. Г р а б е н к и н А.Д. Узбеки. - В кн.: Русский Туркестан, вып. П. - М., 1872.
4. Д а в и ё р о в Х. Узбек халкининг шажары ва шавалари. - Тошкент, 1968.
5. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. - М.-Л., 1950.
6. К а р а е в С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. Автореф. канд. дисс. - Ташкент, 1969.
7. К а р а е в С. География этнопонимов Узбекистана. - *Sp. XI congrès international des sciences onomastiques. - Sofia, 1972.*
8. К а р ы ш е в а Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. - М., 1976.
9. М а к ш а е в А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. - В кн.: Записки Русского географического общества по отделению статистики. Т. II. - СПб., 1871.
10. Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Ч. I, вып. У. - Ташкент, 1924.
11. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I, ч. I. - Бухара-Ташкент, 1926.
12. Р а х м а т о в Т. Топонимия города Самарканда и его окрестностей. Автореф. канд. дисс. - М., 1973.
13. С и т н я к о в с к и й Н.Ф. К генеалогической таблице подукочявого узбекского рода кунград. - В кн.: Известия Туркестанского отдела русского географического общества. Т. УП. - Ташкент, 1907.
14. С о б о л е в Л.Н. Географические и статистические сведения о Зерафшанской округе с приложением списка населенных мест округа. - В кн.: Записки русского географического общества. Т. IV. - СПб., 1874. Приложение 15, Тулины Сугутский, кишлаки под номером 39, 41 и 56.

15. Толстова Л.С. Этнографическая группа "каракалпак" в составе узбеков Самаркандской области. - Вест. Каракалпакского филиала АН УзССР. 1960, № 2.
16. Шавиязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. - Ташкент, 1974.

С.С. Губаева
(Фергана)

РАССЕЛЕНИЕ УЗБЕКСКОГО ПЛЕМЕНИ ЮЗ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ НА РУБЕЖЕ XIX - XX вв.

В составе узбекского народа, как и многих других при феодализме, имелся ряд этнографических групп, обладавших формой реликтовых племен и родов или территориальных групп. Изучение этих групп имеет большое значение для разработки проблемы этногенеза и этнической истории узбекского народа, а также Средней Азии и Казахстана.

В данной статье мы обратимся к юзам - одному из крупных узбекских племен, представители которых жили и на территории Ферганской долины, и попытаемся, хотя бы частично, восстановить на основе литературных, полевых и топонимических данных родовой их состав и расселение.

Юзы появились в Средней Азии, по всей вероятности, с войсками Шайбани-хана [12 : 172]. Фергана была завоевана дашти-кипчакскими узбеками весной 1504 г. [6 : 515]. До XVI в. юзов в Фергане, по-видимому, не было, так как в "Бабур-наме", известном письменном памятнике средневековья [1], никаких упоминаний о них нет. Появились ли они в Фергане сразу же после завоевания ее кочевыми узбеками, т.е. в XVI в., или спустя некоторое время, сказать трудно. Но во всяком случае в Фергане они известны давно.

О Ферганских юзах упоминается в ярлыках, хранившихся у казиев Сафид-Булакской части г. Маргилана Музаффарутдина-ходжи, которые исследовал З.Валидов [2]. В результате он пришел к выводу, что "власть Аштарханидов над Ферганой и в начале XVIII века несколько не поколебалась; главную роль в этой стороне играло киргизское и узбекское племя юз. Никаких властей имеющих мингов до Шахруха, т.е. до начала XVIII века, здесь не было" [2]. По-видимому, юзы играли значительную роль, по крайней мере, были достаточно многочисленны в Фергане в XVIII веке.

В 1732 г. Ходжентом (ныне Ленинабад), фактически независимым и от Бухары, и от Ферганы, по сообщению В.Наливкина, правил Ак-Бута-бий, сын Мухаммад-Раим-Аталика из рода юз [II:56]. О том, что юзы были многочисленны и могущественны в Фергане и в XIX в., говорят сведения Ч.Валиханова, В.В. Радлова и др. Они указывают, что в Бухаре жили в те времена мангыты, в Байсуне — локаи и кунграды, в Кундузе — катаганы и т.д., а в Коканде — юзы [3:208; 13]. Кроме того, по некоторым данным, родовачальники узбеков в Ходжентском уезде считались роды карапчи и парча-юз [8:18]. И тот и другой, как известно, являются подразделениями племени юз.

О времени поселения юзов в Фергане пишут в основном современные исследователи, и мнения их сходятся.

В "Истории народов Узбекистана" юзы упоминаются в числе жителей Бухары, Самарканда, Уратепы и Ходжента, начиная с ХУП в. [5: 72-93]. К тому же выводу, на основании этнографических данных, приходят К.Наджимов и Н.Турсунов [10:83; 16 : II]. О пребывании юзов в Ходженте в начале ХУШ в. пишет А.Мухтаров [9:16-21].

Наши информаторы, предки которых принадлежали к племени юз, на вопрос о времени появления юзов в Фергане отвечают по-разному. Одни говорят, что юзы прибыли в район Нау (районы Нау и Пролетарский Ленинабадской области — места в Ферганской долине, когда-то наиболее заселенные юзами) около 500 лет назад; другие — примерно 200-250 лет назад из районов Уратюба, Замина и Самарканда. Часть юзов района Нау переселилась из Бекабадского района Ташкентской области (из кишлака Уяз), кстати — уяз — название одного из подразделений юзов. И, наконец, многие назвали бывшим местом поселения своих предков Коканд и его окрестности. Из этих районов юзы прибыли в Науский район сравнительно недавно (лет 100-150 тому назад).

В настоящее время узбеки, предки которых принадлежали к племени юз, живут в основном в юго-западном углу Ферганской долины, в частности, в районах Нау и Пролетарском Ленинабадской области. Они еще помнят названия родовых подразделений, многие

старики сохранили и само название. В этих районах нам удалось зафиксировать названия ряда подразделений племени юз. В районе Нау жили когда-то подразделения парча-юз, чалджунт, марка-юз, сексары¹. Представители одного из родов парчаюзов — карабуйин — жили в селениях Осиё, Камар, а также в одноименном квартале селения Нау, а представители одного из родов маркаюзов — бешбола² — жили в одноименном квартале селения Куркат и в некоторых соседних кишлаках, представители одного из родов сексары-хаштняк-жили в одноименном кишлаке того же района. Чалджуиты тоже занимали целый кишлак, который в настоящее время называется Чарджугут, что, несомненно, является искаженным Чалджуит. Кроме того, в районе Нау жили узбеки рода туяклы³.

В Пролетарском районе той же Ленинабадской области в большом числе жили туяклы (особенно в кишлаках Узбек и Кайрагач), кокани-карапчи⁴, болоназим (особенно в селении Гулякандоз) и более мелкие роды: бешбола, диванбаги, карабуйин.

В других районах Ферганской долины (в районах селений Балыкчи, Шарихан, Асака, Кува), судя по топонимии, тоже жили юзы, однако в настоящее время никто не помнит о своей принадлежности к ним. Так, в районах селений Кува, Асака (ныне Лениноск), частично Шарихан потомки юзов живут в окружении турков и относят себя сейчас к узбекам рода турк. Многие турки также в числе своих подразделений относятся к юз, туяклы-юз (туяклы,

1 Парча-юз отмечен в числе подразделений юзов А.И.Машкаевым, Х.Данияровым; Чалджуит — А.И.Машкаевым, Х.Данияровым, Б.Х.Кармышевой; сексары (в форме саккиссары) — А.И.Машкаевым (см. 7, с. 39; 17, с. 84); материал по юзам Самаркандской области был любезно предоставлен мне Б.Х.Кармышевой).

2 По Б.Х.Кармышевой, бешбола — один из родов туяклы.

3 Подразделения юзов туяклы отмечены Б.Х.Кармышевой (полевой материал) и Х.Данияровым (Указ. соч., с. 84).

4 По данным Х.Даниярова, подразделения юзов карапчи, а вернее карапчи-кукони, жило в Ферганской, Андижанской и Ленинабадской областях Ферганской долины, а также в Ташкентской, Сырдарьинской и Самаркандской областях (Х.Данияров. Указ. соч., с. 84). По материалам Б.Х.Кармышевой, в Самаркандской и Сырдарьинской областях карапчи среди юзов рассматриваются как представители бекского происхождения — бекгоза.

как уже говорилось выше, одно из подразделений юзов). Например, в Кувинском районе Ферганской области в кишлаке Тюрк живут потомки юзов и тюрко-барласов. Юзов было больше, чем тюрко-барласов, но населенный пункт называется Тюрк, а не Юз, так как сами юзы относят себя к тюркан рода юз.

В селении Арабазар (близки от Маргилана), в вышеупомянутом кишлаке Тюрк, в Мархамата (Андижанская область) нам называли в числе тюрских подразделений куруглуказан. Но куруказан (или куруказан-юз) приведены в числе подразделений юзов А.Д.Гребенкиным, А.И.Макшеевым, Х.Данировым и Б.Х.Кармишевой [4: 93; 7, 39; 17: 34]. Такой разнотой может объясняться то, что тюрки и юзы издавна жили в близком соседстве в Завалине, Урвотье, Ташкента, а по нашим материалам — и в Фергане¹. Ныне родоплеменные названия забываются, и даже старики частенько относят юзов к тюркам.

В составе юзов имеется подразделение улз, в числе родов которого А.И.Макшеевым и Б.Х.Кармишевой был зарегистрирован чанкан (чункан) [7 : 39]. Нам подобный этноним не называли. Но, возможно, топонимы Чанкан, Чаукан, Чанкат, Бакчичанкен, Курамачукан и Чанкитмас [14: 17, 26, 63, 79, 88] указывают на былые расселение чанкенов в Фергане.

Вероятно, юзы оказали влияние на родоплеменной состав не только тюрков, но и кипчаков. Так, некоторые информаторы называли нам в составе кипчаков подразделения юз (в Балыкчинском и Московском районах Андижанской области), где кипчаки и юзы были соседями. Кроме того, подразделения ферганских кипчаков пучугай и саккизсары схожи с подразделениями юзов поджаев и саккизсары, приведенными А.И.Макшеевым [7 : 39].

Наш материал о подразделениях в прошлом ферганских юзов и их расселении далеко не полон. Это объясняется в значительной степени тем, что к настоящему времени даже старики почти не пом-

¹ Расположение на карте названий кишлаков, населенных юзами, указывает на то, что их селения находятся в районах рассе-
ления тюрков или соседствуют с ними.

нят родоплеменных названий. Кроме того, нам удалось побывать не во всех районах Ферганы, где в конце XIX – начале XX вв. жили юзы. Возможно, дополнительный сбор материала расширит познания о них.

Л и т е р а т у р а

1. Б о б и р, З а х и р и д д и н М у х а м м а д. Бобирнома. – Ташкент, 1948.
2. В а л и д о в А.З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия / Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 20-й, вып.2. – Ташкент, 1915.
3. В а л и х а н о в Ч. Киргизское родословие / Собр. соч., т. I. – Алма-Ата, 1961.
4. Г р а б е н к и н А.Д. Узбеки/ Русский Туркестан/ Сб., изданный по поводу Политехнической выставки, вып. 2. – М., 1872.
5. История народов Узбекистана, т. 2. – Ташкент, 1950.
6. История Узбекской ССР, т. I. – Ташкент, 1967.
7. М а к ш е в А.И. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае/ Зап. Русского географического об-ва по отделению статистики, т. 2. – СПб., 1871.
8. Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области. – Ташкент, 1914.
9. М у х т а р о в А. Очерк истории Ура-Тюбинского владения в XIX в. – Душанбе, 1964.
10. Н а д ж и м о в К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области/ Тр. САГУ, новая серия, вып. 143, Биологические науки, кн. 35. – Ташкент, 1958.
11. Н в л и в к и н В. Краткая история Кокандского ханства. – Казань, 1886.

12. Народы Средней Азии и Казахстана, т. I. - М., 1963.
13. Р а д л о в В.В. Средняя Зеравшанская долина/ Зап. ИРГО по отд. этнографии, т. 6. - СПб., 1880.
14. Список населенных мест Ферганской области. - Скобелев, 1909.
15. Т у р с у н о в Н. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX - нач. XX вв. - Душанбе, 1976.
16. Т у р с у н о в Н. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана.-Автореферат кандидатской диссертации. - Ленинабад, 1969.
17. Д о н и ё р о в Х. Узбек халкининг шажара ва шевалари. - Тошкент, 1968.

Амирьянц И.А.
(Москва)

О НЕКОТОРЫХ АРАБСКИХ ЭТНОНИМАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Среднеазиатские арабы издавна живут в разных районах Средней Азии, их численность по переписи 1970 г. составляет около 4 тыс. человек. Основная масса среднеазиатских арабов (около 3,5 тыс.) проживает в Узбекской ССР. Большая их часть расселена в Кашка-Дарьинской области, где они составляют 1207 человек, в Бухарской - 914 человек, в Сурхан-Дарьинской - 775 человек. Остальные арабы живут в Самаркандской (249 человек), в Андижанской (109), в Ташкентской, Сыр-Дарьинской, Наманганской областях, а также в Таджикской и Туркменской республиках [3] .

На более широкое расселение арабов по территории Узбекистана в прошлом указывают материалы топонимии. Чаще других

отмечаются селения с названиями Араб-хона, Араб-кишлак; почти во всех областях имеются села с такими названиями. В Бухарской области встречаются названия арабских сел в таджикизованной форме, например, Арабони. В Самаркандской области в начале нашего века было зафиксировано более 10 сел, названия которых свидетельствовали о расселении здесь арабов. Это Араб-хона, Кичик-араб, Катта-араб, Араб-Алчин. В Ферганской области немало селений, названия которых связаны с пребыванием здесь арабов например, Араб-хона, Минараб, Шагром-араб и т.д. В настоящее время арабы во многих названных районах полностью слились с местным населением, хотя названия хранят память о них по сей день.

Время поселения арабов Средней Азии, а также обстоятельства их появления не зафиксированы письменными источниками. Несомненно одно, что арабы впервые появились в Средней Азии в период арабских завоеваний в конце VII — начале VIII вв. В завоеванных городах для умирения коренного населения и сбора податей оставались гарнизоны арабских войск. Они селились в отдельных кварталах, названия которых сохранились до наших дней и напоминают о событиях давно минувших веков.

Предания самих среднеазиатских арабов говорят, что их предки пришли из северных районов Афганистана. Долгое время эти племена кочевали в степных районах между Шибержаном и Балхом, а также в районе Худьме (примерно в X в.), пока не осели в районе Каршинских степей и между Мервом и Амударьей [2 : 121].

Приведенные версии об обстоятельствах появления арабов в Средней Азии логичны и допустимы, подтверждением чему могут служить этнонимы шабони и санони. Оставляя лингвистам выяснение этимологии этих двух этнонимов, рассмотрим здесь наиболее главное — где, когда, кого они обозначали.

В результате этнографического обследования среднеазиатских арабов советскими учеными в 40-х годах установлено, что арабы, сохранившие свой язык, принадлежат к двум племенам — Шабони и Санони [1 : 13]. В этих арабских племенах Средней Азии сохранились свое племенное название и воспоминание о былом пле-

менном единстве; каждое племя имеет свой диалект, свои любимые личные имена. Для обозначения племени Санони употребляется арабское слово фарк "группа, партия", а Шабони — кабила "племя". Арабские племена с такими же этнонимами обнаружены и у арабов Ближнего Востока. Откуда и когда пришли эти племена в Среднюю Азию?

Племя бану шабан — небольшое бедуинское племя, перекочевывавшее с Аравийского полуострова в район Сирийской пустыни. История расселения племен Аравийского полуострова связана с постепенным их движением с юга на север, например, история многих племен, в том числе и племени башан [7 : 24]. Перекочевав в район Сирийской пустыни, большая часть племени осталась здесь, а остальные в поисках пастбищ, а может быть волной арабских завоеваний, двинулись дальше в пределы Афганистана. Можно предположить, что в дальнейшем эти племенные объединения арабов Афганистана, вытесненные более сильными афганскими племенами, ушли в Среднюю Азию, где на свободных землях, пригодных для их образа жизни, остались навсегда. Эта группа арабов из районов Кашка-Дарьи, как и их далекие предки, занималась скотоводством и отчасти земледелием. До сих пор они живут более замкнуто, чем те арабы, которые растворились в массе местных жителей.

Относительно племени санони мы располагаем скудными данными. Этим названием обозначались группы профессиональных ремесленников сунна, обслуживающих бедуинов предметами домашнего обихода. Часть сунна проживала постоянно в селах, другая же странствовала из одного района в другой [7 : 40]. Трудно сказать, какой волной они были занесены в Среднюю Азию. Но можно сказать с определенностью, что основная масса сунна в Средней Азии осела в районах Бухары и занималась оседлым хозяйством и ремесленничеством. Думается, что и их обозначение фарк или фирка "группа" указывает, что они не были самостоятельным племенным объединением, а составляли определенную группу, часть какого-то племени.

Необходимо отметить, что среднеазиатские арабы, утратившие свою материальную культуру и воспринявшие культуру народов,

среди которых они жили, продолжают сохранять некоторые черты семейно-брачных отношений, характерных именно для древней арабской культуры: форма брака, сохранение пережитков материнского строя и т.д. [1 : 16-20] .

Предположение о былом родстве этнонимов шабони и санони с исконно арабскими подтверждается данными антропологического обследования среднеазиатских арабов, а также их диалектов.

Данные Л.В.Ошанина и К.Наджимова показывают, что Средняя Азия заселялась как брахикафальными месопотамскими арабами, так и долихокефальными южными арабами [5 : 65; 6 : 50] . Исходные арабы - выходцы с Аравийского полуострова - по мере продвижения на север утрачивают свой исходный для всех семитов средиземноморский тип в результате переселения к северу в область расселения переднеазиатской расы и перехода к оседлости. Арабы, придя в Среднюю Азию, не были уже чистой расой - арабское войско было конгломератом народов различных рас и языков. Попав в пределы Средней Азии, арабы тесно соприкоснулись с местным населением и растворились в нем. Те арабы, которые избежали сильного смешения с окружающим местным населением, смогли сохранить многие этнические признаки исходного народа.

Материалы Г.В.Царетели по изучению языка среднеазиатских арабов показывают, что диалекты их языка имеют много общего с диалектами сирийских и иракских арабов [8 : 11; 9 : 10] .

Дальнейший анализ этнонимов среднеазиатских арабов может дать положительную информацию при определении происхождения арабов Средней Азии.

Л и т е р а т у р а

1. В и н н и к о в И.Н. Арабы в СССР. СЗ/ Сб. статей, IV. - М., 1940.
2. В о л и н С.Л. К истории среднеазиатских арабов/ Тр. второй сессии ассоциации арабистов 19-23 окт. 1937 г./Тр. Ин-та Востоковедения АН СССР.
3. Всесоюзная перепись населения 1970 г.

4. К а р м ы ш е в а Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. — М., 1976.
5. Н а д ж и м о в К. Антропологический состав населения Сурхандарьинской области (В связи с некоторыми вопросами этногенеза), ТСАГУ, нов. серия, вып. 143 / Биологические науки, кн. 35. — Ташкент, 1958.
6. О ш а н и н Л.В., З е з е н к о в а В.Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. — Ташкент, 1953.
7. П е р ш и ц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой трети XX в. — М., 1961.
8. Ц е р е т е л и Г.В. Арабские диалекты Средней Азии, т. I. — Тбилиси, 1956.
9. Ш а р б а т о в Г.М. Современный арабский язык. — М., 1961.

Н.Г. Деметер
(Москва)

ЭТНОНИМИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЦЫГАН

Цыгане, живущие в Узбекистане и Таджикистане, носят название среднеазиатские цыгане. Среднеазиатские цыгане, как и европейские, выходцы из Индии, хотя в отличие от других групп цыган они пришли из Индии ближайшим путем, через Афганистан и Иран.

Все среднеазиатские цыгане делятся на три группы:

I. Люли (джуги, мултони), мазанг, тавоктарош (согугторош). Люли — их так называют таджики и узбеки, а их самоназвание — мурат, мурати тубжом, т.е. местные цыгане. Эту группу "местных цыган" по роду занятий, образу жизни, следует подразделить на три подгруппы:

а) цыгане люли (джуги, мултони) — в основном вели бродячий образ жизни, нищенствовали, гадали, врачевали, некоторые

из них занимались ювелирным ремеслом;

б) цыгане табактаром (тадж. табактаром, букв. "вытесывающий, изготавливающий блюда и тарелки") жили полуседло и занимались деревособлагодным ремеслом;

в) цыгане мазанг жили оседло и занимались торговлей вразнос. Они продавали краски, парфюмерию, посуду. Товары покупались оптом, а потом женщины разносили их по кишлакам. А.И.Вилькинс сообщал о том, что мазанги называли себя еще аттар (тадж. аттар - продавец галантереи, парфюмерии, пряностей) [I: 448-449] .

2. Вторую группу среднеазиатских цыган узбеки и таджики называют кара-люди и аугон-люди (то есть черные люди, афганские люди). Из названия можно определить место их прежнего жительства до прихода в Среднюю Азию. Их самоназвание Аугон мугат или ковули.

3. Третью группу называют индустани-люди. Их самоназвания - мугати, хунди или покирадж. Характерен факт, что как бы цыган Средней Азии не называло окружающее население, самоназванием всех групп является этноним мугат, муг - ед.ч. (арабск. маг, огнепоклонник). Этот термин в древности применялся к последователям зороастрийской религии [5 : 596] . А.И.Вилькинс писал, что мугат в переводе с персидского означает волхв, гадатель [I: 436-451] . Кроме термина мугат, цыгане называют себя этнонимом гурбат, в переводе с арабского означает одиночество, безродственность, чужастранность [4 : 187] .

Внясно, что таджики называют цыган джуги, а узбеки, киргизы и др. - люди. Этноним джуги происходит от индийского слова, означающего отшельник, нищий [2 : 447] .

Этноним люди по персидскому словарю - люди, занимающиеся песнями и пляской [3 : 442] . О происхождении этого этнонима среди цыган Самарканда и Бухары сохранилась легенда, записанная со слов 98-летнего старика-цыгана Таштамир-бобо Санакулова, последователем среднеазиатских цыган Х.Х.Назаровым. Согласно этой легенде, неизвестно, где и когда жили очень бедные

родители, кроме двух детей Лю-сына и Ли-дочери они ничего не имели. Однажды на их сторону войной пошел могущественный царь. От него разбежался покоренный им народ, потому что он был свиреп и жесток. Родители этих детей тоже бежали, потеряв детей в суматохе и панике. Осиротевшие Лю и Ли долго плакали и пошли разыскивать родителей. Брат пошел по одной дороге, а сестра — по другой. Через несколько лет они встретились, но брат не узнал сестру, а сестра брата. Они полюбили друг друга и поженились. Мулла проклял их, и это проклятие передавалось из рода в род, из племени в племя, из страны в страну, а потомки этой пары стали называться люди. С той поры не было люди покоя: их гнали, презирали, ибо они считались нечистыми людьми.

Что касается этнонима мульти, то происхождение этого этнонима связывают с городом Мултаном (Пакистан).

Этноним мазанг сами мазанги объясняют легендой (записана со слов 85-летнего мазанга Каноат-ота Давранова из колхоза им. Хданова Наманганского района Наманганской области Х.Х.Назаровым). В недалеком прошлом племя мазанг жило в Иране, где у них было небольшое царство. Однажды, когда царь мазангов со своим войском отправился в поход, на их крепость напало враждующее соседнее племя. Тогда все женщины, одевшись в мужскую одежду, вооружившись луками и стрелами, сумели защитить город. Они вели себя как мужчины — мардван. Отсюда якобы и произошло мазанг.

В.Оранский связывает этноним мазанг с таджикским диалектным словом "мазанг", которое употребляется в значении "черный, темнокожий, темнолицый...". С другой стороны, говорит В.Оранский, учитывая звуковые чередования *d/b/l* и *d/z* в определенной группе иранских диалектов, весьма соблазнительно было бы сопоставить термин "мазанг" с таджикским устаревшим *malang* "отшельник", персидским *mālāng* "голый, опьяненный, босой, с непокрытой головой", афганским *malang* "дервиш, нищенствующий, факир, аскет", хинд. *malang* — "дервиш, крепкий, здоровый человек". *alang*

Все среднеазиатские цыгане исповедовали мусульманскую религию. Говорят они на таджикском языке, наряду с кото-

рым широко пользуются особым языком арга.

Л и т е р а т у р а

1. В и л ь к и н с А.И. Среднеазиатская богема/ Изв. об-ва ЛЕАЭ при Московском университете. - М., 1879, т. XXIV, Антропологическая выставка, т. III, ч. I.
2. Индо-русский словарь. - М., 1959.
3. М и л л е р Б.М. Персидско-русский словарь. - М., 1960.
4. Н а з а р о в Х.Х. Влияние Великой Октябрьской революции на жизнь и быт среднеазиатских цыган. - М., 1970.
5. С н е с а р е в Г.П. Среднеазиатские цыгане. Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана. - М., 1963, т. 2.

АНТРОПОНИМИЯ

Б.О. Орузбаева
(Фрунзе)

О СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ В ЭПОСЕ "МАНАС"

Трилогия "Манас" по меткому определению казахского ученого XIX в. Ч.Валиханова является "энциклопедическим собранием всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря "Манаса". "... Образ жизни, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее" [12 : 71-72]. Как известно, сюжетную основу эпоса составляют события из жизни киргизского народа, якобы происходившие в прошлом в пределах современной территории его обитания. Поэтому это грандиозное поэтическое сказание^{*} содержит немало собственных имен, наименований народов, племен, родов, топонимов и антропонимов.

Только в одном разделе эпоса под названием "Поминки Кёкётея" ("Кекетейдун ашы") [19 : 7-130] в связи с описанием событий, связанных с поминками последнего, упоминается около 120 личных имен (антропонимов). Среди них: Манас, Алмамбат, Чубак, Сыргак, Бакай, Кошой, Жолой, Коңурбай, Нескара, Каныкей, Кёкче, Кёкетай, Бокмурун, Тазбаймат, Бозуул, Музбурчак, Ороңгу, Сарек, Кыргылчал, Жашайдар, Гулайым и мн. др. Более 80 топонимов: Каркыра, Талас, Камин, Ташкан, Алтай, Сары-Арке, Алай, Су-самыр, Кеген, Уя-Капкак, Каңдай, Котон, Кёене-Турпан, Каң-Барбар, Лоп дарыя, Жаркен, Каң-Оогам, Чамбыл-Бел, Беленди, Кокон, Маргалаң, Анжиян, Алты шаар, Самаркан, Букара, Жети-Өзөн, Сары-

^{*} Наиболее полный вариант эпоса "Манас", записанный со слов известного сказителя Саякбая Каралыева (который хранится в рукописных фондах отделения общественных наук АН Киргизской ССР), содержит более полумиллиона стихотворных строк.

Суу, Индистан, Чинмачин, Бээжин, Бакбурчун, Уланды, Кентун, Дуцшан, Ат-Башы, Чач-Төбө, Кеңкол, Опол-Тоо, Кызыл-Кия, Иле, Чабдар, Амур, Саян, Былчакай, Кулжа-Тоо, Кырмусшаа, Такес, Хылдыз, Кекмен* и др. Около 30 наименований народностей и племен, среди них: калмак, кыргыз, кара кытай, манжуу, какачы, бурут, катэган, калдай, кытай, нойгут, курама, эштек, казак, шибээ, солоон, тыргоот, мангул, ойрот, кара калмак, кара кыргыз, ногой, жаңжун, кыпчак, думар, меңдү, малян, жагы** и др. Более 30 кличек тулпаров и скакунов: Мааникер, Аккула, Чөлкуйрук, Жоорукар, Куу-казык, Телкызыл, Кегала, Коңкулбоз, Алгара, Чоңкүрөң, Сарала, Керкабылан, Ачбуудан, Куучабдар, Кула бээ, Бойтору, Кылжайрен, Телкүрөң, Аиманбоз, Аксур, Кектулпар, Кертебел, Торкашка, Керкашка, Суркула, Кула тай, Сурийик.

Лингвистическая интерпретация некоторых языковых материалов, имеющих отношение к проблеме киргизской ономастики, разбросаны прежде всего в исследованиях киргизских диалектологов [1; 2; 8; 9; 10; 11; 24].

Что касается этнонимов, большинство которых повторяются в позднейших родо-племенных наименованиях киргизов, вошедших впоследствии (XIV–XVI вв) в состав складывавшейся в этот период киргизской народности в пределах нынешней территории его обитания, то в трудах отечественных исследователей немало сведений, имеющих непосредственное или косвенное отношение к последним в связи с этногенетической историей киргизов [3; 4; 5; 6; 7; 13; 14; 15; 16; 22; 23 и др.]. Однако язык эпоса "Манас" в целом, в том числе и его ономастическая лексика, в специальном плане никак еще не исследовалась.

Лексико-семантический анализ некоторых этнонимов эпоса выглядит следующим образом:

* Причем большинство из них являются реальными топонимическими наименованиями, встречающиеся начиная от Саяно-Алтайского нагорья на северо-востоке до западных границ Средней Азии, а также многие места Восточного Туркестана.

** Некоторый лингвистический анализ этнонимов эпоса "Манас" дан в нашей статье [26].

В "Манаса" фигурируют кыргыз или кырк уруу кыргыз (киргизы, состоящие из сорока родов) — самоназвание народа, а для других он — оурут (так его называют калмыки).

В эпосе есть слова, выступающие и как антропонимы, и как этнонимы. Таковы Нотой (в эпосе оно обозначает и имя прадеда Манаса), Орозду или Ороз (дед Манаса, затем уже Орозду — или он ууду — наименование рода), Катаган — и как антропоним, и как этноним; Котой и Тобей — так же предки Манаса, а затем — этнонимы. Следующие слова в эпосе упоминаются как родоплеменные наименования: Курама (<кура — соединять, собирать + =ма); окуу — лучник; жадигер (дружественное с киргизами племя, но близкое с шибээ и калмыками); калча (в эпосе "киргыз калча" в отличие от эпитета китайского богатыря Коңурбай), видимо, восходит к таджикскому гарча — горный таджик; кыпчак — племя, состоящее в дальнем родстве с киргизами; нойгут (по эпосу место их проживания в районе оз. Лобнор); эштек, каңгы, казак и алтай казак, кавра кожо, алчын, уйшун, найман, аргын (племена и роды последнего, причем по эпосу "киргизы и казахи — родные братья"). Далее встречаются этнонимы хайсан, абак, абак-тарақ, айым; долон, чаркоо, мункуш, кыдырма, кара теит, думара, ажурун, алтай-лыктар (алтайцы), уйгурдуктар (уйгуры) и ооган (афганцы). В эпосе есть и названия народностей, враждующих с киргизами: жанжуң, анжы-манжуу, манжуу, чынмачын, кака-ичын (каканчы) или какан, чылбаа, дугул (калмыцкий народ); ойрот (в эпосе: кыыл чок ойрот или кара чок ойрот — (должностные лица) с красной или черной шишечкой на шапочке; солоон, шибээ, илебин, сазаншан, мангуу, тыргоот, каңгай, калдай или калдай калмак, мангул, кара калмак, калмак, кара кытай, кытай. Среди них многие являются этнонимами известных в истории народов и племен (кытай, калмак, мангул (в значении монгол), чин, ойрот, манжу, солон, шибэ, торгут, кара кытай, кыпчак, казак, кыргыз, найман, аргын, уйшун).

Более того, с этнонимами из "Манаса" созвучны такие родоплеменные наименования киргизов, как кыпчак, кытай, монолдор, эштек, нойгут, каңды, найман, абат, долон или дөдөн, солон (кан

солон), катаган, мунгуш, думар, кыдырше, таит (кара таит), чапан таит, сары таит, токум таит, арык таит, чал таит, бай таит), ногой, моорук, шыгай (очевидно, относительно с древнетюркским чыгай - седняк) и др.

Для этнолингвистики наиболее интересны семантические истоки перечисленных выше наименований.

Однако семантика ряда этнонимов как из эпоса, так и позднейших родоплеменных наименований, пока не поддаются анализу, нет удовлетворительных этимологий об этнонимах: ногой, жадигер, чоңко, колпоч, токор, койлон, солто, таит, бапа, желден, тата, каба, кыбай, оменок, шургоо, мокой, бечан, дарга, кысроо, ширден и др.

Но семантика части этнонимов вполне объяснима: некоторые указывают на занятия, профессии: окчу - мастер по изготовлению стрел, позднее - путь (ок - стрела, пуля + -чы* - морфема, образующая слова со значениями занятия, профессии). Ср. позднейшие родоплеменные наименования: кутчу (кут - идол, маленький божок, тагисман, приносящий счастье, благополучия + -чы); кушчу** - охотник с ловчей птицей (куш + -чы); ср. в монгольских языках акта - лошадь + -чы - конюх, Уркунчу (< уркун - массовое беспорядочное богатство < урк - пугаться + -чи - форма, образующий имена действия (+ -чы); каракчы - грабитель, разбойник; алакчы (мы хотим сравнить его с этнонимом алчи и древним алчи или элчи - посол (сюда же и тэнгачин), боткочу (ботко - каша) - кашавар, дойчу - ищейка; сабачы (сабачы - мастер по изготовлению саба (сосуд для кумыса), челекчи - бондарь, буркучу - охотник с беркутом, тамчы, кара тегинчи, сокучу (сары сокучу, кара сокучу - мастер, изготавливающий стулья); чарикчи (кирг.

* Формант -чы в свое время указывал не только на занятия (как в современных и древнетюркских языках в виде -чи, -чи, в монгольских -ч, -чи, -чин); но и на локальную принадлежность и функционально идентичен с -лык. Ср. в кирг. литературном койдук, алайлык / в диалектах - алайчы, кошойчу).

** Идентификация кушчу // кутчу, видимо, позднейшее явление.

чаруу - войско + -чы) - воин и др.

В качестве этнонимов в элосе редко (типа мункуш)*, а в позднейших родоплеменных наименованиях в большом количестве выступают слова, являющиеся наименованиями мифических и реальных животных и птиц: бее - дугало, мифическое страшилище (бее уулу - потомки бее, бее найман); багыш (сары багыш, кара багыш, чоң багыш) - лось; беру - (сары беру, беру уулу, чеберу, бай-беру) - волк; белтурук - волчонок, жору - гриф, каракунас - аист, итим - моя собака, ит куйрук - собачий хвост, эру - медведь, тайлак - верблюжонок, кочкор - баран, ирик - трехлетний валух; каман - (баш каман, чотур каман) - кабан, бука - бык-производитель; таян - козел, кочкор // коткор (в древнетюркском) - баран-производитель; бото (байбото, нарбото, эмбото, бакбото) - верблюжонок, чондой - даяныш сурка, чулдук - кулик, сары // сар (жамансары) - сарыч-курганик, коршун; тору айгыр - гнедой жеребец, кек карга - сизоворонка, уйлар - коровы, босторгой - жаворонок, ак козу - серый барашек, кутан - цапля, туйгун - ястреб, шумкар - крикун, маймыл - обезьяна, бугу - олень, тулкунчек - лисенок, кучук - (бай кучук) - щенок, тайчак - жеребенок, кыргы - ястреб и др.**

В качестве этнонимов выступают слова, заимствованные из монгольских языков: эрдене, кодоточун, козугуна, тенгачин, октор, а также архаичные, редкоупотребительные лексемы типа: коткор - баран-производитель, кутдук - счастливый, торук - тощий, саруу и сарык, предшествовавшие по фонетической структуре современному сары и восходящие к древнему сарыг - желтый.

Нередко слова, являющиеся собственными именами, состоят из двух или более лексем. Причем одним из компонентов таких образований обычно выступают прилагательные, указывающие на цвет (ак - белый, кара - черный, боз // бор - серый, сары -

* Мы полагаем возможным считать его идентичным по структуре с позднейшим мункуш, которое, может быть, соотносительно с миң-тысяча + куш - ловчая птица.

** Сюда предположительно можно отнести и этноним баары, баар-чын - шестилетний и выше по возрасту баркут.

желтый, кызыл - красный, көк - голубой, синий). Кара чоро - чер-
ный дружинник, сары сөйт, сары сокучу, кара сокучу (последний
компонент восходит к соку - ступа), карагул, кара кабан, кызыл
аяк, сары кашка (кашка - белая отметина на лбу у животных), за-
тем - смелый предводитель и др., компонентами сложносоставных
этнонимов выступают и числительные үч - три, беш - пять, же-
ти - семь, отуз - тридцать, кырк - сорок и миң - тысяча: үч ол-
хобай, жети урук - семь родов, жети кул - семь рабов, мендуу-
лат - миң + дуулат, кырк уул - сорок сыновей, миң кытай - тыся-
ча китайцев, беш бала - пять парней, беш кабан - пять кабанов
(в эпосе родственники Манаса), беш найман - пять найманов, отуз
уул - тридцать сыновей, жети кашка - семеро смелых. Названия
некоторых этнонимов идентичны с их родовыми тамгами: көркү там-
га - тавро в виде тесла, чырак тамга (чырак - святильник), ай
тамга (ай - луна) и др.

Этнонимами выступают глаголы и именные сочетания типа
оргу - бурлить (сюда же и баргы), жор качты - враг убежал, түн
катар - рыскающий ночью, чычар (чыч - испражняться), төө комдот -
навьючить верблюда, жыл келди - наступила весна, чычпас - неис-
пражняющийся и др.*

Другую большую группу собственных имен в эпосе составля-
ют клички животных, прежде всего - клички скакунов.

Вообще киргизская лексика богата словами, являющимися
обозначениями названий домашних и диких животных, их возраст-
ной градации, терминами, связанными с обозначением их анато-
мии, а также масти. Что касается последней, то многообразие
цветовых гамм и оттенков внешнего вида животных обозначается
исконно тюркскими корневыми и производными словами. Такова и
лексика, связанная с мастью лошадей, в образовании которой
участвуют прежде всего лексические обозначения основных цветов:

* Большинство из таких образований производные, образованные
глагольными и отглагольными формами: -ды, -ар, -гы, -т,
-бао и др.

кара - черный, күрең - коричневый, буурул - смуглый, көк - синий, голубой, сары - желтый, кызыл - красный, боз - серый, а также специфические цветовые обозначения только масти лошадей, и лишь частично применяемые к масти других животных: ач (перен.) светлый < ач - отрывать: ач көк - светло-голубой, боз - серый, для обозначения масти "светлосерый", "землистосерый", "светло-пепельный", көр - карий, караковый, куу - белый, бледно-желтый - только в "Манаса", а в основном употребляется только по отношению к собакам, күрең - бурый, коричневый (употребляется и по отношению к коровам). Что касается тору - гнедой, жайран и жаэрде - рыжий, кула - саврасый, чабдар - игреный, то они выступают только как обозначения масти лошадей; сур - голубой, серо-смуглый - употребляется и по отношению к козам. Слова, являющиеся кличками животных, относятся к сложным словам, где второй компонент иногда указывает на особые приметы, матки, скаковые качества, возраст или пол скакуна: Торкашка - гнедой + с белой отметиной на лбу; Кулатей (конь богатыря Көкчө) - карий + с белой отметиной на макушке; Суркийик (конь Багыша) - серая + горная (дикая) косуля; Ачбуудан (скакун Джолоя) - светлый (белоголубой) + буудан - скакун; Көктулпар (конь богатыря Бакая) - голубой + тулпар - выносливый, выдающийся скакун; Чалкуйрук (конь богатыря Төштөк) < чал (перен.) седой, с проседью + куйрук - хвост и т.д.

Некоторые клички скакунов в "Манаса" состоят из сочетания двух слов, обозначающих только масть: Куучабдар - светло-игреный; Суркула (конь богатыря Джолоя) - серосаврасый; Аксур - белоголубой. Такие легко поддаются семантическому членению следующие клички: Телкызыл^ж - конь богатыря Мазбурчака < тел - боровань (перен.) от глагольного тели - припускать молодняк к чужой матери + кызыл - бледный, серый, светлый; Көгала (конь богатыря Көкчө^ж) < көк - синий, голубой + ала - пестрый, серый; Сарала или Айсарала (тулпар богатыря Аламбета) < сары - жел-

* Иногда этот скакун в эпосе называется Телкүрең или Чонкүрең - припущенный или большой + гнедой конь.

ж* Что касается семантики этого антропонимов, то значение его оловы, наоборот, не имеет отношения к цвету, а скорее указывает на возраст - юный, молодой, что является переносной семантикой первоначального көк - зеленый (молодая поросль растения) + уменьшительно-ласкательный аффикс -ча.

тый, пегий + пестрый, Каркабылан < кар - карий + кабылан - леопард, тигр, пантера.

Таким образом, большинство слов, обозначающих клички животных, структурно-семантически вполне живые, сохранившие и поныне свои значения слов. И лишь единицы из них лишены таковых. Значения их необходимо восстанавливать путем этимологических поисков. Они: Жоорукер, Алгара, Коңкулбоз, Бойтору, Айманбоз, Мааникар^ж.

Среди цветовых обозначений обособленно стоит ак - белый, который по отношению к масти цельнокопытных домашних животных (лошадей, коров) обычно заменяется словом кызыл - красный: кызыл ат - белая лошадь, кызыл уй - белая корова, кызыл өгүз - белый бык. В аналогичных обстоятельствах по отношению к масти собак употребляется куу - белосый, бледножелтый: куу ит - белесая собака, куу дөбөт - белесый кобель.

"Ак" лексико-семантически в прямом своем значении употребляется по отношению к масти верблюдов, овец и коз; ак төө - белая верблюдица (перен. ак теенүү карды жарылган мезгил - пора изобилия, осень, пора сбора урожая) досл.: время, когда распорот живот белой верблюдицы); ак кой - белая овца, ак эчки - белая коза и пр. Здесь, очевидно, ограниченное употребление ак возникло в связи с культовым поверием^ж, что прямо может быть подтверждено обозначением ак - белый в м. "молочные продукты (благословение "ак жалгасын - да благословит молочные продукты"; "ак элечегин башанын түшөсүн" - пусть белый турбан не упадет с твоей головы - пожелание счастья молодой замужней женщине), аксар-баши - животное, предназначенное для жертвоприношения; ак боз бээ или ак боз ат - светлосвоя (кобылица или конь) в сказках, легендах - также принадлежность или признак счастья, благоприят-

^ж Семантика составных частей слов, вошедших в обозначения кличек скакунов Айманбоз, Коңкулбоз, Кууказы и Бойтору (т.е. айман, коңкул, казык, бой) требует дополнительных поисков. Пока не удается этимологизировать и первую часть сложного слова Мааникар.

^{жж} Об этом см.: [25 : 84-85].

ного стечения обстоятельств, принадлежность, дополнение благоприносящего.

В эпосе же "Манас" ак - белый как обозначение масти скакунов не заменяется словом кызыл - красный: Аккула (кличка тулпара самого Манаса) < ак - белый + кула - саврасый; Аксур (кличка скакуна богатыря Бакая) - < ак - белый + сур - серый; там же еще Агиген < ак + иген - белая верблюдица; Акшумкар - белый сокол (богатыря Саметая), Актинте - боевой нож Манаса; Аккелте - боевое оружие Манаса; Ак олпок - боевая одежда-панцирь Манаса и пр., что аналогично с фактами из древнетюркских памятников. В древнетюркских памятниках ак [18 : 42] - белый как и в "Манаса" участвует для обозначения масти: ак ат - белая лошадь так же, как и в "Дивану лугат-ит-турк" Махмуда Кашгарского ак - белый обозначает масть "белая", "серая", "сивая": *aq besi qulamlamis* - это белая кобыла ожеребилась (МК, I, 80) или *aq at* - сивая лошадь (там же).

Одним из архаичных элементов в словах, выступающих кличками, встречается слово ал: Алгара (тулпар богатыря Коңурбая), Алкурөң (скакун калмыцкого богатыря Нескара), второй компонент в первом случае кара - черный, а во втором - курөң* - гнедой, бурый. "Ал" же, по нашему мнению, не что иное, как древнее ал - алый, красный (Ср., в древнетюркском ал - алый, яркокрасный, светлокрасный, оранжевый, карий).

В современном киргизском языке ал сохранился только в производном глагольном образовании албыр - краснеть (о лице) и

* Полутно небезынтересно отметить, что для киргизского языка цвета "бурый" и близкие по оттенку к нему "коричневый" и "гнедой" в отношении к масти обозначаются соответственно словами жээрде или жйран (в "Манаса" Кылжйран, буурул, курөң и тору). Эти оттенки (а также и масть) в языках древнетюркских памятников передавались словами тору (гнедой), йатран (рыжий) и йагыз (< йагыз йер - бурая земля, йагыз ат - бурая лошадь. Последний С.Б.Мялов сравнивал с туркменским гара йагыз - смуглый и монгольским дайыр - бурый [18 : 383], к которым можно добавить еще и киргизское жээрде - гнедой: жээрде ат - гнедой конь, кула жээрде - рыжеватая лошадь, жээрде сакал - рыжая борода.

в сложном образовании алмончок – баловень, любимец (перен.) от первоначального "алая, красная бусинка".

Что касается кличек тулпаров Жоорукар и Мааникар, структурно они также состоят из компонентов жоору+кар^{*} и маани + кар, из которых вторая составная часть указывает на масть – карий, караковый, а жоору, очевидно, не восходит к глаголу "покрыться ссадинами", а к другому глаголу – жор или жорт – рыскать (ср. еще жорго – иноходец, жортуул – набег, жорук – ход, походка лошади), жоубас – неутомимый: адырдуу жардан жоубас, алыска жүрсө жоорубас – на холмистой местности (этот конь) не утомляется, от дальней езды ссадин не получает +кар в указанном выше значении масти.

В "Манаса" конь калмыцкого богатыря Джолоя называется Ачбуудан. Оно восходит к сложному слову ач + буудан. Первый компонент в киргизском языке полисемантический, омонимичное слово: ач – открывать и именное ач, которое в производной форме ачык также обозначает "открытый" (перен. "светлый", "блестящий"). Омонимичный же с ним ач – голодный (голодать) соотносительно с глаголами ар/ары – отощать, уставать.

Такой структурно-семантический анализ позволяет дифференцировать Ачбуудан на < ач + буудан, где первый компонент имеет значение "светлый", "блестящий", а второй – "неутомимый скакун". Обращает на себя внимание и то, что структурно-семантические модели кличек в "Манаса" (да и в современном киргизском языке вообще) не всегда совпадает с моделью построения таковых в древнетюркских памятниках. Ср. например, алп Шалчи, но Огсиз, Башгу боз, Азман ак (клички коней Кольтегина)^{жж}, что

^{*} Так называется конь одного из рядовых участников тризны по имени Жортуучу, имя которого, в свою очередь, тоже восходит к нарицательному значению этого слова "совершающий набег".

^{жж} Подобных фактов немало и в памятниках древнетюркской письменности. Так, в словаре, составленном на основе текстов памятников, помещенных в одноименной книге С.Б.Малова, среди более чем 170 ономастических лексических единиц ряд топонимов, этнонимов и антропонимов повторяется и в ныне живых тюркских и других языках.

указывает на своеобразие киргизского языка. Собственными именами изобилует и словарь М.Кашгарского "Дивану Лугат-ит-турк". Он содержит сведения, которые по своему лексическому облику сопоставимы с этнонимами, фигурирующими в качестве родоплеменных наименований киргизов и участвовавших в свое время в его сложении. В "Диване" наряду со словами с пометой его диалектной принадлежности пословиц и поговорок, этнографических деталей, именами и ономастике*, всецело без изменения совпадающих с названиями реалий в современном киргизском языке**.

Наблюдения над морфологической структурой лексических единиц, выступающих в качестве собственных наименований (этнонимов, топонимов и антропонимов) показывают, что они являются нерасчлененными образованиями с затмевенной семантикой. На наш взгляд, выяснение этимологии подобных образований привело бы к интересным результатам, выходящим за рамки определения только структурного состава таких слов.

Так, среди перечисленных М.Кашгарским названий племен значатся слова аба или јаба, јаба с пометкой огузский (Ш, 31), которые аналогичны по структуре с первой частью киргизских абадан (подразделение племени "сары багыш"), абаылда (тоже подразделение того же племени) и абак [3 : 105] (входит в племя "чакир саяк"). Этноним тухси [20 : 396] в своей основе идентичен с киргизским антропонимом Токеобай. Любопытно, что киргизская поговорка "Огуздун елген жеринда екур" (в "Киргизско-русском словаре" К.К.Идекина не отмечено), которая означает не "оплакивать быка на месте, где он пал", а "оплакивать огуза" (здесь либо в значении собственного имени предводителя, воина, либо некоего выходца из племени огузов), на месте его гибели". Мы далеки от мысли прямолинейного отождествления данных словари в этой его части с идентичными словами, встречающимися в современных тюркских языках. Но в то же время было бы неразумным не сопоставлять между собой подобные аналогии.

* См. об этом более подробно: [17 : III-III].

** О них подробно изложено в статье [21].

Как указывалось выше, среди многочисленных этнонимических названий немало слов, в своей первоначальной семантике восходящих к названиям животных и птиц, гомотаеваемых в древности многими народностями как культовые (тотемные), а киргизские этнонимы тебай, тебей, азык, адыгине идентичны с наименованиями животных, зафиксированных в "Диване" М.Кашгарского: тебай (Ш, 329) – верблюд, адыг, айык (I, 94), азыг – медведь. При этом примечательно, что в киргизском языке реликтовны (т.е. древние) формы этих слов сохранились именно в словах, являющихся собственными именами, тогда как древнее адыг, азыг, айык – медведь в современном киргизском языке по звуковой закономерности перешло в "аюу", а тебай – соответственно в > "тео".

Киргизский этноним басыз, очевидно, также восходит к древней глагольной основе ба – привязывать в сочетании с формантом отрицания – сыз (ср. бады – привязал, МК, Ш, 265), что означает "не имеющий привязи, без привязи", с которым структурно-семантически близки этнонимы боока / < боо – веревка, шнурок + -ка /, боочу (боо – в том же значении + -чу) и вуйлаш (в совр. кирг. буйла – деревянный костылек, продевавшийся в носовую хрищ быка или верблюда и служащий для прикрепления поводка + -ш – аффикс ласкательного-уменьшительный), а также ботугур, где бото = или боту в древнетюркском "повязка на шею".

Л и т е р а т у р а

1. А б д у л д а е в Э. Чаткальский говор киргизского языка. – Фрунзе, 1956.
2. А б д у л д а е в Э., М у к а м б а е в Ж. Очерки киргизской диалектологии. – Фрунзе, 1959.
3. А б р а м з о н С.М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. – Тр. киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. IV. – М., 1960.
4. А б р а м з о н С.М. К семантике киргизских этнонимов. – Советская этнография, 1946, № 3.
5. А б р а м з о н С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. – Сб.: Родовое общество (Тр. Ин-та

- этнографии АН СССР, новая серия, т. XIV, 1951.
6. А б р а м з о н С.М. Киргизы Синьцзян - Уйгурской автономной области КНР. - Тр. киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. - Фрунзе, 1959.
 7. А б р а м з о н С.М. Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии. - Тр. киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. - Фрунзе, 1959.
 8. А х м а т о в Т.К. Таласский говор киргизского языка. - Фрунзе, 1959.
 9. Б а к и н о в а Г. Киргизский говор Октябрьского района. Автореф. канд. дисс. - Фрунзе, 1953.
 10. Б а к и н о в а Г. Омский говор киргизского языка. - Фрунзе, 1956.
 11. Б а к и н о в а Г., К о н д у ч а л о в а С., С ы д н - к о в С. Киргизские говоры Джалад-Абадской области. - Фрунзе, 1958.
 12. В а л и х а н о в Ч. Очерки Джунгарии. - Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. XXIX. 1904.
 13. В и н н и к о в Р.Я. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. - Тр. киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I. - М., 1956.
 14. Д ж а м г е р ч и н о в Б. Из генеалогии киргизов. - Сб.: Белек. - Фрунзе, 1946.
 15. Д у б л и ц к и й В.Н. Родословная таблица (кара) киргизов, проживающих в Джетисуйской области и краткая их история. - Алма-Ата, 1923.
 16. И л ь я с о в С.И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений киргизов до проведения сплошной коллективизации. - Тр. Ин-та языка и литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, вып. I. 1944.
 17. К а р а в О. Историко-географические данные, сообщаемые Махмудом Камгари. - Советская тюркология, 1972, № I.
 18. М я л о в С.Б. Памятники древнетюркской письменности - М., 1951.

19. Манас. I белук, II китеп. - Фрунза, 1959.
20. Махмуд Кашгарский. Дивану лугат-ит-турк. Т. III. - Тошкент, 1963.
21. О с м о н а л и е в а Б. Об отражении лексики киргизского языка в словаре Махмуда Кашгари "Дивану лугат-ит-турк". - Советская тюркология, 1972, № 2.
22. О ш а н и н Л.Б. Киргизы южного побережья Иссык-Куля. - Сб.: В.В.Бартольд. - Ташкент, 1927.
23. С ы д ы к о в А.С. Родовые деления киргизов. - Сб.: В.В.Бартольд. - Ташкент, 1927.
24. Ю н у с а л и е в Б.М. Проблемы формирования общенародного киргизского языка. - Вопросы языковедения, 1955, № 2.
25. Doerfer у. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. - Wiesbaden, 1965.
26. "Eponime im epos "Manas" und ihre beziehung zu dem Späteren geistes-stammigen benennungen der Kirgisen", Proceeding in the International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences, 1969, Tokyo and Kyoto, Volume II, Ethnology, стр. 429-431.

А. Келимов
(Москва)

ПУТИ РАЗВИТИЯ АНТРОПОНИМИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДУНГАН

По мнению большинства историков, дунганы представляют собой этнос сложного происхождения, который включает арабские, персидские, тюркские, китайские и другие компоненты. Среднеазиатские дунганы являются потомками тех дунган, выходцев из Китая, которые пришли в Россию, на территорию нынешней Средней Азии и Казахстана, 100 лет тому назад, спасаясь от полного уничтожения

цинскими правительственными войсками, жестоко подавившими дунганское восстание на северо-западе Китая.

Изменившееся этнолингвистическое окружение дунган после их переселения на территорию России оказало влияние на характер материальной и духовной культуры. В связи с этим определенный интерес представляет антропонимическая система среднеазиатских дунган, своеобразия которой определяется взаимодействием традиционных и новых факторов.

Первые сведения по дунганской антропонимии имеются в трудах дунганского лингвиста Ю.Я.Яншансина [17; 8:21-32]. В специальной статье Г.Г.Стратановича и Ю.Я.Яншансина дается описание основных типов дунганской антропонимии [4 : 53-55]. Некоторые аспекты влияния межэтнических контактов на антропонимию среднеазиатских дунган отмечены А.М.Решатовым и А.Н.Седловской [3 : 162-164].

В настоящей статье мы остановимся главным образом на анализе тех изменений, которые произошли в традиционной дунганской антропонимии за период, прошедший со времени переселения дунган на территорию Средней Азии.

Отличительной особенностью традиционной дунганской антропонимической модели является сосуществование в ней мусульманского и китайского компонентов. Мусульманские имена новорожденным давали муллы (у дунган их называют ахунами) по просьбе родителей. Имена выбирались муллами по Корану. По-дунгански такие имена называются жинмир (от жин "священная книга", Коран + мин, минзы, мир "имя"). Наиболее распространенные мужские мусульманские имена у дунган Мухамед, Юсуп, Юнус, Исмаил, Хаким, Хасан, Хусайн, Абдулла, Исхак, Раджаб, женские Фатима, Хадича, Айша, София, Зайнаб, Мариям, Рабия, Салима и другие.

Китайские, или официальные, имена по-дунгански гуанмин (от гуан "чиновник" + мин "имя"), давались в условиях Китая при официальной регистрации новорожденного. По китайской модели следует "фамильное прозвание" (по-дунгански цин, цинмин, т.е. родовое имя), а затем имя односложное или двусложное, например, Цзянь или Ма Лянь-лян.

Иероглифы для записи дунганских "фамильных прозвищ" по существу те же, что и у китайцев, лишь с той разницей, что у дунган число таких фамильных знаков значительно меньше - оно не превышает полутора или двух десятков из общего числа более ста по-китайскому иероглифу. Наиболее часто у дунган встречается фамилия Ма, семантика которой восходит к слову "лошадь", подобно фамилии Конев у русских. У дунган существует поговорка: "Шыгэ хуэйхуэй, жюгэ Ма, йигэ Ха" букв. "Из десяти дунган девять (по фамилии) Ма, (лишь) один - Ха". Далее по частоте своего употребления следуют фамилии Вон (кит. Ван) князь, Ён (кит. Ян) овца, Бый (кит. Бай) белый, Хи (кит. Хэй), черный, Ли (кит. Ли) слива, Лан (кит. Лань) орхидея и другие.

При выборе мужских имен обычно использовались такие, которые обозначали главным образом положительные качества, как доброта, честность, мудрость, знаменитость, храбрость и т.д. Например, в имени дунганского народного героя Бый Ён-ху (китайский тип) последний компонент ху значит "тигр". Женские имена выражали понятия красоты, изящества, благоухания, названия цветов, красивых птиц, драгоценных камней и металлов и т.д. Например, в составе женского имени Цзинь Цзин-фень последний слог означает "благоухание".

Внешне китайские и дунганские имена данной модели неразличимы. В необходимых случаях на письме делается оговорка, что данное имя принадлежит лицу дунганской национальности. При знакомстве дунгане сначала спрашивают друг у друга "фамильное прозвище" шинмин, (т.е. родовое имя) собеседника, а затем каждый сообщает свое мусульманское (арабское) имя. Это имя как бы служит своего рода паролем для определения принадлежности собеседников к дунганскому этносу.

У дунган наряду с мусульманским и официальным существует неофициальное бытовое имя, по-дунгански щёмир (от щё "малое" + мин, мир "имя"), которое дается детям в семье и нигде не фиксируется.

Однако описанная традиционная антропонаимическая система у дунган, переселившихся на территорию Средней Азии, претерпела

большие изменения. Сейчас у среднеазиатских дунган существует новая антропонимическая модель, включающая фамилию, только одно имя и иногда (по русскому образцу) отчество.

Мусульманские имена претерпевают в дунганском языке своеобразную фонетическую трансформацию. Последнее явление обусловлено особенностями фонетического строя этого языка, который, как и другие сино-тибетские языки, является слоговым и поэтому имеет ограниченный список слогов с определенным фонетическим составом. Иноязычные слова, в том числе и мусульманские имена, могут передаваться в дунганском языке только с помощью характерных для него слогов и в силу этого приобретают новый фонетический облик. Ср.: Мухаммед > Му-ха(р) -мэ, Юсуф > Ю-су-фур^I, Исмаил > Йи-сы-ма-зы, Йи-сы-мар, Раджаб > Лэ-жэ-бу, Хадича > Хэ-чэ-зы, Хэ-чэ-р, Зайнаб > За-нэ-бэ, Рабия > Ла-би-ян, София > Суэ-фу-ян и т.д. От каждого отдельного слога этих или других арабских имен могут создаваться новые имена, характерные только для дунган.

Образование новых имен происходит чаще при помощи редупликации или (реже) без нее, путем присоединения к отдельному слогу одного из компонентов типа за "дитя" или га "брат" для мужского имени, жа "старшая сестра" для женского имени и далее, следуют суффиксы -зы со значением уменьшительности или -р(эр) со значением ласкательности. Оба эти суффикса первоначально имели значение "дитя" и "сын". Кстати, по-дунгански эрэн "сын" как раз состоит из сочетания этих двух ранее самостоятельных корней.

От одного арабского имени у дунган таким путем образуется целая серия новых имен. Так, по мнению Ю.Я. Яншансина, от арабского Раджаб образована целая серия дунганских имен: Лэжэ-бу, Лэгэзы, Лэгэр, Лэлэ, Лэлэзы, Лэва, Лэжэзы, Лэжэр, Жэжэзы, Жэжэр, Жэбузы, Жэбур, Бубу, Бубузы, Бубур [В:28]. Сюда можно добавить еще мужское имя Лэбузы, зарегистрированное в дунган-

^I В середине и в конце слов р произносится как средненёбный, недрожащий.

ском селе Заря Востока близ г. Алма-Аты. От женского имени Фатима таким же путем образованы имена: Фатма, Фамэ, Фамэзы, Фамэр, Фафазы, Фафар, Фажезы, Фажар, Фату, Фатумэ, Фатузы, Фатур, Фава; Мамэ, Мэмэзы, Мэмэр, Мэже, Мэжезы, Мэжер, Мэр, Мэва [4 : 55]. От арабского Мухаммед у среднеазиатских дунган образовано более 30 новых мужских имен [4 : 54].

Вместе с тем у среднеазиатских дунган имеется тенденция возврата к первоначальной модели арабского имени и поэтому часто можно наблюдать параллельное употребление у дунганской и арабской формы имен, например наряду с Лэмзар есть и Рамазан, кроме Ащэр есть и Айша.

Определенную трансформацию претерпевает и китайский тип дунганских имен, начиная со времени после переселения дунган в Россию. В новой социально-этнической среде прежняя модель имен, имеющая формулу "фамилия + имя" типа Ма Лян-чин, теперь воспринимается как одно целое. Возникает необходимость дифференциального употребления имени отца и собственного имени, подобно тому как это бывает у других соседних народов, и поэтому китайский тип имени как единый компонент выступает в роли имени отца, а в качестве собственного имени — мусульманское (арабское) или собственно дунганское (бытовое) имя. Начиная с этого момента, у среднеазиатских дунган появляется новая структура именования: фамилия + имя, например, Малайчин Шарба, Бийёнху Арли, Вонийин Жумазы.

В ходе исторического развития прежнее понятие родства всех лиц, имеющих одну фамилию, например Ма, Вон, Лю и другие, постепенно утрачивается, отдалившись от основного ядра, на базе отдельных имен образуются новые фамилии. Например, допустим, если братья Ма Ван-Лу, Ма Ван-Ши, Ма Ван-чын вышли из одной семьи, то теперь каждый из них образует свою семью и соответственно новую самостоятельную фамилию. Таким образом, теперь у среднеазиатских дунган имеются более 80 фамилий, образованных на базе одной фамилии Ма [9 : 24-25].

Новые дунганские мужские имена на базе китайского типа имени образуются путем сочетания компонента, обозначающего

прежнее "фамильное прозвание" с морфемой, содержащей указание на титул, чин, звание, профессию или старшинство сыновей в семье, например:

Маахун < Ма+ахун "мулла Ма"

Махавы < Ма+хавы "Паломник, хадж Ма"

Мащёнло < Ма+щёнло "старшина при мечети Ма"

Масифу < Ма+сифу "учитель, наставник Ма"

Машянсын < Ма+шянсын "учитель, лекарь Ма"

Мадажын < Ма- дажын "вельможа, господин Ма"

Махонгуйди < Ма+хонгуйди "хозяин, владелец Ма"

Малода < Ма+лода "старший сын в семье Ма"

Малоэр < Ма+лоэр "второй сын в семье Ма"

Малосан < Ма+лосан "третий сын в семье Ма" и т.д.

Близка по своей форме образования и такая серия мужских имен, где определяющим компонентом является слово ло "старый, почтенный, старший", а в качестве определяемого (второго компонента) выступает морфема, указывающая на "фамильное прозвание", например, Лома "старший из фамилии Ма", "почтенный Ма", Лову "Старший из фамилии Ву", "почтенный Ву". Таковы имена: Лоли, Лоён, Ломи, Локэ, Лолю, Лохи и т.д.

Встречаются имена, образованные путем слияния "фамильного прозвания" китайского типа и собственного имени арабского происхождения в фонетически видоизменённом облике. Например, можно предполагать, что мужское имя Вонмазы образовано путем сочетания комплекса имени китайского типа Вон Зун-лин+арабское имя Исмаил (Вон Зун-лин Исмазы > Вон Исмазы > Вон Мамазы > Вон Мазы); в результате трансформации данный комплекс приобрел вид Вонмазы. По-видимому, к такому же типу можно отнести имена: Вудунлар (Ву+Дунлар < Аб+дунла(+р) < Абдулла), Вужалязы (Ву+Жалязы < Джаля), Еншэли (Ён+Шэли < Шариф), Лыдавур (Ли+Давур < Даву < Давуд < Давид) и т.д.

По своей семантике и структуре перечисленные типы имен могут выступать только как фамилии: в качестве имени они теперь у дунган не встречаются.

Помимо мусульманского и китайского типа имен, у дунган имеются бытовые имена цэмир (от цэ "малое" +ми, мир "имя"),

которые даются детям в семье. Ниже будут рассмотрены основные типы собственно дунганских бытовых имен.

Имена даются по случаю совпадения дня рождения ребенка с некоторыми днями недели по мусульманскому календарю, например Душанзы (от душанба "понедельник"), Паншанзы, Паншэзы (от паншанба "четверг"), Жумазы (от жума "пятница"), Шанбэзы (от шанба "суббота").

Мужские имена Гурба < Курбан, Эдизы < эди, эрди < Хайт даются по названиям мусульманских религиозных праздников. Этот тип мужских имен у дунган совпадает с такими же именами у киргизов и узбеков.

В отличие от мусульманских народов, вышеприведенный тип имен у дунган носят исключительно лица мужского пола.

Бывают у дунган и такие имена, которые даются в честь почтенного члена семьи, обычно деда; например: Вушэзы (от вушэ "пятьдесят", Вушый (от вушэ йи "пятьдесят один"), Вушэнуэр (от вушэ бу "пятьдесят пять"), Люшэир (от люшэ "шестьдесят"), Люшэсын (от люшэ сан "шестьдесят три"). Существуют имена, образованные на основе числительных 65, 66, 67, 70, 73 и 80. Такие имена у дунган даются только лицам мужского пола, при этом имена, образованные на основе "круглых цифр", встречаются чаще.

Имена, образованные от порядковых числительных от двух до десяти, указывающие на последовательность рождения детей в семье, могут быть как мужскими при наличии дополнительного компонента ва, вазы или гэ, гэзы, например Санва, Санвазы, Чива, Чигэзы, так и женскими, если к числительным основам присоединяется компонент ке, кезы, например Санке, Санкезы, Люке, Люкезы.

В качестве показателя ласкательной формы к этим и другим именам, образованным на основе порядкового числительного, присоединяют суффикс -р, например, Санва Санвазы-Санвар; Санке-Санкезы-Санкер.

В семьях, где часто умирали малолетние дети, в прошлом давали нарочито унижительные имена, например Хянбудий "ненавистный", или такие имена как Хива, Хину, Хинур, Хижэзы, Хижэр, основной компонент которых хи означает "черный". В с.Масанчи зафиксировано имя Хигу "черный лес".

Вероятно, все лица обоего пола, носящие вышеперечисленные бытовые имена, кроме тех, у кого имя дано по названию дней недели или по названию мусульманского праздника, имели еще и мусульманские имена, которые обычно почти никому, кроме родителей или близких родственников старшего поколения, не известны.

Если имена арабского и китайского типов строились идентично всеми среднеазиатскими дунганами, то бытовые имена имеют некоторые различия.

Так, у шаньсийских (токмакско-масанчинских) дунган преобладают имена со вторым компонентом ва "дитя" в мужских именах, и компонентами ну "дочь" или хуа "цветок" в составе женских имен. В то же время у ганьсуйских (фрунзенских, алма-атинских, пржевальских и жамбульских) дунган характерно наличие в качестве второго компонента морфемы га "брат" или ва "дитя" + суффиксов -зы, реже суффикса -р, в мужских именах; морфемы жэ "старшая сестра" + суффикс -зы или -р в женских именах.

Шаньсийские имена

мужские: Бэва, Панва, Лава, Лива, Мэва, Сава

женские: Хину, Цунну, Бийхуа, Лахуар

Ганьсуйские имена

мужские: Бэвазы, Панвазы, Ливазы, Лывазы, Мэвазы, Сагэзы

женские: Хинур, Пунхэр, Байгэзы, Бийхэр, Лажэзы, Лажэри другие.

Типично для токмакско-масанчинских дунган преобладание односложных мужских и женских имен с суффиксом -р, который в таком случае утрачивает свое первоначальное значение ласкательной формы, указывая на "серию" имен, характерных для этой группы дунган, например Дир, Мар, Нур, Сур, Сар, Шар и т.п.

В заимствовании форманта нет ничего необычного, так как и в русский язык прочно вошли иноязычные суффиксы: -аж из французского (этаж, экипаж и др., теперь легко образуем производные от русских основ - листаж), в собственных именах - латинское для названий стран (Туркмения, Киргизия и т.д.), как до этого ираноязычное -стан (не только Таджикистан, а и Казахстан). Русский формант -ов (-ев) попал в Средней Азии на самую благоприятную почву - в тюркских языках суффиксация служит самым частым средством словообразования и словоизменения. Фамилии не вызывают трудности в повседневном употреблении - они легко "вписались" в тюркские языки. Безударность последнего слога большинства их тоже не стала помехой: ударность последнего слога в тюркских языках не абсолютна - в каждом из них и до фамилий накоплен запас слов и форм с ударением не на последнем слоге. Да ударность последнего слога в тюркских языках, как предполагают, и не исконна (имеются доказательства, что первоначально в тюркских языках ударение падало на первый слог).

Из факта, что фамилии у народов Средней Азии использовали русский суффикс -ов (-ев), обычно делают ошибочный вывод, будто система среднеазиатских фамилий тождественна системе русских фамилий. Это неверно. Несмотря на общность преобладающего суффикса различия этих систем очень существенны.

1. У русских формирование фамилий было не одновременным актом, а длительным процессом - оно заняло несколько столетий и протекало постепенно, зачастую даже неосознанно, стихийно: одно из личных именований, очень различных (чаще всего отчества), закрепаясь, становилось наследственным именем семьи, т.е. фамилией. Русские фамилии пестры по своим источникам. Фамилии у народов Средней Азии почти все образованы от личных мужских имен отцов в том виде, в каком застало формы фамилий в 30-х годах, следовательно, отцы, имена которых стали основными фамилий, родились в начале нашего столетия, когда уж редки имена домусульманские и еще не вошли имена новые.

2. В русские фамилии превращались имена нарицательные (иванов, кузнецов, казанский), которые постепенно становились именами собственными. У народов же Средней Азии, где до фамилий

По-видимому, это - усеченная форма полного имени Кадыр > Гадир > Дир, Исмаил > Исмар > Мамар > Мар, возможна она и от Джамад > Жамар или Сулейман > Суэлимар, Юсуп > Юсуфур > Юсур > Сур и т.д.

У шаньсийских (токмакско-масанчинских) дунган имеются имена, семантика которых выражает такие понятия как "надежда, желание, становление, сохранение, обережание", например, Панва Панпанэм (от пан "надеяться, просить у бога"), Дыйва (от дый "получить"), Чынва (от чын "становиться"), Чынбо (от чын+бо "драгоценность"), Цунва, Цунбо (от цун "оберегать, сохранять").

В 30-е годы, в период культурного строительства, когда создавалась письменность для дунган и впервые началось их обучение на родном языке, появляется двучленная модель "фамилия+имя". В качестве фамилии, как у многих других соседних народов, записывалось в то время имя отца. В связи с этим вводится для официальной записи русская форма фамилии с суффиксами -ов, -ова, -ав, -ава. Эта форма находит свое параллельное употребление с исконно дунганской. Например, наряду с Зазазов Исмазы встречается Зазаы Исмазы; Маахунов Бэбэы и Маахун Бэбэы; Суров Нур и Сур Нур.

Введение русской формы фамилии облегчило различие имени отца от собственного имени дунганской модели особенно в тех случаях, когда исконный порядок слов изменился и собственное имя стало выноситься в позицию перед именем отца, т.е. фамилии, например Нур Суров, Исмазы Зазазов.

В настоящее время заметно увеличивается число лиц, имеющих трехчленную форму антропонимической модели, состоящую из фамилии, имени и отчества. Это имеет место в большинстве случаев среди учителей, ученых и лиц, занимающих руководящие посты, к которым, как правило, обращаются по имени и отчеству. Теперь у дунган при регистрации новорожденного записывают и отчество ребенка. Введение записи отчества также облегчает различие собственного имени от фамилии, записанной по дунганской модели с измененным порядком слов. Например, в сочетаниях Ше-

базы Ксезович Хихизы и Хихизы Шабазы. Ксезович нетрудно определить место личного имени и фамилии.

Вместе с введением в обиход фамилии и отчества у среднеазиатских дунган входят в употребление и новые имена, часто распространенные и у других народов, живущих по соседству с дунганами, например Анвар, Марат, Эльдар, Равиль, Шамиль, Мухтар, Рафик; Замира, Дамира, Амина, Амира, Фарид, Хадия, Сания и др.

Подбор имен, как видно из примеров, резко дифференцирован по полу, теперь женское имя типа Сайнаб, оканчивающееся на согласный, вытесняется из употребления.

Введение новых имен среди различных групп дунган происходит по разному. Так, новые имена более интенсивно вводятся среди городских жителей и "гуьсуйских" дунган, особенно джамбульских и пржевальских. Ошские дунганы в этом отношении вообще отличаются тем, что они целиком переняли узбекские имена в результате того, что они живут в тесном окружении узбекского населения и почти ассимилировались с узбеками.

Русские имена у дунган встречаются только как второе, неофициальное имя и особенно среди людей молодого поколения, когда такие имена подбираются по звуковому сходству одного из слогов с дунганским именем, например Салир - Саша, Кэлир - Коля, Люкэзы - Людмила и т.д. Прямого заимствования русских имен не наблюдается, кроме детей, родители которых принадлежат к разным национальностям, особенно, когда мать русская.

Л и т е р а т у р а

1. Л и н ь - Г а н ь. Об этногенезе дунган. Послесловие Г.Г.Стратановича. Вопрос о происхождении дунган в русской и советской литературе/ Советская Этнография, 1954, № I.
2. Очерки истории советских дунган. - Фрунзе, 1967, гл. I.
3. Р е ш е т о в А.М., С е д л о в с к а я А.Н. Влияние межэтнических контактов на антропонию дунган/ Ономастика Средней Азии, М, 1978.
4. С т р а т а н о в и ч Г.Г., Я н ш а н с к и й Ю.Я. Типы антропонию дунган/ Этнография имен. - М., 1971.

5. С у ш а н л о М.Я. Дунгане (историко-этнографическое исследование). — Фрунза, 1971.
6. Ш а х м а т о в В. Очерки по истории уйгуро-дунганского национально-освободительного движения в XIX веке/ Тр. Казах. ин-та национальной культуры, т. I. — Алма-Ата, 1935.
7. Я н ш а н с и н Ю. Краткий русско-дунганский словарь (Приложение — список дунганских имен и фамилий). — Фрунза, 1968.
8. Я н ш а н с и н Ю. Токмакский диалект дунганского языка. Раздел Ономастика (антропонимия). 1968.

К.Калилов
(Фрунза)

ИМЯНАРЕЧЕНИЕ У КИРГИЗОВ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Имянарекание связано с жизнью человека в обществе и не случайно поэтому, что выбор личных имен представлял постоянный и всеобщий интерес, который характерен каждому народу. Этому древнему обычаю люди всегда уделяли особое внимание.

Имянарекание разных народов, в том числе и киргизов, имеет определенное научно-теоретическое и практическое значение. Изучение личных имен дополняет разработку истории киргизов вообще, этнографии в частности.

Исследование киргизской антропонимии только начинается. В этой статье делается попытка на основе собранного полевого материала этнографических экспедиций Института истории АН Киргизской ССР с 1966 по 1976 г., а также литературных источников показать обычаи и обряды традиционного имянаращения киргизов, их трансформацию на современном этапе.

Жизнь киргизов в прошлом, связанная с постоянным или се-

зонным кочевьем со скотом, оставила отпечаток в именовании их детей. Это — имена, прямо связанные с названием домашних и диких животных, в большинстве случаев характерных для мальчиков, например Кылыбай¹ "лошадь, конь", Козубай "ягненок", Коёнбай "кролик, заяц", А некоторые личные имена как Тайлак "верблюжонок", Бугубай "олень", Марал "самка оленя", Кулжабай "горный баран", Такабай "козел", Эдикбай "косуля" восходят еще к архаичному периоду и связываются с пережитками тотемических представлений киргизов — таково мнение некоторых исследователей [2 : 31, 124, 128, 133, 137-139, 144, 147] .

У киргизов много имен, связанных с названием времен года, а также сезонным зимним или летним кочевьем — Жайлообай "летовка", Кыштообай "зимовка", которые обычно даются тем детям, которые родились во время названных сезонов.

В южных районах Киргизии, где издавна занимаются земледелием и оседлым хозяйством, в недавнем прошлом, а иногда и сейчас можно встретить в личных именах названия сельскохозяйственных орудий труда и строительных инструментов — Орокбай "сярп", Тешабай "особый вид топора" (особенно применяющийся в строительстве у народов Средней Азии), Арабай "пила", Балтабай "топор", Кетменбай "кетьмен", Малабай "борона" или названия фруктов — Алыкан² "яблоко", Жузумкан "виноград", Анаркан "гранат", Мистекан "фисташка", Жийдекан "джида", Мейизкан "изем".

Если в семье дети росли слабыми, хилыми или болезненными, то с пожеланием, чтобы следующие дети были храбрыми, сильными, и с целью отпугнуть злых духов давали ребенку имена с названиями сильных хищных животных: Колборс "тигр", Арстан "лев", Бөрү "волк", Белтүрүк "волчонок", Түлкү "лиса".

Если часто умирали дети (а смертность детей при отсутствии медицинской помощи была огромной), то следующего ребенка

1 В дальнейшем, в конце многих имен добавляется окончание бай, первоначально означавшее "богатый".

2 Алыма — что значит "яблоко", а кан или хан — "царица" и т.д.

(мальчика) сразу же после рождения отдавали какой-либо повитухе. Та "усыновляла" его на короткое время. Мальчик в течение долгого времени, а иногда и всю жизнь ей был обязан во многом. Таких детей именовали Кебекбай "отруби", Сатыбалды "купленный", Таабалды "найденный", Тилебалды, Сурабалды "выпрошенный". Эти имена по своему содержанию имеют религиозно-обрядовый смысл, которые киргизы называют "ырым кылып койгон ат" т.е. имя, данное по особому обряду. Новая "мать" шила ему одежду из остатков кусков различного цвета старого и нового материала. При этом на плечах пришивала по крошечной переметочной сумочка, куда ежедневно клала сладости. В правое ухо этому ребенку вдевали сережку. На одежду в одном или двух местах пришивали специальные бусы, называемые "кезончок", чтобы окружающие не слазили его и не любовались им, не обращали на младенца внимания, а, наоборот, подсмеивались над ним. Потом после прохождения определенного времени настоящая мать "покупала" своего новорожденного за отруби. Тогда на одну сторону весов клали ребенка, а на другую отруби. За временный уход за этим ребенком повитуха со стороны родителей награждалась барашком, платьем или каким-нибудь другим подарком.

Детей, родившихся без одного или двух пальцев ног, рук или прихрамывающих, нарекали именем Нишанбай от нишан "меченый" и, наоборот, если ребенок появился с шестью пальцами — Алтыкол "шесть пальцев", если родился с маленькой "серьгой" около ушей, то нарекали Сыртабай "серьги".

Проникновение мусульманской религии во многом изменило состав имен, появились имена арабского и иранского происхождения. Мужские: Махаммад Али (Мамбета́ли), Абу-Бакр (Абаки́р), Абдаррахман (Абдрахма́н), Омар Али (Омура́ли), Хайит Махаммад (Айтмамб́ат, Айтмамат), Ибрагим (Ибраи́м, Ураи́м), Махаммад (Мамб́ет, Мамат), Хасан (Асан), Хусейн (Үсен); женские: Жами́ла, Зухра́, Фатима́ (Батма́), Айша́, Зайна́б (Зейне́п), Хади́ча (Катча́) и многие другие.

Встречается много личных имен, происходящих от названия мусульманского религиозного праздника Орозо майрам, айт. Ими называли детей, которые родились в эти праздничные дни. Мальчиков именovali Орозобай, Айтбек, Айткул (кул "раб"), Айталы, девочек — Айтбу́, Айткуль, Майрам или Майрамкан. С течением времени религиозный смысл некоторых имен утратился, осталось только значение праздничности. И теперь девочек, родившихся в дни наших новых праздников — 1 мая, 7 ноября и др. — нарекают именем Майрам (майрам "праздник"), но они имеют новый смысл.

Имеются мужские имена, образованные из числительных, например Злуубай (от 50), Алтымышбай (от 60)¹, Жетимиш (от 70), Саксанбай (от 80), Токсонбай (от 90)², Жүзбай (от 100), Миңбай (от 1000). Услышав эти имена, можно догадаться о том, что лица, носящие указанные имена, рождались в год, когда их отцу (или иногда деду) исполнилось 50, 60 и т.д. лет или же в один из трех зимних месяцев (например, от 90).

Многие мужские имена обозначают металлы и драгоценные камни: Ташбай "камень", Таштан "каменный", Алмазбек "алмаз",

- 1 Может быть возраст отца в круглых числах или пожелание ребенку долголетьей жизни.
2 Слово токсон означает в народном календаре три зимних месяца (декабрь, январь, февраль) [5 : 743].

Бакамбай "прочный", Ташболот "камень+сталь" (двойное имя), Бактемир (бек "князь", темир "железо"), Чоюнбек (чоюн "чугун"). Этим родители желали своим детям крепкую и здоровую жизнь. Такими пожеланиями были и имена Өмүрсак (өмүр "жизнь", узак "долгий"), Өлбөс "бессмертный", Жанузак (жан "душа", узак "долгий"). Девочек нарекали именами со значениями красоты: Алтынай (алтын "золото", ай "луна"), Күмүшай (күмүш "серебро"), или Айкүмүш (ай "луна", күмүш "серебро").

Если мальчик родился с черной родинкой на лице, называли Калбай, Калыбек, Калдар (кал "родинка"), а с красной — Анарбай (анар "гранат"), Имена, данные в связи с родинкой, имеют свои древние корни и уходят к прошлому материнскому роду. С.М.Абрамзон, исследуя обычаи, связанные с рождением и детством киргизского ребенка на материалах Атбашинского и Акталинского районов Нарынской области, отмечал, что ребенка, имеющего на теле родимые пятна, киргизы считали счастливым. Про таких детей говорили "Умай-эне уруп катиптир" ("Мать Умай ударил"). Этим они старались подчеркнуть важную заботу божества о детях. К Умай-эне обращались при рождении ребенка, прося ее сохранить дитя во всех случаях его жизни. Ее же призывали при его болезни.

Собственные имена у киргизов давали также по цвету лица и волос: Акбала (ак "белый", бала "мальчик"), Аккыз (ак "белая", кыз "девочка"), Карабала (кара "черный", бала "мальчик"); Кара, Карабай, Торубай "смуглый"; Каракыз "черная девочка" или "чернявья"; Сарыбай, Сары, Сарык, "рыжий"; Сарыкыз "рыжая девочка" и др.

Живя рядом с другими народами, киргизы дают детям имена (мужские) и из названий национальностей: Казакбай, Орузбай или Оруобай (оруу "русский"), Өзбек, Калмак (кашлык), Туркитай, Арапбай, Дунган, Туркмен.

Нарядом имена, обозначающие горы, реки, местности, города, где ребенок родился или с которыми связаны какие-либо события в жизни родителей, где отцы побывали перед рождением ребенка: Тянь-Шань, Нарынбай, Таласбай, Туштук "юг", Чаткал, Көлбай (көл "озеро"), Ташкенбай, Коконбай (Коканд), Самарканд, Орол (Урал), Казбек, Баку, Азия, Океанбай.

В киргизской семье желанными именами считаются созвучные имена ее членов. Боть семьи, где имена всех девочек образованы с айым — Канайым, Багайым, Гулайым, — в прошлом "госпожа", позже стало просто составной частью женских имен: Терайым, Сонайым, Эркайым. Это распространилось и на мальчиков: Кудайназар, Эгемназар, Бекназар, Кудназар¹ или Кадырбек, Надырбек, Садырбек и т.д.

При названии близнецов строго соблюдалась мусульманская традиция: близнецов-мальчиков обязательно называли Асан и Үсөн² или Жаныш и Байыш; девочек — Апап и Үпөл или Батма и Зуура; позже возникла пара Динара, Чинара. Если из близнецов один мальчик, а другая девочка, мальчика нарекают Асан, девочку — Батма.

Советская эпоха внесла много нового в состав имен у киргизов. Появились такие совершенно неизвестные до этого времени новые личные имена, как Большевик, Бурудуш ("переворот"), Теңдик ("равноправие"), Октябрь, Советбек, Власть, Кеңешбек (кеңеш "совет"), Союзбек, Указбек, Азат, Эркин ("свобода"), у девочек — Советкан, Октябрина, Искра.

Из состава личных имен у киргизов выпадают многие устаревшие, в конечном или начальном слове которых сохранились некоторые термины, выражавшие социальное положение. Самыми распространенными из них являлись бек, султан "правитель", хан или кан "царь", мырза "господин", бий "судья". Например, Багали или Алибек, Султанали или Алисултан, Алибай или Баяли, Мырзабек или Бекмырза, Асанхан, Баймырза. Они сохраняются и ныне, но потеряли свое былое значение.

В результате социально-экономических и культурных преобразований за послереволюционный период, особенно в ходе социалисти-

¹ Назар "взгляд", но здесь в смысле как обращения к Аллаху: отнесись со вниманием, проявить заботу, присматривать [59:550].

² В каждой пара первое имя дают старшему из близнецов. Подробнее о "связанных" именах в [4 : 131-141] .

ческого строительства, в годы коллективизации появились имена, отражавшие эти исторические события: Артель, Коммуна, Колхозбак, Совхозбак и др. По документам ЗАГСа города Фрунзе, а также спискам студентов и записям на местах Н.П.Бутенко, К.Мамбеталиева отметили некоторые современные изменения в именнике киргизов, относящиеся также к периоду коллективизации, индустриализации и культурной революции – такие новые, неизвестные ранее имена, как Шахтербак, Закон, Маданият "культура" (II).

Восприняты и отражены в именах киргизов события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Согушбак (согуш "война"), Фронтбак, Солдатбак, Капитан, Майор, Барлин и др. В городе Ош имя Майор носит выпускник, окончивший в 1969 году музыкально-педагогический факультет пединститута. Его отец Жалал с фронта прислал письмо жене с просьбой, если родится сын, дать ему имя Майор, что она и сделала.

Многие родители дают дочерям и сыновьям имена, связанные со словом "мир" – Тынчтык. Часто можно услышать имена Тынчбек, Мирбек, Женишбек ("победа"). Появились личные имена, связанные с освоением космоса: Космосбек, Татарин и др.

Среди киргизов появились новые имена, перенятые у русского народа, – Борис, Максим, Саша, Анатолий, Тамара, Светлана, Рая, Галя и другие, особенно популярны женские имена.

Расширение международных связей Советского Киргизстана, культурный обмен с зарубежными странами, интернациональные браки, влияние художественной литературы, искусства в наше время повлияли на принятие киргизами некоторых интернациональных личных имен, связанных с революционными деятелями: Коммунар (в память Парижской коммуны), Марат (в честь видного деятеля Французской революции), Жанна (в честь французской патриотки Жанны Д'Арк), Эрнест (в честь Э.Тельмана), Клара (в память К.Цеткин), Индира (в честь И.Ганди), многие связаны с именами основоположников марксизма-ленинизма: Марклен или Марлен (в честь К.Маркса и В.И.Ленина), Владлен (в честь В.И.Ленина), Иличбек.

Одна из распространенных характерных черт киргизского именобразования как в прошлом, так и в настоящем – ласкательно-

уменьшительные формы многих имен. Сокращенному имени придают ласкательное окончание -ш: вместо Майрамкуль - Майраш, Шайырбубу - Шакиш или -ан: Шакен - вместо Шайырбубу. В мужских именах окончания заменяются ласкательными -ке, -ыш, например, вместо Момун, Мойдун, Молдобек - Моке, из Сагынбай - Саке, Сагыш, из Толубай - Толуке и др.

За последнее время в народный быт входят новые традиции и обычаи.

Имяназачение происходит в роддоме^I или дома. Когда нарекают в роддоме перед выписыванием новорожденного домой, родители нарекают ребенка и медицинские работники фиксируют это в свидетельстве о рождении. Некоторые родители старшего поколения, желая в будущем своему сыну, чтобы он стал врачом, дают имя Доктурбек ("доктор"). В домашних условиях молодые родители приглашают своих друзей, родных и дают имя по выбору старших членов семьи, родных, друзей, гостей или непосредственно самих родителей. Иногда, если возникает мирный спор, где каждый желает внести свое предложение, имя выбирают и по жребию. Тогда все желающие гости на бумаге тайно друг от друга пишут желанное имя, записанные имена перемешиваются и один из детей или родителей вытягивает одну бумажку. Написанное на этой бумаге имя объявляется вслух и на этом "спор" об имени новорожденного кончается. Так было, например, в 1960 году у студента Киргизского университета Акматова Казакбая (ныне преподаватель КГУ) в городе Фрунзе. Его ребенку было выбрано имя Максатбек "цель", "желание". Следующего сына в 1962 г. тоже нарекли по такому же обычаю, назвав его Талантбек.

Совершенно новой традицией во многих районах республики стало имяназачение ребенка с широким участием общественности города и района, когда имя дается по общему желанию общественности и родителей. Вот, например, как прошло торжественное имяназачение ребенка Парпиевых Абдиганы и Бусара в июне 1970 года, в Ала-Букинском районе. В установленный день родители пришли с

^I В настоящее время и в городах и в селах появление младенцев происходит в родильных домах.

младенцем, здесь же присутствовали представители райисполкома, райкома комсомола, они сказали, что младенец в будущем должен стать полезным членом общества, активным строителем коммунизма, помощником партии, комсомола, опорой родителей, защитником советского народа, желали, чтобы его жизнь была мирной и долголетней. После этого официально объявлено его имя - Советбек, в знак признательности за настоящую счастливую жизнь, которую дала советская власть. Все поздравили молодых супругов. Под звуки оркестра им вручено свидетельство о рождении ребенка, переданы подарки для новорожденного и букеты цветов молодой матери. Родители дали обед в честь торжества. В художественной части с небольшим концертом выступили молодые исполнители киргизских песен районного дома культуры.

Торжество получило хорошую оценку со стороны всей общественности. Пожелания всех присутствующих сводились к одному - развивать и в дальнейшем множить такие новые традиции не только в районном центре, но и по всему району.

Следует отметить, что личные имена киргизов подтверждают различие некоторых особенностей исторически сложившихся традиций киргизов, живущих на юге и на севере республики. Если на севере личные имена оказались наиболее изменчивыми, то на юге они меньше подверглись изменениям, хотя и перекликались с личными именами соседей - узбеков и таджиков. [3: 154]. В северных районах республики преобладают, кроме киргизских, казахские, русские и интернациональные имена, на юге - узбекские^I, таджикские (редко), арабские. Имена узбекского и таджикского происхождения встречаются там, где киргизы непосредственно совместно или поблизости живут с узбекским или таджикским населением. Узбекские преобладают в Сузакском, Ленинском, Карасуйском, Наукатском и Фрунзенском районах, а таджикские - в Баткенском и Лейлякском.

I Узбекское женское имя Гультора (гудь "цветок", сова "отборный") по-киргизски звучит в измененном виде Гультайра, Соратауль, Сайратауль; мужские - Алишер, Камза (Хамза).

Конечно, стараются дать хорошее имя, но бывает и так, что некоторые родители не умеют выбирать, а некоторые по старому суевию выбирают имена с целью отогнать "нечистую силу": Тезек "помет животных", Таштанды "отбросы, всякие ненужные вещи", Жаман "плохой", Башкемпир "пять старух", Чоккой "грубая обувь из кожи" и т.п.

Желательно составить небольшой специальный справочник личных имен в республике.

В родильных домах, сельских советах, бюро ЗАГС, дворцах бракосочетаний, пунктах женских консультаций следует вывешивать рекомендательные списки имен для новорожденных или описок литературы об именах, чтобы молодые супруги имели возможность заблаговременно выбрать желанные им имена.

Личное имя дается человеку один раз и на всю жизнь, оно должно звучать красиво.

Л и т е р а т у р а

1. А б р а м з о в С.М. Рождение и детство киргизского рабника/ Сб. МАЭ. ХП. - М.-Л., 1949.
2. Б а я л и е в а Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972.
3. Б у т а н к о Н.П., М а м б е т а л и е в а К. Киргизские имена сегодня. - В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. - М., 1970.
4. Н и к о н о в В.А. Имя и общество. - М., 1974.
5. Ю д а х и н К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1955.

ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ В АНТРОПОНИМИИ
КАРАКАЛПАКОВ

В именнике каракалпаков по происхождению имени явственно выделяются несколько пластов. К первому, наиболее древнему, пласту относятся имена, образованные от собственно каракалпакских лексем, с прозрачной этимологией и общеизвестным значением. Эти имена до сих пор наиболее многочисленные у каракалпаков.

Многие из этих имен намного старше существования самого каракалпакского народа и каракалпакского языка и восходят к именнику средневековых тюркоязычных предков каракалпаков.

По семантике внутри этого пласта можно выделить ряд групп: имена, образованные от названий животных, растений; связанные с названиями металлов, минералов, драгоценных камней; с названиями звезд, солнца, планет, луны; с качествами и свойствами человека; с занятием населения; с названиями орудий труда и оружия; имена, связанные с героями эпоса и видными деятелями каракалпакской истории и культуры; имена-обереги, имена-заклинания и др.

Среди имен подобного типа немалое место занимают имена, в которых нашли отражение этнические и географические названия, так или иначе связанные с местами обитания каракалпаков (или обстоятельством рождения именуемых), этническими контактами и особенностями общественных отношений каракалпаков в прошлом и т. д.

Среди географических названий, употребляемых в качестве антропонимов, можно назвать, например, такие, как Дау́кара, Ше́гебай (от названия местностей Даукара, Шега в Каракалпакии), Есимберген, Ешим — от названия канала Есим (Ешим) в правобереж-

1 Имена, о которых пойдет речь в настоящей статье, относятся к данному лексическому пласту.

ной Каракалпакии, Шорахан, Шымбай, Майнакбай, Төрткүлбай, Нөкисбай — от названий городов и населенных пунктов на территории Каракалпакии¹. В подобных именах, образованных от топонимов или гидронимов, большей частью оказываются запечатленными места рождения именуемых (или какие-либо памятные события жизни их родителей). Подобный же смысл вкладывается в имена, связанные с нарицательными названиями тех или иных географических объектов или природных явлений: Дарьябай (от дарья "река"), Таңизбай (от таңиз "море"), Таўбай (от таў "гора"), Калабай (от кала "город"), Қамысбай (қамыс "камыш").

Расширение территориальных связей каракалпакского народа в нашу эпоху в связи с приходом на смену патриархально-феодалным отношениям отношений социалистических и активным участием каждого из народов Советского Союза в жизни всей страны в целом, поездки многих представителей Каракалпакии за пределы своей республики, учеба или работы там вызвали появление в именнике каракалпаков таких антропонимов, как Ташкенбай (от названия Ташкента), Бухарбай (от названия Бухары), Чарджоу (от названия Чарджоу, города в Туркмении) и даже Маскеубай (от названия Москвы) и т.п.

Следует обратить внимание на имена каракалпаков, образованные от этнонимов и генеонимов (названия племен и родов). До Октябрьской революции каракалпаки, как и ряд других народов Средней Азии и Казахстана (и некоторых других регионов нашей страны) из-за низкого уровня развития производительных сил и неразвитости общественных отношений делились на значительное количество племен, родов и родоплеменных подразделений. Наиболее крупными и известными из объединений племен и племен каракалпаков являются такие, например, как конграт, мөйтөн, кыят, ктай, кыпчак, кенегес, мангыт и др. [I : 36]. Эти родоплемен-

1 При написании данной статьи автором был использован список каракалпакских имен, приведенный в "Каракалпакско-русском словаре", отв. ред. Н.А.Баскаков. — М., 1958, с. 772-779, собственные наблюдения, а также устные замечания Д.С.Насырова.

ные генеонимы нашли отражение в именинике каракалпаков — от них образованы имена Кыятбай, Кыпчақбай, Кытайбек, Манғытбай, Муитенбай, Қоңыратбай, Аралбай, Шаратай, Ноғайбек и многие другие. Интересно, что у каракалпаков не было обыкновения давать ребенку в качестве имени название того племени, рода и родоплеменного подразделения, к которому принадлежал он сам: ведь в имени стремились запечатлеть какие-либо особенности человека, какие-то его характерные черты — то, что выделяло его из окружающих. Ему не давали, скажем, имени Манғыт или Кытай, если он относился к этим племенам — ведь и все его сородичи были также манғытами или кытаями. Зато очень охотно давали в качестве имени названия рода или племени матери. В некоторых случаях подобные антропонимы вели свое происхождение непосредственно не от этнонима, а от топонима, в основе которого лежал данный этноним, т.е. от этно-топонима. Так, имя Манғытбай нередко получал тот, кто был рожден в населенном пункте Манғыт, имя Қоңыратбай — тот, кто был рожден в Кунграде (сами же эти топонимы, в свою очередь, возникли из генеонимов манғыт и қоңырат).

В качестве антропонимов названные выше генеонимы известны не только в именинике каракалпаков, но и у народов, этногенетически и культурно связанных с ними. Напомним роль Муитен-бия в шежере (родословной) башкирского племени усерган (этногенетические связи башкир-усерганов с приаральскими каракалпаками-муитенцами неоднократно отмечались исследователями) [2 : 200; 3 : 194-197] .

В шежере этого племени говорится:

Башкыр халкы бабасы,
Би Тук-саба угланы,
Мейтан димакке аны...

...

Аның, балалары

Һәр ырыуга айрылган.

Прадад башкирского народа,
Сын Бия Ток-саба,
Муитен его имя.

Его дети (т.е. потомки
вообще)

Разделились на разные
роды

Мейтан углы Усерган
Нәселе булган усарман.

Сын Мыйтана Усарган,
Бго род был многолюден

[2 : 81-87] .

Имена прародителей-эпонимов в генеалогических сказаниях ряда народов Средней Азии и Казахстана и некоторых других регионов страны, сохранявших в прошлом родоплеменное деление, вообще нередко имели форму племенного этнонима (генеонима). Так, в шежире (родословных) каракалпаков родоначальником народа нередко называется Конграт-бий, чье имя употребляется параллельно имени Жайлгана (наиболее частое в фольклоре населения Хорезмского оазиса наименование прародителя каракалпаков).

Отметим имена каракалпаков, происходящие от названий других народов, — чаще тех, кто соседствует с каракалпаками, а иногда и более отдаленных. К подобным именам относятся такие, как Казахбай (частое имя среди каракалпаков), Туркменбай, Яўмытбай (от названия туркменского племени йомудов). Известно, что на периферии расселения каракалпаков в низовьях Амударьи — на западных и восточных окраинах их этнического массива — население было смешанным: каракалпаки селились по соседству или вместе с казахами, узбеками и туркменами. В этих смешанных районах наблюдается сложная этническая картина. Подобная ситуация сказалась и на именнике каракалпаков: наряду с взаимным заимствованием друг у друга характерных имен, наблюдалось и более непосредственное отражение смешанного расселения — тот, кто был рожден среди казахов, часто получал имя Казахбай, тот, кто был рожден среди туркмен — имя Туркменбай¹. Таким образом, в именнике каракалпаков, в частности в именах этнонимического происхождения, получили косвенное отражение особенности общественных отношений каракалпаков в прошлом, и этнические процессы, в которые оказались вовлеченными те или иные группы народа в прошлом и теперь.

¹ К антропонимии подобного же типа относится и антропоним Киргизбай, изредка встречающийся у каракалпаков. Разумеется, описанный выше путь образования антропонимов от топонимов и этнонимов у каракалпаков — не единственный, хотя и является основным и достаточно широко распространенным.

Л и т е р а т у р а

1. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. - М.-Л., 1950.
2. Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. - Уфа, 1960.
3. Толстова Л.С. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях. Археология и этнография Башкирии, т. IУ/ Мат-лы науч. сессии по этногенезу башкир. - Уфа, 1971.

Ш.Жапаров
(Фрунзе)

ИМЕНА БЛИЗНЕЦОВ

Близнецы выделяются среди своих сверстников, братьев, сестер не только схожестью внешнего вида и одежды, близостью характеров и поведения, но и своими именами. Поэтому исследование собственных имен близнецов является одним из интересных вопросов антропонимики. Они мало изучены в киргизском, казахском, узбекском и других тюркских языках. Только лишь две работы [3 : 45; 4 : 131-135] упоминают о созвучных именах, связях их с исламом. Значение термина "близнецы" раскрывается в "Этимологическом словаре тюркских языков" Э.В.Савортына [5 : 252-254, 337-339] .

Со времен принятия мусульманского вероисповедания (ислама) и до настоящего времени для имен близнецов киргизы использовали небогатый набор собственных имен: Асан, Усён, Батма, Зуура, Апал, Упёл, заимствованных из арабского языка¹. Но в

I Именами Асан, Усён (Хасан, Хусейн по-арабски) - назывались внуки-близнецы пророка Мухаммеда [4 : 131] , Батма - его дочь, а Зуура - эпитет Баты. Зуура в арабском языке означает "блестящая, лучезарная", а также название планеты Венеры [4 : 131] .

связи с огромными изменениями в экономике, быту, ростом культуры изменяется и отношение к выбору и употреблению имен собственных. Происходит процесс антропонимического творчества масс.

Из имеющегося у нас антропонимического материала видно, что до принятия ислама в киргизском языке близнецов нарекали Эгиз "Близнец", а позже мальчику давалось чаще всего имя Эгизбек, девочке — Эгизкан, которые встречаются теперь очень редко. Например, супруги Айдаркул и Зуура из Токтогула своим младенцам дали имена: старшей девочке — Эгизбюбү, мальчику — Эгизбек (02.УШ 1940, с. Сары-Сөгөт Токтогульского района Ошской области).

Именами близнецов, заимствованными из арабского языка, нарекали и детей одиночек (не близнецов).

В последнее время часто встречается имя Зууракан, мотивом для которого является знатная киргизская свекловичница дважды Герой Социалистического Труда Зууракан Кайназарова. Для примера назовем имена Сууракан Тайсариевой (1955, с. Шекер Кировского района), Зууракан Жороевой (1969, с. Сары-Камыш Советского района Ошской области), Зууракан Айткулуевой (21. IX 1975, с. Кирово Калининского района). Называя детей такими именами, родители хотят видеть в своих детях лучшие черты характера и человеческих свойств избранного. Подобное наречение, по В.А. Никонову, называется от-антропоним [4 : 236].

Имена близнецов Асан, Усён, Батма, Зуура распространены в киргизском языке повсеместно. Это видно из табл. I, составленной из собственных имен близнецов, родившихся в разное время в селах Кулунду Ляйлякского района Ошской области и Ак-Муз Ат-Башинского района Нарынской области.

Под влиянием ислама и антропонимического воздействия узбекского и таджикского языков имена близнецов в южных районах Киргизии более связаны с религиозными предрассудками (Асан, Усён; Батма, Зуура), однородны и постоянны, чем в остальной части республики. Для Северной Киргизии это не характерно. Интересно, что имена близнецов — девочек Апал, Упёл встречаются

I. Данные цифры обозначают день рождения близнецов.

только в Северной Киргизии, но не встречаются в юго-западном (ичкиликском) диалекте киргизского языка, да и в тюркских языках вообще.

Таблица I

Фамилии и имена близнецов из с. Кулунду	Год рожд.	Фамилии и имена близнецов из с. Ак-Муз	Год рожд.
Кыркбаевы Асан, Усён	1949	Калыковы Асыйн, Усёйин	1949
Айбашевы Батма, Зуура	1967	Текебаевы Джаныш, Байыш	1958
Ысраиловы Асан, Усён	1970	Кенжебаевы Упёл, Апал	1959
Баймырзаевы Асан, Усён	1971	Чочоаевы Байшебек, (девочка) Байшабюбү	1962
Нышановы Батма, Зуура	1973	Эсенкоджоевы Курманбек, (девочка) Курманбюбү	1964
Джапаровы Асан, Усён	1975	Мамытасимовы Айнура, Гюлнура	1971

С исторической точки зрения можно выделить следующие виды связи имен собственных близнецов в киргизском языке:

1. Прямой переход аппелятива в антропоним. Например, Эгиз (мальчикам и девочкам), Эгизбай и Эгизбек (мальчику), Эгизкан, Эгизбюбү (девочкам). В редких случаях как имена собственные встречаются они и сейчас (из антропонимов этой группы можно отметить и имена Кошок, Кошум, Кошумбай).

2. Религиозно-традиционная [по В.А.Никонову: мусульманская традиция [4 : 133] - антропонимы Асан, Усён; Батма, Зуура; Апал, Упёл. Для определения частотности этих имен в настоящее время мы взяли имена 50 близнецов (100 антропонимов), родившихся в 1967-1977 гг. в разных районах Киргизии. Оказалось, что Асан, Усён встречаются 10 раз, Асан, Батма - 1, Асан, Зуура -

3, Асанбай, Зуура - I, Асан, Апап - I, Батма, Зуура - 3, Батма, Усён - I, Батмакан, Усён - 2, Зуура, Усён - I, Апап, Упёл - 2, Упёл, Иманасан - I; из них 31 пара (или 62 процента) составляют религиозно-традиционные имена. Остальные 38 процентов - современные рифмичные имена. Имена близнецов, связанные с религией ислама, в тюркских языках бывают сходные и отличительные. К сходным относятся Асан, Усён; Батма, Зуура; они встречаются во всех тюркских языках, испытавших влияние ислама. К отличительным относятся те, которые встречаются в именах близнецов в отдельных языках, например Хидир, Ильяс [3 : 45]; Айша, Зуура [4 : 131]. По мнению З.Б.Мухамедовой [3 : 45] и В.А.Никонова [4 : 131], эти антропонимы "свободные, не связанные имена близнецов". Здесь значения слов "свободные, не связанные" надо понимать только в звуковом оформлении. Фактически все имена близнецов связаны по мотиву.

3. Новые созвучные имена близнецов типа Джыпар, Джапар; Зулпая, Уркуя; Замирбек, Зайнурбек; Нурджан, Гюлджан; Ырыскул, Ырысбек - пока рано считать постоянным набором антропонимов близнецов, так как они встречаются в именах и у братьев (сестер) и у отца и сына, представляя собой внутрисемейную и общесемейную связь имен.

Новые созвучные имена близнецов по принципу и степени рифмы делятся на сплошные (или сквозные), начальные, конечные, логические.

I. Сплошные созвучные антропонимы, отличающиеся одним-двумя звуками, группируются на: а) личные имена, отличающиеся только одним звуком: Джансулуу, Кансулуу; Джыпар, Джапар; Дамира, Замира; б) антропонимы, отличающиеся только двумя звуками: Джаныш, Байыш, Айнаш, Чынаш; Нурлан, Мирлан.

II. К именам с рифмованной начальной частью относятся антропонимы с тождественными основными доминирующими компонентами: Бейшебек, Бейшебекюбү; Чолпонбек, Чолпонкул; Гюлнара, Гюлмира.

III. К именам с созвучной конечной частью относятся антропонимы типа: Айсулуу, Кунсулуу; Бегайым, Гюлайым; Айнура, Гюл-

нура. По мнению В.А.Никонова [4 : 134], такое созвучие в личных именах связано с ударением в последнем слове в тюркских языках. Нам кажется, к сказанному следует добавить об антропоформантах, выступающих в качестве служебного компонента в сложных (составных) именах и компонентах мужских и женских имен.

Новые созвучные имена близнецов отличаются от традиционных и религиозных имен тем, что им присущи четкая рифма, эвфония, эластичность, а также сингармонизм и одинаковые структурные формы. Редко встречаются и такие имена, где у младшего из близнецов в имени на один звук больше, чем у старшего. Например: Азел (4 звука), Гюзёл (5 звуков); Аманат (6), Саламат (7); Анара (5), Чынара (6).

В новых созвучных именах близнецов в большинстве случаев сохраняется алфавитный порядок: Азел - старшая, Гюзёл - младшая; Айнаш - старшая, Чынаш - младшая; Айсулуу - старшая, Кюнсуюу - младшая. Это результат влияния киргизского литературного языка и его алфавита.

Как и в других отраслях ономастики, так и в антропонимии отражаются культурно-экономические, научно-технические связи народов. Примером могут служить антропонимы Рам и Шам. Появлению и повторению имен братьев-близнецов Рам, Шам в киргизском именнике послужила демонстрация художественного двухсерийного индийского фильма "Рам и Шам" в 1972-1977 гг. на экранах Киргизии, героями которого были близняцы Рам и Шам.

Имена близнецов, связанные с традицией ислама, по созвучию делятся на 2 группы - подгруппы, т.е. антропонимы двойняшек, полностью соответствующие религиозным традициям: Асан, Усён; Батма, Зуура и др.; и имена, частично сохранившие религиозные традиции: Батакан, Анбар; Зуура, Султан и др.

Итак, наиболее важные отличительные особенности имен близнецов - это созвучие, связь по мотиву и синонимичность. Такое мнение уже было высказано по другим тюркским языкам В.А.Никоновым [4 : 133]. По его мнению, "общность обычая (связи-созвучия имен близнецов - Ш.Ж.) у столь отдаленных народов,

как тюркоязычные, англоязычные, бантуязычные... это параллель типологическая" [4 : 135].

Наблюдается интересная картина в именах близнецов внутрисемейных и межсемейных. Например, мать - Батма (1929), двойня ее девочек Азел и Гюзёл (1972, с. Кашка-Терек Сузакского района Омской области) близнецов, другой пример такому явлению из Наукатского района с. Арбын - Батма и Зуура (1968), мать которых Улёл также является одной из близнецов.

Одними постоянными, устойчивыми мотивами современных имен близнецов в киргизском языке являются созвучие и синонимичность, а также мотивация, которая присуща как антропонимам внутрисемейным (братьев, сестер), так и антропонимам киргизского языка вообще. Например, супруги Бюбюкюл (мать) и Боро (отец) Чынгышбаевы (с. Жан-Булак Тянь-Шаньского района Нарынской области) дали своим близнецам имена Майрамбек^I (8. III 1965) в честь праздника Международного женского дня 8-а марта. Другим примером таких антропонимов могут быть имена двойня-мальчиков Бейшебай, Джумабай (23. IV 1976, с. Кирова Калининского района), которые родились в ночь с четверга на пятницу, т.е.

мотивом их имен послужили религиозные, календарные дни недели (бейшемби - "четверг", жума - "пятница"), считающиеся счастливыми днями по мусульманской религии и хорошей приметой для новорожденных и их родителей.

У киргизов встречаются случаи второй и даже третьей пары близнецов у одной матери. Отличительным морфологическим признаком имен вторых двойняшек от первых служит антропоформант -ча (см. в табл. 2 имена Мыктаровых), имеющий ласкательно-уменьшительное значение. В лексико-семантическом или апеллативно-номинативном, мотивационном аспекте в личных именах вторых действуют те же антропонимические законы, что и у близнецов первых двойняшек, внутрисемейных и собственных именах вообще, описанные нами выше. В историко-этнографическом плане в именах вторых

^I Майрам - "праздник", -бек и -гюл (кюл) - антропоформанты мужских и женских имен.

двойняшек видим и мусульманскую традицию (см. табл. 2, примеры I, Ш, IV, У) и новые созвучные (в табл. 2, примеры П, VI) антропонимы.

Таблица 2

Ряд	Фамилия, имена близнецов	Год рожд.	Место рождения
I.1	Талканбаевы Асан, Усён	1952	с. Бакмян Ленинпольского района
I.2	Талканбаевы Абакир, Батма	1955	
П.1	Текебаевы Джаныш, Байыш	1959	с. Ак-Муз Ат-Башинского района
П.2	Текебаевы Каныкбай, Чачыкбай	1962	
Ш.1	Тюменовы Батма, Зуура	1962	г. Таш-Кумыр Ошской области
Ш.2	Тюменовы Апал, Упёл	1965	
IV.1	Мыктаровы Асан, Усён	1963	г. Таш-Кумыр Ошской области
IV.2	Мыктаровы Асанча, Усёнчө	1966	
У.1	Мырзабаевы Батма, Зуура	1961	с. Кызыл-Джар Джангын-Джольского района Ошской области
У.2	Мырзабаевы Асан, Упёл	1969	
VI.1	Калыбековы Нурбек, Нурбюбү	1971	г. Таш-Кумыр. Ошской области
VI.2	Калыбековы Айбек, Айгүл	1974	

При наречении имен тройняшек, как видно из примеров (табл. 3), родители руководствуются (с незначительными отклонениями) теми же антропонимическими принципами, нормами и ассортиментами, что и в именах близнецов.

Таблица 3

Ряд	Фамилия, имена тройняшек	Год рожд.	Место рождения
1	Амиральевы Упёл, Усён, Апал	1976	с. Кара-Кочкор Советского района Ошской области
2	Шеримбаевы Апал, Упёл, Нрысбек	1977	с. Ак-Моюн Ат-Башинского района Нарынской области

По словам родителей, при наречении близнецов они придерживаются традиций своих отцов и дедов — имена близнецов должны быть близкими, созвучными, традиционными.

Таким образом, личные имена близнецов связаны с общими законами, типологическими явлениями антропосимики, языкознания и этнографии.

Л и т е р а т у р а

1. Близнецы. Большая Советская Энциклопедия/ Изд. 3, т. 3.
2. К а н а я в И.И. Близнецы и генетика. — Л., 1963.
3. М у х а м е д о в а З.Б. К вопросу о личной ономастике у туркмен/ Тр. Ин-та языка и литературы Туркм. ССР, вып. 2. — Ашхабад, 1957.
4. Н и к о н о в В.А. Имя и общество. — М., 1974.
5. С в о р т я н Э.М. Этимологический словарь тюркских языков. — М., 1974.

Л.М.Селяметев
(Самарканд)

ИМЯ И ЛЕГЕНДА

Имя всегда представляло общественную ценность. Племя, род имели свой набор имен. Право на имя еще изредка встречается у крымских татар, живущих в Самаркандской области Узбекистана, своеобразный обряд "передачи" имени, когда к пожилой вдове приходят дальние родичи, приносят подарки и после традиционного "батдужумаз кява" (досл. "пить кофе с неумытым лицом", т.е. кофе для тех, кто еще не отряхнул с себя дорожную пыль), гости объясняют, что хотят получить разрешение на наречение новорожденного именем ее мужа. Женщина благодарит родичей, не забывших ее мужа, его дорогого имени, и дает согласие.

Имя — рождается, живет, стареет ... — и, вбирая в себя аромат эпох, доносит его до нас. Память живет в именах, прошлое забывается, становится легендой, легенды забываются, а имена остаются.

В переводе с тюркских языков кьурт означает "волк", нередко встречается мужское имя Кьурт. В системе тотемов древних тюрков волк и волчица занимают особое место, — это на многочисленных примерах показывает Х.Короглы в исследовании огузского героического эпоса. "Согласно древнетюркской тотемистической версии, турки происходят от хуннского царевича и волчицы" [6:84]. В другой легенде о рождении Чингиза к его матери являются луч и волк: "Алангова забеременела без мужа. Она заявила: "На меня спускается луч солнца, от меня же уходит волк". Тогда решили удостовериться. Трое мужчин (один из них кипчак Кара-бек, другой — туркмен Кел-Мухаммед-и-Урадуч-бек) стали караулить у шатра Аланговы. Незадолго до рассвета они заметили, как с неба спустился бальный, блестящий свет... Через некоторое время он обернулся светлогривым серым волком (*Jnan A. Cingizname, "Aleg-baycan Jurt Bilgisi" III, 1934, 1965*). В легенда скрестились два мифа: солярный — о луче солнца и зооморфный — о волке" [6 : 76].

На наш взгляд, произошел последовательный переход мифа о луче в миф о волке — "На меня спускается луч, от меня же уходит волк". По представлениям тюркских ханов: "Туркский хан" и "волк" были синонимами" [3 : 23].

В крымско-татарской антропонимии также довольно распространены мужское имя Нури "луч" и женское Нурия (Нурья) "луч", которые со временем стали компонентами составных имен Нур- (Нур-ад-дин, Нуриддин, Нуретдин (муж.); Нур-Джамал (муж.), Нур-Султан (жен.), Нуристан (жен.). Крымско-татарское мужское имя Анит означает охотничью собаку (ан-ит, ит "собака"). Собака — незаменимый и верный друг охотника, приближена к божеству, ибо она может делать то, чего не может охотник — отыскивать след.

Через сотни веков турк-охотник становится кочевником-скотоводом, об этом говорит цепочка имен на -тай: Тутай "верблюжо-

нок", Чоратай "храбрый жеребенок", Адатай "пегий жеребенок", Алтай "гнедой жеребенок", Бурунтай "носатый жеребенок", Табатай "покорный жеребенок" и т.д.

Принятие ислама крымскими татарами вызовет появление длинного ряда имен: Къуртали (Къурт-али), Али (четвертый халиф), Къуртмулла (Къурт-мулла), Къуртсеит (сейид - потомок пророка Мухаммеда). В памяти останется и имя, означающее "волк". Имя одной из жен пророка Мухаммеда - Айше. Оно случайно вписалось в антропонию крымских татар, заняв свое место в ряду женских имен, посвященных Луне: Айсуну // Ау-суну "прекрасна, как луна", Айяр// Ай-Яр "любимая, возлюбленная луна", Айбар// Ай-бар "излучающая лунный свет", Айтен// Ай-тен "луннотелая". Ай в словосочетании "ай дада" ("луна") выступает в мужском роде: ¹ даде "дедушка, предок", т.е. ай дада "дедушка луна" или "луна-предок". Сложней с женским именем Айше (древнееврейск. - "жизнь, жизненный"). В крымско-татарском Айше (Ай-иш-а) иш - "мужчина, муж" (из семитск.), а - окончание женского имени в крымско-татарском языке. Таким образом, произошло первоосмысление, нередкое при столкновении двух языковых стихий.

В крымско-татарской антропонимии встречается ряд библейских имен: Ава "воздух", тюрк. (Ква), Эдем (Адам "человек", тюрк. .); Исмаил (Измаил, сын Авраама и Агари); Ифет (Афет, сын Ноя); Умер, Омер/Гомер, сын *Уарета* и др. Часть библейских имен (Моисей - Муса, Иисус - Иса, Ной - Нух, Мария - Марйам и др.) вошла в Коран и распространилась с мусульманством, другая же часть (Ифет, Гомер, Рифат, Кфет и др.) свидетельствует о домусульманском периоде.

"Начиная с Узбега (ум. в 1341 г.) все золотоордынские ханы были мусульманами" [1 : 205]. Власть имущие стали первыми принимать мусульманские имена, но народ еще долго не мог их освоить. Духовенство всячески насаждает свои идеи и выкорчевывает из сознания народа язычество (каждое новое воззрение объявляет старое язычеством и варварством, чтобы легче было с ним бороться).

¹ Ср. в русском языке луна женского, а месяц - мужского рода.

В исторических документах о крымских татарах конца XV — начала XVI вв., где упоминаются большей частью хан, послы, гонцы и царевичи, на 100 имен приходится еще только приблизительно 14–16 мусульманских имен [8], это через два с половиной столетия после принятия мусульманства" ... Абдыль-Авель-Шихъ зода (Обдыль-Авель, Авель-Шейх), брат крым. князя Аппака, Исенъ-Келди-Али-Курманъ, Тени-Бекъ-Калпъ-Бердиев сын, царевич Ахметъ Гирей, Ибраимъ, Усвин Авей Чичаров сын, крым. князь Ахметъ (Мехметъ) улан, Апасъ уланов сын, Ази-Мендай-афыз, писарь и бакшей крымск. царевича Ахмет-Гирея, "большой"аго посол...; и т.д."

[8 : 1-92].

К середине XIX в. эти имена настолько укоренились, что от них образовались форманты крымско-татарского имяобразования:

Абду-Аб ("раб"): Абдужемиль, Абдемин;

Абдул, Абдуль (из Абдулла) "раб Аллаха": Абдулхайр, Абдульвер;

Свид-Свит-, Сайд-, Сейт-/ "потомок пророка Мухаммеда": Свидбах, Сзиткерий, Сейдамет, Сейтноман;

Шейх-/Шейх-/ "старец; почтенный человек", араб.: Шейх-мамбат, Шейхмет;

Дин - "религия": Диноглы;

-али от Али, зятя пророка Мухаммеда, четвертого халифа: Къадырали, Эмиралли;

-гъазы/-гази/ почетный титул победителя: Джангъазы, Мельгъазы, Абдугази;

-дин: Кешфедин, Гемалледин;

-молла /-мулла/: Къадымолла, Сзитулла.

Среди имен, упоминаемых в "Памятниках...", выделяется большой класс составных имен. В основном они двусоставные. Редко встречаются имена, состоящие из трех и более компонентов. В двусоставных именах постоянным компонентом может быть и первая и вторая части имени. Кроме того, компоненты могут принадлежать разным языкам и разным лексико-семантическим группам языка. По поводу возникновения двусоставных имен В.Гордлевский отмечает: "... Возможно, двойные имена у османцев указывают на старинный

обычай сочетания двух разнородных имен, представляющих тотемы племен отца и матери" [2]. В.А.Никонов не находит эту точку зрения достаточно основательной: "... Естественные в названиях родов тотемы сомнительны в именах" [7 : 101]. Не останавливаясь специально на возникновении тюркских имен, В.А.Никонов однако замечает: "Двучленные имена получили особую окраску, хотя со временем она и менялась. Видимо, первоначально они не были всеобщими, а отличали привилегированную верхушку" [7 : 109].

Составные имена, на наш взгляд, по мере изучения можно будет классифицировать по мотивам образования. Так, "...мотив, широко распространенный в фольклоре тюркоязычных народов Востока и условно названный мотивом небесного вестника. В уйгурской "Огузнаме" таковым выступает "сизовласный, сивогривый большой волк" [6 : 42]. Наряду с другими мотивами образования составных имен следует указать на имена, явившиеся отражением легенд и идей. Идея "человек-пришелец" объединяет двусоставные имена с компонентами -барди и -калди. Остановимся на них подробнее. Наибольшее число двусоставных имен, упоминаемых в "Памятниках...", приходится на имена, образованные со вторым компонентом -барди ("дал кто, что").

1. -барди ("дал"): Бадыр-Барди (араб. "всемогущий", эпитет Аллаха); Керим-Бардей (араб. "великодушный, милостивый"); Олло-Бардей (Аллах); Сен-Бардей (тюрк. "ты", вероятно, в значении "творец"); Тагри-Бардей (древнетюрк. "высшее божество"); Куда-Барди, Худай-Барди (перс. "бог" дал); Адук-Барди, Удук-Бардей (древнетюркск. Удук - эпитет божества); Хозя-Бардей (перс. "учитель, наставник"); Лагим-Барди, Лаим-Барди (араб. "бессмертный"); Шукур-Бардей (араб. "благородный"); Кады-Бардей ("духовный судья"); Хош-Барди (перс. "доставляющий удовольствие, приятный").

2. -барди (что дано): Доулат-Барди ("счастье, благополучие"); Иш-Бардей, Еш-Бардей (тюрк. "работа"); Алып-Бардей (тюрк. "взяв отдал" или Али? - устно - поэт и "богатырь"); Малим-Бардей (тюрк. "мое богатство"); Козем-Бардей, Ковкы-Бардей (тюрк. "мои глаза"). Лух-Бардей (Рух? "дух") и Каип-Барди - не удалось этимологизировать.

В I группе отразилась мысль, трактуемая различными религиозными учениями — "ребенка дал бог"; во 2 группе — чувства родителей по поводу появления ребенка в семье: "счастье дал", "богатство дал", вероятно, относится к первому ребенку, "работу дал" (когда детей в семье уже много или же возможна другая причина неудовольствия), "мои (мне) глаза дал", т.е. "свет очей" может относиться к долгожданному ребенку.

Логическим продолжением идеи "человек-пришелец" является группа имен с компонентом -келди. Эта группа также эмоционально окрашена выражением чувств родителей: Бахты-Келдей (перс. "счастье пришло"); Доулат-Келдей, Девлет-Келдей (тюрк. "счастье, благополучие пришло"); Ураз-Келдай (араб. "подарок пришел"), Ян-Келдей (из джан перс. "душа пришла"); Афыз-Келдей (афыз — человек, знающий Коран наизусть, пришел"); Хошкилдай (перс.-тюрк. "доставить удовольствие, быть приятным"; и др.

Имена с теоморфными компонентами могут быть семантически обобщены с двумя названными группами. Двусоставные имена с теоморфными компонентами можно отнести к именам, несущим в себе левганду.

Из общего числа двусоставных имен можно выделить еще две группы: компоненты, означавшие пожелания (акъ-, девлет-, кутдуг-, ян-, чюра-, -яр, -темир), и компоненты, ранее указывавшие на титулы и звания (препозитивные: баба-, вай-, казы-, шах-, постпозитивные: -ага, -бай, -бек, -солтан).

Переход сословного титула в компонент — длительный процесс. Интересно отметить, что "действующие" титулы хан, мурза, мулла не встречаются в роли компонента в этот период [6 : 42].

Компоненты-пожелания можно разделить на четыре группы: 1) ак- (тюрк. "чистый, частный, невинный, безгрешный"), девлет- (тюрк. "счастье, благополучие, благо"), кутдуг- (тюрк. "счастливый, радостный, прославленный"); 2) -чюра (перс. в знач.: "друг; храбрый"; крым.-тат. поэтич. "витязь"), яр- (тюрк. "друг; любимый; возлюбленный"); 3) ян-, джан (перс. "душа, здоровье, сила, мощь"; 4) -темир (тюрк. "железо", в знач. "железное здоровье, железная воля, непоколебимый").

Компонент чора (чюра, чюра) мы поместили в одну группу с компонентом -яр- не без некоторого колебания. Довольно часто встречающееся в "Памятниках..." это имя позже упоминается только в устном народном творчестве и в крымско-татарской лексике. В.В.Радлов записал несколько вариантов героического эпоса "Чора Батыр"¹, посвященного казанским событиям пятидесятих годов ХУІ в. Но как компонент, Чора зарегистрирован за 70 лет до описываемых событий. Да и процесс образования компонента из нарицательного слова тоже требует времени. Кроме того, с именем Чора связываются мифические мотивы, которые, однако, могут быть и выражением традиции чудесного рождения богатыря, как указывает В.М.Жирмунский [4]. Исходя из вышеизложенного, мы относим Чора (казах. Шора, узб. Джура) к именам-легендам. В данном случае упоминание о двух противостоящих началах — добра и зла, — огне и воде находим в "Чора".

В зачинах сказок крымских татар встречается предложение: "Бир падшада уч чорасы бар эди, Асан, Амет ве Али" — "у падишаха было три чора (богатыря), Асан, Амет и Алим". В выражении "чоралыкъ япа" (совершает подвиги) и "чора-бадам" (ласкатель. к ребенку мой чора) присутствует элемент "доброты" Чора. Но "Чора" вместе с тем несет и злое начало. Так, до настоящего времени сохранился окрик на детей, которые не слушаются: Ана, чора келе! "Вот чора идет!". Или в присказке:

Ана — мына келиятыр,
Чора Батыр келиятыр,
Аягында кызыл кыятыр,
Тий шорбагы отмак батыр.

"Вот идет, Чора Батыр идет, На ногах у него красные онучи. В пшенный суп хлеб обмакни" — звучит предостережением.

В.М.Жирмунский пишет: "... Сами имена этих героев подчеркивают их душевные качества и сюжетную роль: Кульчоро — "витязь-цветок" (от слова куль из персидского гуль — "цветок"), т.е. цвет

1 В.В.Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен/ Наречия Крымского полуострова.—СПб, 1896.

дружины, идеал витязя-дружинника), Канчоро - "кровавый", "жестокый" (от слова кан "кровь") [4 : 106].

В описании чудесного рождения Чора Батыра тоже присутствуют два противостоящие начала - огонь и вода: "Пришло время Нарыкбатыру"¹ ожидать от жены наследника. Менглислу² приснился дивный сон: будто от нее исходит световой столб, кругом люди собрались, бросают в столб копьями, мечут стрелы. Столб света не колеблется, а только ярче светит. Но вот нашла темная туча. Пошел дождь, и свет погас" [5 : 63].

В результате изучения ряда параллелей, неожиданных на первый взгляд, которым присущи общие черты и закономерности имяобразования, а также имен-легенд в процессе исследования оа-мых разнообразных связей, можно будет решить вопрос генезиса некоторых составных имен.

Л и т е р а т у р а

1. Босworth К.Э. Мусульманские династии. - М., 1971.
2. Гордлевский В. К личной ономастике у османцев/ Древности Восточные, т. IV, 1913.
3. Гумилев Л.Н. Древние турки. - М., 1967.
4. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. - Л.: Наука, 1974.
5. Кончевский . Сказки крымских татар. - М.-Л., 1930.
6. Короглы Х. Огузский героический эпос. - М., 1976.
7. Никонов В.А. Имя и общество. - М.: Наука, 1974.
8. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. - СПб., 1884.

1 Отец Чора Батыра.

2 Мать Чора Батыра.

ФОРМЫ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ФАМИЛИЙ

Фамилии у народов Средней Азии стали употребляться сравнительно недавно. Полвека назад они были лишь у немногих, а сотню лет назад их не было ни у кого. Сегодня в указателях имен Хайям или Навои стоят в одном ряду с фамилиями. Но принимающий их за фамилии либо ничего не знает о них, либо совершенно не знает, что такое фамилия. Фамилиями они не были. Фамилия — имя членов семьи (в отличие от имени индивидуального), переходящее на несколько поколений (в отличие от отчества, наследуемого только одним поколением). В сочетаниях Омар Хайям, Алишер Навои нет именования семьи и их не передавали по наследству. В противоположность современной русской и общеевропейской системе имен главным членом этих сочетаний были тогда Омар и Алишер, а Хайям и Навои — дополнительными, уточняющими; превращать их в О.Хайям, А.Навои — невежественно (как, например, А.Македонский или П.Первый).

Еще в начале нашего столетия семейную преемственность выражали формы отчества: в тюркских языках присоединяли огды "сын" или кызы "дочь" (Ахмед-оглы "сын Ахмеда", Фатыма-кызы "дочь Фатымы"), в таджикском, как и других иранских, — заде "рожденный" (Турсун-заде "рожденный от Турсуна").

В Западной Европе фамилии возникли на рубеже нашего тысячелетия. Их распространение там заняло несколько столетий, в Великобритании и Германии оно еще продолжалось даже в XVIII в. В Иране и Турции фамилии введены лишь в XX в., в Египте и Тунисе — в 50-х гг. нашего века, а, например, в Исландии фамилий не только нет, но и запрещено законом их вводить.

В России фамилии, по мнению большинства ученых, появились в XVI в. (акад. А.И.Соболевский признавал фамилиями и родовые именования князей по владениям — Шуйские, Вяземские, отодвигая

возникновение фамилий в России к XIV в.), но еще и в XUI в. у русских фамилии оставались достоянием лишь ничтожного меньшинства — их носили только привилегированные сословия, а в народе фамилии распространились в XVII—XIX вв. (за крепостным крестьянством, составлявшим большинство русского населения, не признавали права на фамилии до 1861 г.). Закона, устанавливающего обязательность фамилий для всех, в дореволюционной России не существовало. Юридическое закрепление их вообще запаздывало (во Франции оно началось только с кодекса Наполеона, в нашей стране административно — с 1932 г, законодательно — с 1968 г.).

Основную массу русских фамилий составили отчества в форме кратких притяжательных прилагательных, образуемых суффиксами -ов (это фонетический "двойник" -ев) и -ин (от основ с окончанием -а: "книга отцова", но "книга папина"), означавших "чей сын". Эта форма отчеств еще жила во второй половине минувшего столетия: вспомним, как называл себя демократ Базаров, знакомясь с помещиком, — Евгений Васильев (а не Васильевич и не Базаров). Закрепясь в одном из поколений, отчество превращалось в фамилию: из иванов сын (сын Ивана) стало Иванов, аналогично — Кузнецов, Казанцев, Ильин, Воронин первоначально означали: сын кузнеца, казанца, Ильи, Вороны (нецерковное мужское имя).

Фамилиями становились и другие формы именований от имени отца, но гораздо реже (прилагательные в родительном падеже: -аго или -ово; из них сохранили заметную частоту только образованные от форм множественного числа -их, -ых — Долгих, Садых). Реже фамилии возникали из иных источников, минуя ступень отчества: фамилиями становились (без дополнительных формантов) прилагательные на -ский, означающие из какой местности прибыл или какой местностью владеет, или (у воспитанников духовных семинарий) в какой церкви служит его отец; ранние фамилии из прилагательных, указывающих на к.-л. свойства именуемого (Косой, Хитрый), но в этой форме они у русских почти не сохранились, нередки у украинцев, формы фамилий которых гораздо пестрей, чем русские, ограниченные перечисленными, да и из них, кроме -ов(-ев) и -ин не единичны только -ский и -их (-ых).

У народов Средней Азии не было фамилий до тесных контактов с русскими. Фамилии у них стали возникать во второй половине XIX в. под русским влиянием. Первый казахский ученый — историк, этнограф, стиховед, дед которого носил имя Вали-хан, стал Валихановым. Позже такие примеры несколько участились, но и в начале XX в. оставались все же исключениями. Избирали фамилию по русскому образцу баи и торговцы, сотрудничавшие с царскими властями и русской буржуазией. Только в 30-е годы, первом десятилетии мирного социалистического строительства, в молодых советских республиках Средней Азии фамилии стали распространяться среди населения и тогда же стали обязательными. Естественно, что массовое формирование фамилий (у миллионов семей почти одновременно) осуществлялось простым способом: фамилией стало имя отца + преобладающий формант русских фамилий — ов (с его фонетическим вариантом — ев). Поэтому почти у всего поколения, рожденного до середины 30-х годов, совпадают основы отчеств и фамилий: Кадирбек Жаныбаевич Жаныбаев (кирг.), Ахмед Каримович Каримов (узбек.).

Однородность самого состава имен и монополия одного форманта фамилий обусловили близкое сходство фамилий у народов Средней Азии. У всех есть Ахмедов, Ниязов, Рахимов и т.п. Различия между языками преимущественно фонетические: Абишев — Абышев, Жаныбеков — Джаныбеков, Муратов — Мурадов — Мырадов — Муродов и т.д. Даже языковая принадлежность этих шести народов к двум совершенно различным семьям (таджикский принадлежит к иранской, пять остальных — тюркские) отразилась в фамилиях почти лишь фонетически: межа прошла "поперек" границы языковых семей: например, на месте общетюркского д звучит в узбекском о из таджикского, который послужил субстратом узбекского языка; поэтому казах., каракалпак., киргиз., туркмен. Адилов, Исаев, —баев, но узбек., как таджик., — Одилов, Исаев, —бсоев. Конечно, фамилия — слово и, как все слова, подчиняется законам языка, но всего властней над ономастикой история, которой в конечном счете подчиняются и сами законы языка.

не существовало нарицательных муратов, жуманбеков, рахимов, фамилии возникли сразу, как собственное имя семьи, минуя стадии образования фамилий от имен нарицательных и отчеств непосредственно от индивидуальных мужских имен.

3. Из всех фамилий¹, образованных формантом -ов(-ев): казахские составляют 97%, каракалпакские - 99%, киргизские - 99%, таджикские - 97%, туркменские - 98%, узбекские - 98%, для сравнения - русские: в Ефремовском районе Тульской области - 71% всех фамилий, другие формы - 29%. в бывш. Холмогорском у. Архангельской губ. - 65%. Разница весьма значительна. У народов Средней Азии все другие формы фамилий составляют лишь 1-3%, а у русских - больше четверти или даже больше трети всех фамилий, т.е. около 40 млн. чел.

Это количественное различие в основном произошло за счет фамилий, образованных суффиксом -ин: у русских посредством этого суффикса образовано от 20 до 30% всех фамилий, наредок он в фамилиях тюркоязычных народов Поволжья (Абдуллин, Гусайдуллин), пять столетий тесно связанных с русскими, у народов же Средней Азии представлен очень слабо. На исходе XV в. и в первые десятилетия нашего столетия такие фамилии появлялись чаще у казахов, ближайших соседей России (один из зачинателей советской казахской литературы и крупный политический деятель Сакен Сейфуллин), но массовое становление фамилий "стандартизировало модель" с преобладающим суффиксом русских фамилий -ов(-ев). Возможно, на

¹ Для подсчетов взяты по I тыс. фамилий каждого из этих народов. В дальнейшем увеличение объемов подсчетов внесет уточнения, но не изменит основных соотношений - настолько они резки. Этническое же самоотнесение называемых не всегда надежно: в Нур-Атинском районе Узбекистана при размежевании республик в 20-х гг. враждебные элементы распустили слух, что жителей будут переселять по национальности. Туркмены и таджики, опасаясь переселения, записали себя узбеками, в Омской области на ю.в. Киргизии узбеки, киргизы, таджики живут попеременно несколько столетий и в числе киргизов оказываются узбеки по происхождению, как и многие уйгуры по происхождению, живя среди узбеков Ферганы, стали считать себя узбеками.

это повлияло и отсутствие грамматического рода в тюркских языках. Общеизвестно, что тюркоязычному затруднительно различать грамматический род в русской речи (заурядные) ошибки "она пришла", "твоя рука" и т.п.). В современном русском языке суффиксы -ов и -ин выражают одно и то же значение, выбор того или другого диктует только форма основы: -ин (в противоположность -ов) присоединяется к основе, оканчивающейся на -а (после гласных

и мягких согласных пишут -д), а это окончание служит характерным показателем женского рода. Народы Средней Азии имели множество мужских имен с окончанием -а и женских с окончанием на твердый согласный. Поэтому так легко образовались фамилии Абдуллаев и другие вопреки русской модели, которая требовала бы Абдуллин. Фамилии на -ин только у казахов достигают 3% (Абдуллин, Валиулин, Баймурзин, Майлин, Мустафин, Рахматуллин и др.), около 1% — у киргизов, еще реже встречаются у таджиков, туркмен, единичны у каракалпаков.

Рассмотрим группы фамилий (по 1 тыс.) на -ов(-ав) (табл.)

Таблица

	-ов	-ав	-авв	-овв	-оавв	-боав	-иев	-авв	-увв	-уов	Вся группа
Казахи	571	36	74	2	176	-	78	21	1	6	965
Каракалпаки	703	11	83	1	134	-	47	15	-	2	996
Киргизы	524	30	73	13	158	-	159	27	5	-	989
Таджики	717	13	34	87	-	22	95	4	-	-	972
Туркмены	600	8	92	-	27	-	255	3	-	1*	986
Узбеки	675	27	125	14	2	54	90	1	-	-	988

* Этническая принадлежность не установлена.

При такой подробности объем подсчета недостаточен, т.е. не исключено, что последняя цифра каждого числа малонадежна. Но показатели таковы, что изменения на несколько единиц несущественны для выяснения основных соотношений.

Различия формы среднеазиатских фамилий находятся внутри этой группы, а не вне ее. Они зависят от формы основы, подобно тому, как в русском языке только от формы основы зависит выбор из двух равноязычных суффиксов притяжательных прилагательных -ов(-ев) или -ин, сегодня совершенно равнозначных, независимо от их некогда различного происхождения. А формы основ, т.е. мужских личных имен, от которых образованы фамилии у народов Средней Азии, различны. Ограничимся данными по узбекам Ватикентского района Узбекской ССР, взяв из актов рождения за 1940 г. в архиве ЗАГС Бухарской области Узбекской ССР все имена отцов в возрасте от 20 до 40 лет (имена этого поколения стали основами фамилий). Частотность окончаний на I тыс. имен: твердый согласный (Мурат, Рахман, Шамсуддин, Худайкул и др.) - 736, -й (Худай и др.) - 6, -а (Абдулла, Джума, Хамза и др.) - 162, -и, -н (Аблабарди, Наби, Рузи и др.) - 98. Эти различия форм имен и обусловили вариантность форманта фамилий. К имени, имеющему окончание на твердый согласный, формант фамилии присоединяется в форме -ов (Алымкул-Алымкулов), окончание на гласный звук или -и меняет форму суффикса на -ев (Муса - Мусаяев, Худайбарди - Худайбардиев, Орузбай - Орузбаев).

В период массового формирования фамилий имена со вторым компонентом ай^I оказались особенно многочисленными у казахов, поэтому у них так часты фамилии с окончанием -баяв. Кроме того, формант -ай образует в тюркских языках звательные формы имен.

Форма -ев следовала, кроме гласных, и за согласными -ш-, -ж-, -ч- в фамилиях всех рассматриваемых языков. Аби(ы)шев, Баишев, Ж(Дж)умаев, Корми(ы)шев, Мукашев, Тошев, Эргашев, Юлдашев, Сирожев, Карачев, Клычев (Киличев) и др.; особенно часты они у киргизов. Однако наряду с этим встречаем и Абышов, Аллашов, Гылышов, Мунышев, Молдашов, Эргашов - это, по-видимому, варианты не только написания, а и произношения (факт, ждущий внимания лингвистов Средней Азии).

И к тому времени старое лексическое значение этого компонента стерлось, он стал выражать очень абстрактное пожелание ребенку хорошей судьбы или даже превратился в служебный формант, означая лишь мужское имя.

Фамилии на -ов немногочисленны, но интересны фамилии на -уов (из личных имен с окончанием -у). В отобранных 6000 фамилиях встретилось 9 случаев, из них 6 — у казахов (Конжауов, Кёптедиуов, Телиуов и др.) из Гурьевской, Мангышлакской, Актюбинской областей и в Толькубасском районе Чимкентской области, 2 — у каракалпалков (Тлеуов — однофамильцы казахских Телиуовых; Алауов), 1 — у туркмен Красноводска (Танауов), но в этом случае этническая принадлежность неясна. Отмечены почти все они, кроме тьюкубасских, только на западе Средней Азии. Это наводит на мысль об историко-географической их особенности, но такой вывод требует специального исследования — материал слишком мал, а из 9 случаев две фамилии принадлежат механизаторам и одна партийному работнику — люди наиболее подвижные (занятия остальных неизвестны).

Вне огромной группы -ов, -ав (с -иев, -аев и др.), охватывающей у каждого из 6 рассмотренных народов от 97 до 99 процентов всех фамилий и частично сопутствующей ей группы -ин (только у казахов достигающей 3%), находятся лишь немногие разрозненные формы, даже вместе взятые, составляющие у таджиков 2% всех фамилий, у остальных 4 народов — меньше, чем по 1%. Среди этих форм: финальные -ы — казах. Караманулы, Кыдырбекулы, туркмен. Насырлы, Азеды, Ниязбарды и др.; ираноязычное финальное -и (продолжающее дофамильные средневековые именованья) — Айни, Лахути, сегодня Кадгори, Токири, Искоки, Пулоди; иранский компонент -зода, -заде (таджик. Сэмехзода, Шохзода, Ширифзода, в Узбекистане семья с таджик. фамилией Вализода, как в Киргизии Рахимзаде), наконец, базификсные, встречающиеся почти только у таджиков (Адхат, Киром, Хошим, Аскар, Сафар, Джалил, Ибод, Дониш, Содик) и узбеков (Матчоч, Рахим и др.). Интересно, что многие из них — псевдонимы поэтов, которые служат "цеховым знаком", связывая авторов с именами прославленных акынов — народных певцов.

Таковы сегодня формы фамилий у 6 крупных народов Средней Азии, составляющих сегодня больше 20 млн. чел. К сожалению, пока не закончен сбор материала по уйгурам; по предварительным данным у них много общего с описанной системой, очень близки к которой и фамилии народов Северного Кавказа.

Резко отличимы фамилии поздних пришельцев в Среднюю Азию с востока — дунган и корейцев. Дунганские фамилии Сушанло, Диншонло, Машонло; Болода, Быйлода, Вонлода; Бийлоэр, Вонлоэр, Динлоэр; Вонмаза, Хахаза, Шиваза, Гасызы, Давузы; Вулянчан, Лючин, Яншансин; Маахун, Саахун и др. В Средней Азии легко узнать по фамилии корейца — их фамилии однослоговы, чаще всего Цой (из корейского Чхве) и Ким.

ТОПОНИМИЯ

С.У.Умураков
(Фрунзе)

КИРГИЗСКАЯ ОРОНИМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ОРОНИМИЯ ТЯНЬ-ШАНЯ

В современной топонимии Киргизии большое место занимает оронимия, что вполне понятно для горной страны. Только наиболее известных горных хребтов, вершин и перевалов насчитывается в ней более 2070 [4]. В результате изучения топонимического материала и киргизской лексики показано обилие и разнообразие оронимической терминологии, особенно видовой и ее большая роль в образовании географических названий республики.

Топонимия Киргизстана формировалась в течение длительного исторического времени разноязычными народами. Поэтому она состоит из нескольких языковых пластов. К сожалению, о древней топонимии страны, ее развитии и эволюции, судить трудно. Она еще не изучена. По предварительным данным, древних географических названий на современной территории Киргизии сохранилось мало. Так, из 230 учтенных нами древних (до XIII в.н.э.) оронимов, гидронимов, ойконимов и урбаномов на современной карте страны отмечено 54, которые за многие века претерпели некоторые фонетические изменения. Наиболее древними из них являются Фергана, Талас, известные еще до VI в., Иссык-Куль^I, Барсхан (ныне Барскон), Бадал-Арт (ныне пер. Бадель) и др.

Современную оронимию Киргизской ССР образуют исключительно киргизские (в своей основе общетюркские) слова, с участием таджикско-иранских и монгольских элементов, а также русской лексики.

I Этот гидроним возник не позже VI-VII вв. Его этимологию связывают с киргизским *ысык* "горячий", что не соответствует географической реальности. Более логичным для объяснения происхождения названия представляется использование другого значения омонима *ысык* "связанный, жертвенный, почитаемый" [15]. В сообщении Ив. Абд. И. Иссык-Куль упомянут под названием Тяньчи ("Наполненное озеро"). [10 : 127].

Главная роль в формировании оронимов принадлежит местным географическим терминам, число которых по предварительным данным не менее 200. Однако наиболее продуктивной из них является примерно четвертая часть терминов, составляющая основной словарный фонд киргизской оронимии. В сочетании с определенными словами (прилагательными, существительными и др.) они образуют большинство названий форм рельефа. Определенную роль в местной оронимии играют и другие модели — однословные эллипсированные названия (Чат, Тепши, Торлу, Чар, Джал и др.), топонимы, образованные с помощью аффиксов (-лы, -ты, -лык, -лак, и др.).

Киргизская оронимическая терминология достаточно полно отражает большое разнообразие типов и форм рельефа Тянь-Шаня, особенно его морфоструктуру и морфоскульптуру. Для обозначения хребтов и гор служат чаще всего термины: тоо "гора, хребет", кырка тоо "горный хребет", белъ "поясница, талия; горный хребет; горный перевал"; джал "грива; горный гребень; горная гряда", саянир, сангир "гребень горы", дон "спина; спинной хребет", соор "круп", тёбё, тобе "макушка; вершина; гора"; морфоскульптур (возвышенностей, холмов и других низкогорных и предгорных форм) — адыр, термин с широким значением, обозначающий расчлененные холмисто-увалистые местности, низкие горы и др. Ср.: Отуз-Адыр, Донгуз-Адыр, Адыр-Тёр и т.д., дёбё "холм", дён, дёнг "возвышение; холм", дёнсё, дёнгоё "возвышенность", бёлтёк "комочек; бугор; холм", кыр "гребень; увал", кюдюр "бугор; бугристый; возвышенность", балас "отрог, мелкогорье", чыбыр "холмик; холмистый"; моюн, моюнча "шея; перешеек; отрог горы, хребта" и др.; глыбово-горстовых поднятий (преимущественно) разных гипсометрических уровней с выравненной поверхностью — сандык "сундук", укёк "сундучок", бешик "люлька", такта "доска; полка; трон", джелпак "плоский" и др.; перевалов — ашуу "горный перевал", белъ "поясница; талия; широкий, удобный горный перевал", арт "горный перевал", отмёк "горный проход", монгольские термины — дабан "горный перевал", эмаль "седло; широкий удобный горный перевал; седловина", таджикско-иранские — дёрё "горный проход; перевал", долон "гор-

ный проход", дарбаза "ворота; горный проход"; отрицательных форм рельефа (межгорных котловин и долин) преимущественно тектонического происхождения — ойдун "низменность; впадина; котловина", орён "долина", чункурчек "впадина; котловина; котловинный", кочкор от монг. хотгор — "лощина, впадина; вогнутый, прогнутый в середине" [2: 15-16] и др.; то же преимущественно эрозийного происхождения — айрык "расщелина; раздвоенный, раздранный; горная ложбина", дырык "дыра; дырявый; изрытый, джууку "теснина; тесное ущелье", джылга "ложбина, балка", кабак "рытина, впадина", колот "лог; узкая долина", кокту "лог, ложбина", кыбыт "ложбинка, небольшой овраг", сай "сухое русло; ложбина, балка", тапши "деревянное корыто; торговая долина", тёр "передняя часть юрты; верхняя часть горных долин; кар, цирк", капчыгай "горное ущелье, каньон", тадж.-иран. данги, танги "теснина, ущелье в горах" и др.; разнообразных оголенных форм горного рельефа (зазубренных вершин, пиков, "столбов", и др.) разной степени выветривания — чоку "вершина, пик", тарак "гребень", казык "кол, клин", эмчек "женская грудь" и др.

Приведем несколько слов о типологических терминах как оронимических, так и ландшафтных: ала тоо, ак тоо, кара тоо. Наиболее распространены и обычны в оронимии Средней Азии и Казахстана названия гор с терминами ак тоо и кара тоо, в переводе с тюркского соответственно "белая гора" и "черная гора". Чаще всего они представляют собой собственные названия низких гор, расположенных преимущественно в предгорных частях крупных горных систем. Если типологический термин ак тоо, как правило, связан с цветовыми оттенками орографического объекта (например, в высокогорье ак тоо — обязательно снеговые горы, в низкогорье обусловлен цветом слагающих пород), то в отношении термина кара тоо этого сказать нельзя. Это преимущественно ландшафтный термин. Кара тоо (каратуу) — это низкие бесснежные горы, чаще всего с оголенными пустынными ландшафтами, типа бедленд. Последний термин имеет меткий киргизский синоним чёл, который участвует в образовании оронимов (например, чап, Боз-Чап, Кёк-Ала-Чап и др.).

Такую же оронимическо-ландшафтную нагрузку несет и другой типологический термин — ала тоо "пестрые горы". В литературе принято считать, что топонимы с этим термином (например, Киргизский Ала-Тоо, Кунгей Ала-Тоо и др.) прежде всего показывают разнообразие, пестроту ландшафтов объекта, хребта.

Не исключая возможность такой трактовки этого термина, вместе с тем надо иметь в виду, другое значение слова ад — ала "высокий; большой; великий" [2 : 10—11], которое сохранилось в некоторых тюркских языках. Есть основание думать, что первоначально эти хребты назывались Ал-Тай, Ал-Тай и означали "высокие горы". И только позже, в процессе дальнейшего фонетического и морфологического развития языка, первоначальный ад "высокий" превратился в ала со значением "пестров". Произошло морфологическое изменение и смысловой сдвиг термина; утрачено первоначальное значение слова. Реликтом прежней топонимической модели остался Алтай (ср.: Тарбагатай, Хантай и др.). Его этимологически производят от тюркско-монгольского алтын, алтан "золото", "золотой" и переводят на русский язык "Золотые горы", правильное — "Высокие горы": ад "высокий", тай "горы, хребет" (так и на современном алтайском языке), на что уже обратил внимание Э.М. Мурзаев [12 : 9; 13 : 37].

Названия орографическим объектам Киргизии, как и везде, даны в зависимости от различных особенностей рельефа и общей географической обстановки местности, региона. Поэтому киргизские оронимы несут разнообразную смысловую нагрузку и указывают на ориентировку, направление орографического объекта (например, хр. Кунгей Ала-Тоо, хр. Тарский Ала Тундук-Төр и др.), на его положение и форму (хребты Орток-Тоо, Тагерак, Бёлтөк и др.), обилие в нем чего-либо (хребты Таректи, Эчкили, гора Снежная и др.), наличие месторождений полезных ископаемых, руд (хребты Кюмүштөк, горы Борду, Шамшакал, Сымап, Нылды и др.) и т.д.

В топонимии Киргизии, как и других районов мира, в течение длительного времени отсутствовали обобщающие названия для горных систем, хребтов или для отдельных их частей. В силу специфических социально-экономических условий своего времени, мест-

ное население обходилось без этих родовых названий, пользовалось видовой, преимущественно микротопонимией. Современные оронимические категории высших рангов (Ферганский хр., Заалайский хр., Туркестанский хр. и др.) возникли искусственно, начиная с середины XIX в., в период систематических географических исследований, топографо-геодезических работ и картографирования страны. В ходе этих работ, продолженных в советское время, были локализованы, упорядочены и оформлены многие географические названия Тянь-Шаня, показано их распределение, дана русская транскрипция топонимов.

Местному населению эти родовые оронимы стали известны в основном за последние 50-100 лет через печать, радио, книгу и газету. Правда, не все эти названия даны удачно (например, хр. Заалайский, хр. Коллекторский и др.). Некоторые из них из-за языковых барьеров во время съемок получили случайные, а порою курьезные названия. Таковы оронимы Туманьяк ("Туманная сторона"), Турамыс ("Стоим"), Тоудо ("На горе") и т.д. Еще больше погрешностей было допущено при написании топонимов (например, Патер-Бишик вместо Балтыр-Бешик, Ичкеке вместо Эчкили и др.). К сожалению, подобного рода искажения местных названий еще до конца не устранены.

Не всегда ясна и известна этимология многих разноязычных оронимов, возникших в разное время. О значении важнейшего оронимического термина ала тоо сказано выше. Много написано о происхождении топонима Тянь-Шань. В литературе [13, 21 и др.] уже указывалось, что это китайское географическое название является калькой исконно монголо-тюркского оронима Тенгри-Таг "Небесная гора". В древности под названием Тянь-Шаня была известна восточная часть горной системы, лежащая за 88° Гринвичского меридиана, т.е. хр. Богдо-Ола и Баракульские горы [1, 6, 8, 13, 18, 26]. Западная же (Киргизская) часть Тянь-Шаня вплоть до начала XIX в. не имела обобщающего названия, хотя в литературе [1, 5, 13, 18, 28 и др.] для разных ее частей приводились разные наименования (Цунлин, Музартские горы, горы Алатау, хр. Тарак-Таг, горы Алак и др.). Ороним Тянь-Шань нет на картах европейских знато-

ков географии Средней и Центральной Азии XVIII в. Ж.Б.д'Анвиля (1737 г.), И.Г.Рената (1738 г., имеется в виду "калмыцкая" карта Джунгарии), Ф.И.Штраленберга (1730 г.), И.М.Хазы (1739 г.), русских путешественников И.С.Унковского (1724 г.) и И.И.Исленьева (1777 г.), в работах И.П.Фалька (1785 г.), И.Г.Андреева (1785, 1795-1796 гг.) и др. Даже в китайских источниках до XVIII в. включительно ("Цяньханьшу", "Таншу", "Дайцинитунчжи", "Сикювэньцзянь-лу", Циньдинхуаньъюсийтучжи" и др.), известных по переводам на русский и западно-европейские языки, топоним Небесные горы, как и его синонимы Белые горы, Северные горы и др., для территории Киргизии почти не упоминаются.

В пределах Киргизского Тянь-Шаня и Памира встречается свыше 70 видов дикого горного лука. Поэтому географические названия, связанные с этим растением, обычны для горной Средней Азии (оронимы Кобургсити, Сарымсакры, Миязды, Согонду и др.). Отсюда и китайское заимствование местного топонима.

На киргизскую часть горной страны ороним Тянь-Шань был распространен в I половине XIX в. благодаря трудам Клапрота, Риттера, Гумбольдта и др. В русской литературе это название для территории Киргизии одним из первых употребил в 1832 г. А.И.Левшин.

Л и т е р а т у р а

1. Б и ч у р и н Н.А. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I-III.-М.-Л., 1950, 1953.
2. И с а е в Д. Топонимика Северной Киргизии (Автореф.). - Фрунзе, 1972.
3. И с а е в Д. [и др.]. Рельеф Киргизии. - Фрунзе, 1964.
4. И с а е в Д. [и др.]. Словарь географических названий Киргизии (проект). - Фрунзе, 1962.
5. И с л е н ь е в И. Карта Иртыша южной части Сибирской губернии, протекающей в бывших заводских калмыцких владений. - СПб., 1777.
6. К ю н е р Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. - М., 1961.

7. Д а в ш и н А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. I-III. - СПб., 1832.
8. Л у н и н Б.А. О происхождении и распространении географического названия Тянь-Шань/ Изв. АН СССР, серия геогр., № 2, 1959.
9. М а к ш е в А.И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 гг./ Зап. РГО по общей геогр., т. XI, 1888.
10. Материалы по истории орену (по китайским источникам), вып. II.- М., 1973.
11. М у р з а е в Э.М. К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня/ Изв. ВГО, т. 72, вып. 3, 1940.
12. М у р з а е в Э.М. К познанию топонимики Монголии. - В кн.: Топонимика, вып. I, 1967.
13. М у р з а е в Э.М. Оронимия Внутренней Азии. - В кн.: Оронимика. - М., 1969.
14. М у р з а е в Э.М. Задачи топонимического изучения Средней Азии/ Изв. Кирг. геогр. об-ва, вып. 8, 1970.
15. М у р з а е в Э.М., У н у р з а к о в С. Гидронимы Иссык-Куль и Байкал/ Изв. АН СССР, серия геогр., вып. 6. 1974.
16. М у р з а е в Э. и В. Словарь местных географических терминов. - М., 1959.
17. О р у з б а е в а Б.О. Словообразование в киргизском языке. - Фрунзе, 1964.
18. У н у р з а к о в С.У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. - Фрунзе, 1959.
19. У н у р з а к о в С.У. Оронимия Киргизии. - В кн.: Структурная геоморфология горных стран. - Фрунзе, 1973.
20. Ю д а х и н К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.
21. Х а с е н о в Х.Х. Урта Осиё жой номлари тарихидан.-Тошкент, 1965.
22. Anville J.B.d' *Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie chinoise...* La Haye, 1737.
23. Humboldt A. *Fragmente einer Geologie und Klimatologie Asiens.* Bd.I. Berlin, 1832.

24. Humboldt A. Asie Centrale. T. I-III. Paris, 1843.
25. Julien S. Eclaircissements sur la Chaîne du Thian-Chan, d'après les textes chinois. В кн.: Humboldt A. Asie Centrale. T. II. Paris, 1843.
26. Julien S. Notices sur le pays et les peuples étrangers, tirées des géographes et des historiens chinois. "Journal Asiatique", ser. IV, t. 8. Août-Septembre. Paris, 1846.
27. Klaproth M. J. Carte de l'Asie Centrale. Paris, 1833.
28. Strahlenberg Ph. Nova Descriptio Geographica Tatariae Magnaetam... Stockholm, 1730.

С. Атаниязов
(Ашхабад)

К ТОПОНИМИИ КАРАКУМОВ

Каракумы (по-туркменски Гарагум "черные пески") - одна из величайших песчаных пустынь мира, самая большая в СССР, занимает огромную территорию Туркменистана. В трудах древних ученых и путешественников находим иррачные описания природы Каракумов и тяжелой жизни пустынных обитателей. Так, английский путешественник А. Бёрнс писал: "Другие пустыни ничтожны по сравнению с этим беспредельным океаном песков. Я не представляю себе зрелища более ужасного, чем эта пустыня" [4 : 5]. Подобные описания, встречающиеся даже в работах пред- и послереволюционных авторов, у несведущих людей создали впечатление, что Каракумы - это однообразная, суровая, страшная, даже безжизненная пустыня. Вследствие этого многие авторы переводили названия Каракумов как "злые пески", "иррачные пески". Тем не менее Каракумы были родиной предков туркмен, они "с древнейших времен играют важную роль в

хозяйстве и формировании социально-культурного уклада населения края. Туркменский народ в своей деятельности всегда связан с пустыней. Вопреки ее тяжелым природным условиям строили в пустыне колодцы, выпасали скот, заготавливали топливо, орошали землю" [12 : 3]. Пустыня не раз оберегала население от набегов и нашествий чужеземных захватчиков.

Нелегкая жизнь в пустыне заставила жителей детально изучить ее природные ресурсы, рельеф, растительный и животный мир. Гумлы "жители пустынь" строго дифференцировали различные типы песков, колодцев, такиров, бугров, впадин и называли их по характерным особенностям, что привело к тонкому усвоению специфики пустыни и разработка ее богатой терминологии. Например, если для несведущих людей слово гумлы означает только "колодец", то для гумлы оно видовое, собирательное название различных типов колодцев. Каждый тип имеет свои особенности и свои названия. Так, акгумлы ("белый колодец", т.е. колодец, вырытый в белых песках - барханах) роется в сыпучих песках, где отсутствуют пресные, грунтовые воды и такыры. Вода в них собирается за счет конденсации в песках водяных паров, образующихся в результате быстрого остывания раскаленных песков в ночное время, а также инфильтрационных процессов. Вода в акгумлы пресная [8 : 23].

Голы (го:л "впадина", ажи "горький", "соленый") также является одним из типов колодца, вырытого в крупных бастакырных котловинах, где преобладают грунтовые соленые воды.

Дамла (от слова дамык "копать") тип колодца, где вода просачивается каплями через каменистый грунт.

Самым интересным, вызывающим восхищение, типом колодцев является чыргатумлы (от слова чырдамак "журчать"), которые роются в одиночку или группами на краю углубления такыра, куда стекают атмосферные осадки. Набираемая или фильтруемая дождевая вода отталкивает соленую воду колодца вглубь и вширь, образуя, таким образом, линзу пресной воды над горькосоленой. Этот древний народный способ опреснения соленой воды, используемый и в настоящее время, свидетельствует о развитой гидроинженерной мысли древних обитателей пустыни.

Колодцы различаются и по вкусовым качествам воды. Например, колодцы с пресной водой называют Балгуи "медовый колодец", Суйжугуи "сладкий колодец"; с солоноватой, малопригодной для питья — Ёгынгуи, Галынгуи букв. "толстый" т.е. солоноватый колодец", с соленой — Шоргуи "соленый колодец", а с горько-соленой — Ажыгуи "горький колодец".

Кроме десятков тысяч колодцев, служащих основным источником водоснабжения в пустыне, имеются и другие типы гидросооружений, в той или иной мере помогающие сбору и сохранению атмосферных осадков. Это гуйме, гуйтак, как, сардаба и др. Из них сардаба (крытое водохранилище) является капитальным кирпичным сооружением с куполом, а все остальные — примитивные естественные и искусственные ямы и понижения на такырах.

Детальной дифференциации подверглись и все другие виды пустынного ландшафта и рельефа, соответствующая терминология которых богато представлена в топонимии края.

Каракумы изобилуют и топонимами, ибо каждый участок пустыни, каждая урочище, колодцы, солончаки, дороги, даже заметные бугры и "крупные казры имеют свое название, как любая река, гора или иной географический объект" [12 : 70]. По этому поводу в отчете Гизалдыязова о посольстве из Ирана в Хорезм в 1851 г. читаем: "Каждую часть туркмены называют каким-нибудь именем, и колодцы с пресной водой, везде, где они находятся, знают сами туркмены" [7 : 284].

Большое количество пустынных объектов названо именами бывших владельцев, строителей колодцев и первопоселенцев. Таковы, например, топонимы Гараметныйяз, Худайберди, Бегенжалтыр, Эрсарыбаба, Мурзачирля и др.

Широко представлены и родовые и племенные названия туркмен в топонимии края. Например: Атагуи "колодец атинцев", Гекленгуи, Бокурдак (на картах: Бахардок), Шых, Казы, Часкак, Турвергыр и др.

Самую большую группу в топонимии Каракумов составляют те слова, которые указывают на характерную особенность рельефа местности (Гызылга "красная скала", Дарвезе "ворота", Топчубе

"группа холмов, равнина, пески"), на обилие того или иного вида растений (Селинли, Ожарлы, Сазаклы, Петдели, Черкезли, Синренли, Ядаклы, Селмели, Тектек; о русских и латинских названиях этих растений см. в) [3 : 250-252] , различных животных (Кейикли - кейик "жейран", -ли - аффикс наличия, Гуланлы "кулан", Йиланлы - йилан "змея", Кирпили - кирпи "ёж") и др.

Топонимия Каракумов по своей структуре аналогична с названиями остальной части республики. Отметим только, что иноязычная лексика в пустынной топонимии представлена не столь значительно.

Несколько слов о названии самих Каракумов. Местное население не знало общего, повсеместно единого имени пустыни, заменяя его апеллятивами рум, чел "пустыня", "пески". Даже в произведениях туркменских поэтов-классиков мы не встречаем общего названия Каракумов, хотя они неоднократно воспевали их природу. К примеру, поэт Сейди (XIXв.) пишет:

Когда весеннею порою выйдем на прогулку, -

Бесконечны дороги у тебя, пустыня.

Когда ульемся наслаждением и достигнем цели своих желаний, -

Багровые тюльпаны пылают у тебя, пустыня.

(Здесь вместо Каракумы употреблено слово чел "пустыня").

Хотя единое название у пустыни (как и других крупных географических объектов Туркменистана) отсутствуют, она изобилует локальными топонимами: отдельные участки Каракумов именовались по-разному, каждый народ (или племя) называл ее по-своему. Так, используя данные древних авторов, Х.Х.Хасанов установил 11 названий Каракумов: Едичеге или Хафтраг "семь песков", "Дешти-Хорезм "Хорезмская пустыня", Гуз(огуз) чели "огузская степь," Туркмен чели "Туркменская степь", Амул чели, Мерв чели, Сарахо чели, Хорасан чели, Туркустан чели и т.д. [13 : 9] . Крупный исследователь Каракумов акад. В.А.Обручев, чьим именем названа часть Восточных Каракумов, также отмечает несколько подобных названий: Кум-аттага, Оджарли-кум, Бурноджар-кум, Черкезли-кум, Сундукли-кум, Муян-кум, Кизил-кум, Абдулрахман-кум и т.п. [10:118].

Все эти названия — локальные топонимы пустыни, перенесенные различными авторами на всю ее территорию.

Современное название пустыни возникло сравнительно недавно, хотя слово гарагум, как и акгум "белые пески", было известно еще древним туркам III в. [1 : 344]. Туркмены словом гарагум называют пески, покрытые растительностью, саксаулом, а чистые, незаросшие пески, овеваемые ветром, — это акгум [5 : 7]. В некоторых местах барханы называются и словом гызылгум "красные пески" (название Кызылкумы возникло именно из этого термина). Действительно, чередующиеся каракумы и аккумы резко отличаются по своему цвету издали, и, особенно, с борта самолета: каракумы кажутся темными на фоне барханов [4 : 4]. Поэтому нельзя согласиться с тезисами, отрицающими цветовую сущность слов ак и кара в турецкой топонимии [6]. Как показали наши наблюдения, прилагательные, означающие цвет, в топонимии Туркменистана употребляются главным образом в своих исконных значениях.

Ландшафтные термины акгум, гарагум, гызылгум часто встречаются и как названия отдельных участков пустыни. Так, топоним Гарагум повторяется в различных участках пустыни около 20 раз. Название одного из этих Каракумов было распространено русскими исследователями прошлого столетия как общее название всей территории пустыни (более подробно о значении названия Каракумы см.) [2 : 9].

Туркменская пословица гласит: "Гумум бар — хумум бар" — дословно "есть у меня пустыня — есть у меня клад" (хум "большой кувшин с сокровищами"). Действительно, Каракумы в советское время превратились в настоящую кладовую природных богатств: нефти и газа, химического сырья и стройматериалов. Здесь круглый год пасутся миллионы овец и верблюдов, обеспечивая страну каракумом, шерстью, мясом, молоком. Проведение самого большого в мире каракумского канала им. В.И.Ленина превратило пустыню и в край земледелия. Сейчас здесь выращивают ценные сорта хлопчатника, бахчевых культур и овощей.

Топонимия пустыни, являясь ее своеобразной летописью, помогает понять еще не известные стороны природы и историю края,

внимательное изучение которых в какой-то мере поможет в комплексном освоении Каракумов.

Л и т е р а т у р а

1. А и д а р о в Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности УШ века. - Алма-Ата, 1971.
2. А т а н и я з о в С. Туркменистанын топонимик саялуи. - Ашгабат, 1970.
3. Б а б а е в А.Г. Оазисные пески Туркменистана и пути их освоения. - Ашхабад, 1973.
4. Б а б а е в А.Г. Пустыня Кара-Кумы. - Ашхабад, 1963.
5. К е р б а б а е в Б. Три кита семилетки Туркмении /Дружба народов, 1961, № 5.
6. К о н к а ш п а е в Г.К. Цветовые слова в тюркских топонимах. - В кн.: Географические науки. - Алма-Ата, 1969.
7. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II. - М.-Л., 1938.
8. М у р з а е в ы Э. и В. Словарь местных географических терминов. - М., 1959.
9. М у р з а е в Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974.
10. О б р у ч е в В.А. Средняя Азия/ Избр. работы по географии Азии, т. I. - М., 1951.
11. С е и д и. Сайлланан эсерлер. - Ашгабат, 1958.
12. Ф р е й к и н З.Г. Гостеприимные Кара-Кумы. - Ашхабад, 1974.
13. Х а с а н о в Х. Урта Осиё жой номлари тарихидан. - Тошкент, 1965.

С. К. Кареев
(Ташкент)

ДРЕВНИЕ ТОПОНИМЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В СОГДИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ С ГОРЫ МУГ

В тридцатые годы иранское языкознание и истории Средней Азии неожиданно обогатились исключительным по научному значению материалом, найденным на горе Муг-Кала-и Муг (Таджикская ССР). Это был первый случай находки согдийской рукописи в СССР на территории собственно Согдианы, в то время как все находки согдийских рукописей до этого были сделаны в согдийских колониях в Китае.

На горе Муг найдено 97 согдийских документов на бумаге, коже и дереве (палки).

Рукописные документы относятся к первой четверти VIII в., ко времени завоевания Средней Азии арабами. Значительное число этих текстов связано с именем Даваштича, правителя Панджикента, казненного арабами в 722 или 723 г.; остальные из найденных согдийских документов принадлежат архивам других лиц.

Мугские письма содержат сведения, характеризующие политическую и военную обстановку в Согде и в соседних районах в период между 711 и 722 гг. н.э. Документы позволяют также представить в основных чертах картину общественного строя и экономической жизни Согды в этот период.

Состав мугской коллекции по содержанию документов оказался разнообразным: переписка дахкан между собой и с арабами, хозяйственные и, наконец, юридические документы.

Несмотря на то, что мугские документы были одними из наиболее трудных для интерпретации согдийских текстов, советским иранистам А.А. Фрейману, В.А. Лившицу, М.Н. Боголюбову и О.И. Смирновой удалось прочесть, перевести, прокомментировать и издать их серией "Согдийские документы с горы Муг" [8, 9, 10].

"Мугские документы, — писала О.И. Смирнова, — по своему разнообразию являются уникальным источником не только для вос-

становления ряда моментов политической истории Согда, но и для суждения о других сторонах его жизни. Так, хозяйственные документы позволяют впервые составить реальное представление о социально-экономической жизни Согда, его хозяйстве, административном устройстве, концеляриях, формах учета, т.е. о той стороне внутренней жизни края, с которой мы были почти не знакомы. Кроме того, именно в хозяйственных документах оказался, что естественно, зафиксированным ряд терминов, в том числе социального порядка, значения которых до сих пор не удавалось установить. Наконец, мугские документы явились тем источником, на основании которого автору настоящей работы удалось восстановить основную топонимику верховий Заравшана [6 : 60], "и тем самым заполнить одно из белых пятен на карте раннесредневековой Средней Азии" [7 : 62].

Таким образом, в мугских документах упомянуто большое число географических названий, которые мы и выбрали объектом наших исследований^I.

Все топонимические названия приведены издателями в международной согдийской транскрипции, большинство которых ими же локализовано, идентифицировано. Многие из этих топонимов повторяются в связи с теми или иными событиями по несколько раз.

Как выяснилось, часть документов составлена непосредственно в Панджикенте (Бунджикент арабских географов), другие — в Паргаре (современный Фальгар, он же Бургар арабских географов), горной области в верховьях р. Зарафшан. Именно поэтому больше всех повторяются названия селений этого горного района: Анаоб, Варз, Вашист, Вишан, Дарх, Зароватк, Искодар, Кум, Кштут, Магиан, Мадм, Мадрушкат, Маргузар, Пахут, Фальмут, Фатмав, Хшикат, Шавкат; все эти селения существуют и ныне или существовали до недавнего времени.

В документах встречается также средневековое общее название районов современного Фальгара (Пальгар у Бабуря), а именно

^I Встречающиеся в документах собственные имена и титулы тоже должны заинтересовать ученых как ценный источник согдийской антропонимии.

Паргар (по удачной этимологии О.И.Смирновой — "нагорье"), а также название области в целом Буттаман (Буттам арабских источников, Бут(а)ман в "Худуд ал-Алеме") — горной области между Чатганианом и Уструшаной.

Что касается района Панджикента, то кроме названия области Пандж (Панч) и ее главного города Панджикента, упоминается селение Фармитан между р. Матван-Дарьей и Панджикентом в некоторые другие названия, местоположения которых пока не удалось установить.

Широка география мугских документов. Начнем с того, что авторы чаще всех повторяют Панджикент и Самарканд (Смараканс). Согласно согдийским документам, Деваштич, владетель Панджикента, носивший титул князя, в связи с ростом значения своих владений получает титул афшина (господина) Панча. Он же с 720 или 721 г. не менее двух лет носит титул афшина Самарканда, царя Согда.

Географические названия собственно Согдианы, обнимавшей собою бассейны Зарафшана и Кашка-Дарьи, по повторяемости занимают второе место после Буттама: кроме таких широко известных географических названий этого региона, как Бухара, Самарканд, Согд, Каш, Уструшана, здесь мы можем отметить такие топонимы, как местность Пардан (Шавдарский туман), селение Рамуш (окрестности Бухары), селение Хахсар (окрестности Самарканда, рустак Даргам), округ Руст (окрестности Самарканда), Крут (название селения и реки — приток Верхнего Зарафшана), селение Урметан и т.д.

Из географических объектов Мавераннахра, расположенных за пределами собственно Согдианы, нашедших свое отражение в мугских документах, можно отметить следующие: Фергана, Ахсикат — известный средневековый город в северной Фергане, на р. Сыр-Дарья; Чач, Хутталъ, Шавкат — рустак и город в северной Уструшане, важный пункт на пути из Самарканда в Ходжент, Канд (Канд арабских географов, позднесредневековый Канд-и Бадам, современный Канибадам); Тарбанд — Отрар соответствует часто упоминаемому в географической литературе Фарабу (город и область по среднему течению Сыр-Дарьи).

Интересно отметить, что Б.А.Лившиц при издании юридических документов встречающееся в документе А-9 слово кучант считал

относительным прилагательным от названия города Кучи Центральной Азии и перевал как "кучинцы" [8 : 96-97]. О.И.Смирнова, пересмотрев перевод, считает кучант согдийским вариантом "названия города Ходжанда (Худжанда), последнего убежища согдийцев, бежавших в 721 г. от арабов в Фергану и перебитых там ими" [7 : 16]. Из других названий за пределами Мавераннахра в документах встречаются: Чин (Китай), Навекат букв. "Новгород" - г. в Семиречье, на правом берегу р. Чу, важный укрепленный пункт и торговый центр, Шам (Сирия).

В мугских документах упомянуто около 70 топонимов. Часть этих топонимов восстановлена издателями из относительных прилагательных от названий мест, например, иструшанк - уструшанский (Уструшана), фрганк - Ферганский (Фаргана), куштутк - киштутский (Киштут) и т.д., а также из названий жителей, например, кушеник - кушанец, житель города Кушания (Каттакурган); паргарч - паргарец, паргарский; шацчик: сириец (Шам - Сирия), кешинк - кешенец, житель города Каш и т.д.

Как видно, топонимов в документах не так уж много. Однако это небольшое число топонимов, созданных почти 13 веков тому назад, многое подсказывает по наблюдению словообразования, этимологии иранских топонимов вообще.

Мугские документы дали возможность ученым пересмотреть некоторые ранее бытовавшие точки зрения относительно происхождения географических наименований.

В.В.Бартольд, В.Томашек и другие считали, что название Бухара происходит от санскритского вихара "монастырь" и в доказательство приводились названия Наубехарских ворот в Бухаре и Самарканде, а также храма Наубехар и некоторых других мест в окрестностях Балха. В.А.Лившиц и другие сомневаются в такой этимологии названия города Бухары и считают, что санскритское вихара не могло давать в согдийском Пухар [3 : 150-163].

Отметим, что название города таджикоязычным населением произносится как Бухоро, а в литературном узбекском языке - Бухара; однако в диалектах произносят его как Бухар, Бухара, Пукара, даже Пукар, что очень напоминает согдийскую форму документов с горы Муг.

О происхождении названия Фергана В.А.Лившиц писал: "Написание Фрганк в мугских текстах указывает на то, что древняя форма названия области имела вид Фар(а)гана или Фрагана. Наредко встречающееся в исторической литературе сопоставление названия Фергана с париканиями (Геродот) должно быть, таким образом, отвергнуто. Древне-иранское парикана не могло отразиться в согдийском как Фрган" [8 : 85]. В живой речи ныне произносится не Фергана, а Паргана.

В составе топонимов Средней Азии очень широко представлены такие компоненты, как кат, кат, кент, канд и другие, принадлежность которых к согдийскому языку не оспаривалась. Однако мугские документы позволили решить этот вопрос по-новому. После их изучения В.А.Лившиц смог утверждать, что все эти формы являются, по всей вероятности, вариантами одного слова, которое могло обозначать и "дом" и "селение" [8 : 49].

В топонимах Урметан "Широкая обитель" (Согдийские документы, вып. II, с. 163), Фраметан, позднейший Фармитан (Согдийские документы, вып. II, с. 184) ясно выделяется компонент митан. Ныне топонимов с этой тополексемой в Узбекистане, особенно на территории Зарафшанского оазиса, очень много. "Этот компонент восходит к иранскому маехана жилище, дом, закономерно давшее в новопарсидском махан — родина (синоним арабск. ватан, согд. месан — жилище, дом)" [6 : 60].

Л.С.Толстова топонимы на -митан связывает с этнонимом митан (племя зарафшанских узбеков), мийтан (племя хорезмских каракалпаков), восходящим, в свою очередь, к названию древнего государства Митании, существовавшего в Месопотамии в XVI-XIII вв. до н.э. Как мы уже писали [II], часть топонимов с этим компонентом, особенно без каких-либо суффиксов и префиксов, конечно, является отражением этнонима митан, а часть — согдийского термина митан, имеющего значение "селения" [5 : 138], а также "укрепления, крепость" [I : 25].

В процессе исследования лингвистических материалов мугских документов становится ясным происхождение таких топонимов, как Искондар, Искандаркуль (искотар — "верхнележащее"), Шавкат

(город с таким названием был в северной Уструшане и в Илаке), Шавдар (горы, арык, темень вблизи Самарканда), Шавгар (название гор, возможно, Каратау и двух средневековых городов в Южном Казахстане): шав "черный", кат "город", дар "сланец", гар "горы"¹, Иштихан (средневековый город, ныне селение, и арык) "восьмиарычный" [7 : 62].

Мугские тексты оказались тем первоисточником, используя который удалось восстановить наиболее правильные формы написания географических названий. Так, сочетание иструшанк дало В.А.Лившицу право заявить, что из многочисленных вариантов написания названия области, расположенной между Самаркандом и Ходжендом, приводимых в арабских и персидских источниках (Истравшан, Осрушана, Осрушна, Сутрушана, Усрушана, Устараушан, Уструшана, Сутрушана), наиболее близким к реальному произношению УШ в. является написание Иструшана [8 : 87].

Форма Буттаман в документе А-9 позволяет отдать предпочтение [8 : 94, 102] начертанию названия этой горной области между Чаганианом (нынешней Сурхандарьинской долиной) и Уструшной в виде Бут(а) ман, приведенного в "Худуд ал-Аламе" (гл.236-25а) перед вязью Буттам арабских географов (например, Мукаддаси, БАГ, Ш, с. 265-266; Истахри, БАГ-1, 328, Ибн Хордадбах, БАГ, У1, с. 40).

Необходимо остановиться на следующих двух моментах.

1. В документе А-14 отмечено слово чигирчик. В.А.Лившиц, переводя его как "нижний" (Согдийские документы, вып. П, с. 79- в "Глоссарии" ошибочно: "верхний" - с. 198), в комментарии пишет: речь идет об известиях о районах, лежащих к югу от Чача (ср., быть может, Чирчик - согдийское название реки Чирчик). Не делая далеко идущих выводов, отметим, что в киргизском героическом эпосе "Манас" река Чирчик упоминается как Чыйырчик [4]. Киргизское чыйырчик означает "скворец", узбеки эту птицу называют чугурчук. Удивительное совпадение с этим согдийским словом, пока-

¹ Интерпретация этимологии топонимов Шавдар (Шоудор), Шавгар (Шоугар) сделана А.Л.Хромовым [11 : 20].

луй, только звуковое. Если это действительно название реки, то для топонимики ценно, что Чирчик с нынешним названием упомянут не с XV в., как утверждалось до сих пор, а с VII в.

2. Встречающаяся в документе А-18 название местности или селения Зарул или Зарнуп "золотая вода", "золотоводный", по словам издателей, может оказаться согдийским названием реки Зарафшан [9 : 20, 69, 109].

Независимо от того, подтвердится или нет предположения издателей по поводу происхождения названия этих двух рек, большинство упомянутых в документах топонимов на 3-4 столетия расширяет хронологическую рамку первичной фиксации, которая была ограничена до этого в основном арабско-персидскими источниками.

О.И.Смирнова, на основании мугских документов, восстанавливая основную топонимию верховий Зарафшана и тем самым заполнив одно из белых пятен на карте раннесредневековой Средней Азии, отметила "почти полное отсутствие тюркского слоя ... для районов Самарканда. Явление это закономерно. Районы верховий Зарафшана до настоящего времени почти не подвергались влиянию тюркоязычных народов, благодаря чему в их топонимике в подавляющем большинстве случаев сохранились до наших дней старинные названия" [6 : 65].

Позже М.Н.Боголюбову и О.И.Смирновой удалось в мугских документах обнаружить тюркские топонимы Алмалык "Яблочный" и Сары "желтый" [9:101, 107]. А.Л.Хромов отмечает наличие тюркских топонимов в центре Ягноба, родины новосогдийского (ягнобского) языка [12 : 78-81]. По его наблюдению, "тюркские топонимы в незначительном количестве разбросаны по всему верхнему Зеравшану и Ягнобу" [11 : 20].

Можно отметить некоторые звуковые особенности согдийского языка по данным мугских документов. В согдийских словах широко распространен проточный авонкий согласный г. Этот звук участвует и в составе значительного числа согдийских топонимов: Паргар, Дарг, Марг, Маргузар, Гарм и т.д. Таджикское слово гарм "горячее" образует немало топонимов на территории Таджикской ССР: Оби Гарм, Гармчама и т.д. Особняком стоит название города Гарм с тем же

значением, но сохранившее согдийский облик (с проточным звонким согласным *г*).

Такое звуковое своеобразие нашло отражение и в географических названиях: Хахсар "начало источника" звучало как (Гагсар), Хутталь (Гуттуристан) и т.д.

Мы считаем, что согдийские звуковые отличия помогут найти характерные для этого языка топонимы.

Сокращения

БАГ – Библиотека арабских географов.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

СКСО – Справочная книжка Самаркандской области.

СТАЭ – Согдийско-Таджикской археологической экспедиции.

Л и т е р а т у р а

1. В я т к и н В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. – СКСО, вып. УП, 1902.
2. К а р а в е в С. О чем рассказывают географические названия (на узбекском языке). – Ташкент, 1970.
3. Л и в ш и ц В.А., Ка у ф м а н К.В., Д љ а к о н о в И.М. О древней согдийской письменности Бухары, ВДИ, 1954, № I.
4. М а н а с, ч. I. – Фрунзе, 1958.
5. Народы Средней Азии и Казахстана, I. – М., 1962.
6. С м и р н о в а О.И. Вопросы исторической топографии и топонимики Верхнего Зарафшана/ Тр. СТАЭ, т. I, – М.-Л., 1950 (МИА, № 15).
7. С м и р н о в а О.И. Очерки из истории Согде. – М., 1970.
8. Согдийские документы с горы Муг, вып. П. Юридические документы и письма/ чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. – М., 1962.
9. Согдийские документы с горы Муг, вып. Ш. Хозяйственные документы/ Чтение, перевод и комментарии М.Н.Боголюбова и О.И.Смирновой. – М., 1962.
10. Ф р а й м а н А.А. Описание, публикации и исследования документов с горы Муг. – М., 1962; Согдийские документы с горы Муг, вып. I.

11. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана, вып. I. — Душанбе, 1975.
12. Хромов А.Л. Тюркские названия в микротопонимии Ягноба/ Изв. отд. общ. наук АН Тадж. ССР, 1967, № 3.

К.И.Петров
(Фрунзе)

ТЮРКСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЭТНОТОПОНИМЫ
ОТ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО СЕМЬ
(К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТОПОНИМА ДЖЕТИ-СУУ — СЕМИРЕЧЬЕ)

Число семь имело сакрально-обрядовое значение у народов Евразии, Аравии и за их пределами с отдаленных времен. Не касаясь сложных проблем происхождения этого феномена, мы обращаем внимания на широкое распространение у тюркоязычных народов этнонимов и топонимов от этого числительного с расшифровкой их некоторых форм и соответствующими комментариями.

Сакрально-обрядовое значение числительного семь зарегистрировано уже в древнетюркской письменности. В частности, в надписи на памятнике Уш в. н.э. Киль-Тагину говорится, что он умер якобы в семнадцатый день, в возрасте сорока семи лет; похоронен был на двадцать седьмой день и памятник ему освятили в двадцать седьмой день седьмого месяца [17 : 43].* В сообщаемой там же легенде о возрождении тюркского государства при катане Ильтерисе указывается: сначала с ним было семнадцать мужей; примкнувшие к ним составили семьдесят мужей; при устроении государства войска собралось семьсот мужей. Если обрядовые даты, относящиеся к Киль-Тагину, можно полагать достоверными (кроме смерти "случайно" в семнадцатый день: может быть, в добрый — хороший — светлый

* Семикратный объезд юрты покойника у тюрков отмечен в летописи [7:230].

день?), то численность приближенных Ильтариша указана, вероятно, символически. Она повторяется и в рассказе о происхождении народа семиплеменных кимаков верховий рр. Оби – Иртыша, который автор XI в. Гардизи заимствовал из источников УШ–IX вв., через ибн-Хордадбежа, а последний, возможно, у Джейхани или ибн-Мукаффи. К некоему Шаду, поселившемуся на р. Иртыше, сначала прибыло семь человек, затем семьсот, которые явились родоначальниками семи племен: ими, имек, или (й)амек, татар, баяндар, кипчак, ланиказ и аджлад [3:105–106].

Отношение к семи предкам-родоначальникам по-разному варьировалось у разных тюркских народов. У киргизов, например, не знающий их имен человек считался безродным рабом. У алтайцев существовало табу на имя после седьмого предка [2:11]. Седьмой сын Улгана являлся главным корнем черных татар. Дух – предок шамана имел "крик на *jatti saqai* – "семь сагаев"¹.

Для расшифровки фигурирующих далее этнопотерминов напомним тюркские диалектные формы числительного *самь*²: *jetti, jiti* – *самь*, древнетюрк.; *читі* (чита), *читілар*, *читолань*, *Читиген* – *самь*, по сави, *самаро*, созвездие Большой Медведицы, хак.; *чади* – *самь*, шорск.; *жате* – *самь*, каз.; *джети*, *джетилик*, *жетбб*, *джетиген* – *самь*, *самарка*, *самаро*, Большая Медведица, кирг.; *жида*, *жиделе*, *жиделек*, *жидеу* – *самь*, *самарик*, *самарка*, *самаро*, татар.; *сатта* – *самь*, якут.; *диети*, *йати* – *самь*, туба кики; *Йатта* – *самь*, уйг.; *Йате* (ате), *етеле* (к) – *самь*, *самарка*, *башк.*; *ете* – *самь*, ног.; *етти*, *етолла* – *самь*, *самаро*, узб.; *адди*, (й) *еди* – *самь* аз. и др.

1 Соответственно в мифах о прародине-земле семиплеменных сагайцев семикратность фигурировала в каждой фразе: *самь* козлов, лошадей, братьев, препятствий; *самь* дней землетрясений, пожаров и т.д. [4:17–18, 113, 126 и др.]. То же отмечалось в образах якутов [32:72; и др.].

2 Необходимо учитывать разноречивую (нестандартизованность) транскрипций. Транскрипция Ф.Г. Исхакова [13:177] отличается от транскрипций соответствующих национальных словарей. Мы придерживаемся большей частью последних.

При расшифровке древних этнонимов и топонимов необходимо учитывать соответствие по диалектам начального $j \sim й$ - воля (в данном случае j -ити ~ йити ~ ити), а также незаартист-рированные в письменных источниках возможные тогдашние другие диалектные формы. Порядок их рассмотрения географически с востока на запад и юг хронологически дополняется экскурсами в разные периоды.

Выше говорилось о семиплеменных кимаках Приалтайских районов Оби - Прииртышья - Северного Прибалхашья, племена которых под верховенством кипчаков распространились на рубеже I-II тыс. на запад до Поволжья и далее до Причерноморья, по территориям Киевского и других русских княжеств. Их именам стали называться все племена и сама территория современного Казахстана - Дашт-и Кыпчак "Стать кыпчаков". Они явились одним из основных компонентов (в языковом отношении) формирования народностей казахов, каракалпаков, татар, ногайцев Северного Кавказа и др. Значительная часть кимакско-кыпчакских племен вошла в состав алтайцев и киргизской народности.

У всех их была широко распространена терминология с числом 7. Реальная численность родоплеменных групп, исторически менявшаяся при различных комбинациях племен, не имела значения. Их количество в преданиях и источниках обычно подгонялось под "семиплеменность". "Лишние" исключались под разными предлогами.

Среди названий крупнейших кыпчакских племен Дашт-и Кыпчак у авторов XIII в. Руки ад-дина Байбарса Эльмансури и Зинувейри фигурируют иата или ита и сата у ибн-Халдуна (конец XIII - начало XIV вв.) [30 : 541]. Сата, возможно, "сокающий" вариант (ср. сәтә, як.). Иата ~ ита с утратой начального (j)ети, (j)ити, древнетюрк.

Широкая распространенность среди них джети-этнонимики подтверждается русскими летописями на примере названий кимакско-кыпчакских групп, прибывших из Заволжья на территории русских княжеств. На Руси именовались они половцами от полов - "желтый", что соответствовало их самоназванию куман или коман [19: 88].

Половцы — команы наряду с оттасненными ими печенегами и торками (огузскими и другими племенами) находились в очень тесных отношениях с русскими княжествами. Часть их служила в дружинах разных князей, участвовала в их междоусобицах и нередко возвела против своих соплеменников [10]. Соответственно древнерусские летописцы превосходно разбирались в их языке и тюркоязычной этноterminологии.

Тюркский термин огул(уул) — "сын, потомок, поколение, род — племя", передавался в летописях чадо (ср. домочадцы) и собирательно чадь. (Возможно, это относилось и к передаче урув — "род, племя"). Другой передачей того же термина являлись аффиксы -ич, -евичи, т.е. "сын, сыновья" (огул) такого-то племени (например, представители кыпчакских племен токсоба — токсобичи, чите — читевичи и т.д.).

Наличие среди них племен кимакско-кыпчакского происхождения из Приалтайских районов подтверждается, кроме собирательного названия половцы-команы, многочисленными названиями отдельных родоплеменных групп, например: дружина половцев — Емяковых, участвовавшая в походе 1184 г. Всеволода Суздальского против болгар [23 : 309 и др.] . Емяк ~ емек называлось второе племя в приведенном перечне кимакских. Ср. Чаргова чадь (< яруф-яарыф), Бостеева чадь (< бос/боз) и др. В 1078 г. на службу к Владимиру Мономаху перешло племя читевичей: "Тогда же торцы (торки) придоша ко мне и с Половецъ и с Читъевичи" [24 : 248-249; 22 : 160] . Этноним Читъевичи ср. читі — "семь", хак., названия племен читі Цуур у качинцев и сагайцев [6 : 357-358] . Чите-евичи (огул) — букв. "потомки (племени) чите", "семиичи", т.е. семиплеменные. "Чокающий" вариант термина прекрасно согласуется с их самостоятельностью по отношению к половцам. Они имели отдельную дружину.

Имя предводителя половцев 1202 г. Сутевича Котяна [24 : 675] имеет "сокающий" вариант: суто ср. название племени сата у Эннувейри, саттā "семь", якут. Имена Ктабича, Токсобича фигурируют в числе половцев в связи с походом 1185 г. князя Игоря [33:404; 24 : 641 и др.] . Кте-бич ср. ета — "семь", башк., ног. и др.

Итларева чадь половцев была побита в 1095 г. при Мономах [22 : 148, 161]. Ит-дар имеет очевидный афф. множ. ч. — дар и ит (й) ит (и) — "семь" с утратой начального й — й-ноль аналогично ята < йата. (Ср. название кыпчакского племени йата или ита у Знучьейри). Этноним Ит (и) от числительного самь при существовании в тюркских языках омонима ит — "собака" может смешиваться с последним значением, что, как увидим, имело место во многих случаях. Соответственно этноним ит-дар можно толковать и букв. "собаки", ит-ларева чадь — "собачьи дети". В 1193 г. был известен предводитель половцев Итоглы [24 : 675]. Передача его Итогды [24 : 672] — описка. Итоглы букв. можно переводить "Собачий сын".

Примечательно существование топонима Итларь до сих пор — название станции по Ярославской железной дороге. Тюркско-половцкое происхождение его косвенно подтверждается тюркским же названием другой станции Барандеево по той же дороге¹.

Топонимы были занесены, видимо, при давних частых миграциях тюркоязычных племен по русским княжествам и существуют до нашего времени в качестве названия селений, аналогично, например, названию села Кыпчаково Рязанской области.

Разнодиалектная ономастика половцев от числительного самь (читя, суто, ята < йата, ит < йити) говорит между прочим о большой пестроты их этносостава (в составе кыпчаков имелось даже племя (й)ит баджанак — "семь печенегов").

Широкое распространение джети — терминологии и связанных с нею особых легенд (где форма числительного самь — (й)ит, (й)ити) диалектно совпадала с омонимом ит "собака", прослаживается у многих народов кыпчакской языковой группы².

1 Ср. Огузско-тюркская дружина барандеев в походе 1206 г. русских князей [25:50-51; 10:147; 35:86 и др.] .

2 В данном случае мы имеем в виду некоторые диалектные формы. Другие случаи сообщены нами в докладе "Вопросы обитания носителей тюркоязычной общности на территории Туркменистана на рубеже нашей эры" на конференции 1967 г. по этногенезу туркмен в г. Ашхабаде (материалы конференции не опубликованы).

Основное подразделение народности северокавказских ногайцев (формировавшееся в основном из кыпчакских племен), кара-ногай, составившее ядро народности, имело из трех подразделений два с названиями Иатисан (Джотисан) и Иетишкул, а в их составе более мелкие Иета Вокта и др. Иетисан можно расшифровать Иети сан "семичисленные (сан - "число, количество") или Иети-сан с афф. - сан (ср. зан, башк.).

Аналогичные этнонимы имели и огузско-туркменские племена, например, Иади уруф "семь родов" у салоров, а также легенды у ала-эли [14 : 145-146].

У каракалпаков Приаралья крупное объединение носило название Жети тамгалык жуангыр "самитамговый жуангыр". Самиродовым считалось племя муйтен. Племя кыпшак имело подразделение Жети коше и в нем жадык, аналогично Жетим тай у мангытов [12 : 46, 52 и др.] .

А.Лавшиным записано предание о происхождении части казахов якобы от сами родоначальников [16 : 25]. Семиплеменным считалось одно из двух главных объединений Малого Жуза.

По Г.Н.Потанину, асак-кирай имели племя итали, название которого ассоциировалось с термином ит-"собака", с семью собаками созвездия Большой Медведицы [26 : 4]. Происхождение формы, возможно, итали < ите-ди < (и) ити - "семь", древнетюрк.

По-видимому, с этнотерминологией этого круга, ассоциируемого по народной этимологии с ит - "собака", связаны легенды о некой птице ит-ала-каз, которая якобы выводила из своих яиц собак под названием кумай [11] . Если принять во внимание народную этимологизацию самоназвания казах как происшедшую якобы от каз-"гусь", то словораздел сочетания ит-ала-каз возможен итада каз. Итада - трансформированный вариант итали-ателе-жи-дела, т.е. "семерка, семерик". В таком случае первоначально значение итада каз могло быть "семерка гусей", под которыми подразумевались семиплеменные каз(ахи)? При забвении первоначального значения словосочетания стало ассоциироваться с ит - "собакой".

Того же происхождения, видимо, названия легендарной пра-
родины Жидели (Жидель) Байсун или Байсин у казахов и части кара-
калпаков. Связано с этим кругом этнотерминологии и имя Жедигер
(сына эпического героя Алпамыса), выросшего во время семилетне-
го заточения отца в темнице, которого кормили там семнадцатью
козляками [18 : 10 и др.]. Имя Жедигер (и Ядигар?) — персонифи-
цированный этноним. Кго имела родоплеменная группа казахского
племени адай [9 : 88]. Одноименное название имелось у киргизов,
у которых также была широко распространена джети-терминология.

Основное объединение правого крыла, составившего треть
народности киргизов, восходило, по преданиям, к джети уул —
"семи сыновьями" родоначальника Тагай. Соответственно многочис-
лены названия семисоставных групп с добавлением различных ком-
понентов: джети уруу (кул, айгыр) племян саруу, доолос левого и
правого крыла; калдык и доолос правого крыла, кыпчак ичкили-
ков; ит < (и)ити племени бугу и др.

Внимания заслуживает расшифровка названия племен джети-
ган, ждедигер и адигина, по диалектным формам которых можно не-
сколько проследить историю их носителей. Допустима расшифровка:
джетиган, джети -г-ан; ждедигер, ждеди-г-ер; адигина < яди-г-
ен(е). Дублированные аффиксы собирательности — множественности
очевидны: -⁰г, -⁰р, -⁰н. Общее значение этнонимов от числитель-
ного джети-ждеди ~ (j) ади "семи" семи(составные), семи(чис-
ленные), "семирики". Очевидна разноречивость джети ~ ждеди.
Форма этнонима адигина значительно трансформирована, если пред-
полагать < (j) адигин(е). Не случайно в киргизских преданиях
это племя представляется как позднее "примкнувшее" к правому
крылу. Жедигер, по эпосу "Манас", считалось иногда даже "враж-
дебным" киргизам (может быть, в преданиях смешивалось с ждеди-
гар — казахами?). Формы этнонимов яди-г-ер, jeti-г-ен < jeti-
ити (древнетюрк.) допустимо сопоставлять с формой современно-

го названия урочища Итагар < (j)ита-гар в Таласской долине^I.

Вариантная этнотопонимия от числительного jити ~ jити ~ ит ассоциировалась, по ложной этимологии, и у киргизов с ит - "собака". Параллельно преданию о происхождении от сами сыновей Тагая, киргизы считали себя "происходящими" от красной или желтой собаки - сары ит, которая якобы оплодотворила кырк кыз - сорок девушек, в связи с чем соседи (узбеки) иногда называли их ит кыргыз, т.е. буквально "собако(собачьи) - киргизы".

Эти предания С.М.Абрамзон объясняет якобы существовавшим у киргизов тотемизмом - поклонением собаке [I : 287-289, 362]. Фактических доказательств в подтверждение не приводится. Слово-сочетания ит кыргыз более правдоподобно объяснять диалектной трансформацией ит(и) < (j)ити кыргыз - "семиплеменные киргизы", аналогично многочисленным вариантным названиям родоплеменных групп как у самих киргизов, так и кимеко-кыпчакского этноса, именно: ита, итлар-чава чадь, итали и др.²

В связи с рассматриваемой этнотерминологией следует объяснить и происхождение названия в преданиях киргизов страны некоего мифического народа итаалы "человеко-собак". Формообразование тармина, возможно, со вторым компонентом эл - "народ, государство": jите эл(и) - "сами(составной) народ", Ите эл(и) при забвении первоначального значения и слиянии в одно слово с прогрессивной ассимиляцией > итаэл(и) > итаалы стало ассоциироваться итаалы "собачий народ".

I В связи с их формообразованием можно указать на серьезную проблему расшифровки вариантной этнотопонимии Утигар. Итагар по аффиксам соответствует древнеуйгурскому гидротопониму Утигар (по разночтениям Ути(н)гар), что в принципе объяснимо дублированием аффиксов Унти-н-г-ар с аффиксами собирательности - множественности -н. Гидротопоним Ути(н)гар в Монголии записал Рашид аддин [29:146]. Примерно половина гуннов Причерноморья имела названия утигур-гуннов [27:512]. Соответствия в/и ~ о/у требуют объяснений. Но у алтайцев и хакасов зарегистрированы формы этнонимов Чода-тьода, чуты [28:12 и др.]. Кроме того, по разным транскрипциям у них же зарегистрированы дубуты, чооты, юты, уты и др.

2 Объяснение цвета красной или желтой собаки следует связывать со значением самого этнонима кыргыз, происходящего, по-видимому, от прилагательного кырг - "красный; бурый, серый" [19 : 15].

Термины итаалы, итаала каз и подобные у киргизов и казахов, связанные с ними легенды и собаки имеют явно общее происхождение от джети - терминологии.

С.М.Абрамзон вслед за В.М.Жирмунским считал легенды о народе итаалы-"Псоглавцев" и птице ит-ала-каз как якобы заимствованные киргизами и казахами мифы древней Греции и китайцев [I : 361-362 ¹]. Насостоятельность объяснения заимствованием киргизами и казахами какого-то непонятного им "бродячего сюжета" китайского мифа о "Псоглавцах", а легенда о происхождении киргизов от собаки тотемизмом-поклонением собаке очевидна хотя бы уже потому, что два взаимосвязанных между собой сюжета объясняются двумя разными абстрактными предположениями. При массовом бытовании собственных этнотерминов от (j)ит(и)-ита, итлар, итоглы, ассоциируемых с омонимом ит-"собака", им явно назначен было заимствовать какие-то "бродячие сюжеты". Эти легенды закольцованы в общих циклах многочисленных легенд (j)ити - терминологии у народов кипчакской языковой группы (типа джети баштуу Джалмогуз - "семиглавая Баба Яга" у киргизов; семиглавый людоед Делонген у алтайцев и др.). Но они не могли появиться и не существовали у носителей диалектов-языков, где формы, например, (й)еди-еди - "семь", огузск., не оказывались омонимичными ит - "собака".

Тесные территориально-этногосударственные отношения предков киргизов с семилетменными кимакско-кипчакскими объединениями на рубеже I-II тыс. н.э. отражены, по нашему мнению, и

I С.М.Абрамзон допускает при этом неточность, приписывая собственно китайский миф о "Псоглавцах" неким народам Дальнего Востока. Он пишет: "связь это с дальневосточным мифотворчеством может считаться более чем вероятной". Автор имеет в виду, по ссылке, фантастический рассказ в китайской летописи "Нань-ши" о некоем царстве Фусан [8 : 48-49]. Царство это находилось якобы в 9 тыс. км на северо-востоке от Японии, т.е. в Северной Америке! Некто, бывавший там, со слов "очевидца" говорил о собачьеголовые мужчины на некоем острове в Океане, что передает летопись, как аналогично передавал Геродот. Таким образом, миф о "Псоглавцах" существовал не у неких народов Дальнего Востока, а у китайцев V-VI вв. н.э., аналогично древним грекам V в. до н.э.

в загадочном сюжете "Заговора семи ханов Кёз Каман(а)" против Манаса, по эпосу "Манас". Термин кёз каман ассоциируется, по народной этимологии, с каман ~ кабан - "вапль". Словосочетание кёз каман - букв. "глаз кабан" истолковывается как "кабаний глаз", хотя в таком случае следовало бы ожидать обратный порядок кабан кёз. Мы объясняем термин каман как трансформированный этноним коман ~ куман - название огромного кыпчакского этноса - государства, отделившегося на рубеже I-II тыс. от семиплеменных кимаков, известных на Руси, как указано, под именем половцев.

При обычном соответствии м-б (например, тамир ~ табир - "железо", шорск.) они имели варианты кобан ~ кубан (ср. гидротопоним Кубань на Северном Кавказе) [19]. Наряду с названием части алтайцев кумандинцами < куман-ды коман-ды с аффикс. -ды(г), у кацинцев имелись родоплеменные группы кубан и кобни (соответствия конечного н-й, например, кон-кой - "овца", кирг.)¹.

Если каман ~ коман, то в первом компоненте словосочетания кёз каман можно предполагать первоначальное кёс, күс, күч - "сила, мощь", башк., хак., кирг., т.е. "сильные (великие) команы". При забвении и переосмыслении термина коман > каман > кабан и существовании в кыпчакских диалектах форм-омонимов кёс, кёз - "глаз", алт., кирг. и др., непонятное словосочетание кёс каман стало восприниматься у киргизов кёз каман с сюжетом заговора семи ханов Кабаньего глаза (?). В действительности сюжет-цикл эпоса доносит возможные отголоски борьбы части предков киргизов против гегемонии соседних семиплеменных комано-кыпчаков Обь-Иртышского района Алтая или Прибалхашья.

В связи с этим можно думать, что в легенде итала каз - предположительно "самерка гусей" = каз(ахов) название птицы кумай, выводившей собак -ит < () ити, как-то связано тоже с семиплеменными команами ~ куман ~ кумай (соотв. н-й). Этнонимы куманско-кимацких племен, обитавших на Оби по соседству с предками хакесов, могли повлиять на появление и у них легенды

I О связи киргизской этнонимии с племенами области Коман на Алтае писал К.И. Петров [20 : 240.]

о "Хубай Хус" - собака, выведенной из яйца утки. (Хуба - "бледный, бледноватый"; хус - "птица", хак., ср., куш, кирг.). Многократное дублирование терминов-сюжетов обычных явления в легендах, а название гончей собаки тайган вместо ит у киргизов можно объяснить дифференциацией. Названия сказочной собаки Ку-майык-кумай-ик известно было также у киргизов [37 : 444]. Небезынтересно сопоставление со всем этим и далее фигурирующего этнотермина Кте Кашка - "Семь предводителей" племен Прибалхашья¹, а также здешнего топонима Джети > Джети-суу².

Наиболее раннее известное упоминание термина Джети у Дже-мал Кирши (нач. XIV в.) в качестве названия кочевников, совершавших нападения на область Кашгара [5 : 156]. В XV-XVI вв. он смешивался у некоторых авторов или заменял этнонимы могол-могул, Могулистан - "Страна могулов", на Тянь-Шане (могол - тюркизованная форма мо(н)гол).

Кыпчакско-казахско-киргизские племена и территория Прибалхашья во второй половине XIV-XV вв. государственно входили в состав некоторых могульских феодальных объединений - Могулистана и на них в некоторых случаях распространялось название могулов. С возрастанием роли этих племен, имевших свое название джете, в послетимуровское время оно стало распространяться уже на могулов. Это отражено в сочинении "Зафар-наме" (1404 г.) биографа Тимура Низам ад-дина Шами и Шараф ад-дина Али Йезди, писавшего второй вариант "Зафар-наме" двадцать лет спустя (1424-1425 гг.). У второго вместо могулов - Могулистана почти везде названия джетинцы - Джете.

Автор "Тарих-и Рашиди" могул Мирза Мухаммед Хайдар (первая половина XVI в.) объяснял термин Джете в смысле "разбойники", как именовали чагатай-мавераннахры якобы все население Могулистана (не возможно ли было смешение Мирзой Хайдаром этнотопонима

1 Ср. также: Народ семидесяти ханов [36 : 17, 35 и др.] .

2 Предлагаемая этимологизация Джете Прибалхашья с соответствующими параллельными примерами ранее была сообщена нами в упомянутом выше докладе "Вопросы обитания носителей тюркоязычной общности на территории Туркменистана на рубеже нашей эры".

джате и стяжанной формы ġāt 4 ġigit "удалец-разбойник", барымтач?). Такое толкование было повторено, по недоразумению, В.В.Бартольд с пояснением джате - "разбойники" соответственно тюркскому казак "разбойничьей вольницы" [4 : 80, 154, 265 и др.]. После В.В.Бартольда оно утвердилось в научной литературе¹. В другом сочинении того же времени - "Собрание историй" Сейф ад-дина Ахсикенти - этнотопонимы Джате и Северное Джате фигурируют в качестве названия области Южного Прибалхашья и ее кыпчакско-казакско-киргизского населения [34 : 73, 80, 99, 102 и др.]. Среди него имелось семиплеменное объединение во главе с братьями Ете Кашка - Семь Кашка, родственного киргизским племенам Каркары, которые именовались тогда еще каркаринскими кыпчаками Джате и Севера [34 : 120, 112] (Кашка - "белолобая животное (с белой отметиной), вождь, предводитель племени", кирг. и др.). Семь Кашка значило "Семь предводителей племен" или предводители Семи племен и т.п.

Каркара - персонифицированный топоним - имя "отца" Джакыпа, т.е. "деда" киргизского богатыря Манаса, и название объединений правого и левого крыла киргизов. Как передает автор, (Дж)ате Кашка и Каркара были одного и того же происхождения! [34 : 120, 112]. Термин (Дж)ате Кашка по значению тождествен киргизскому джети уул - "семь сыновей" Тагая.

Средневековый этнотермин Джате Прибалхашья со временем стал, по-видимому, мало понятным и поэтому был ассоциирован с некими семью реками, стал Самирачъан. В действительности же его происхождение связано с многочисленной этнотерминологией от сакрального числительного семь без дополнительного элемента оуу - "река".

Гидротопоним Самирачъан употребляется в последнее время разными авторами, а иногда одними и теми же, в разных расплывчатых значениях, что имеет следствием фактически его детермини-

1 См.: 31: 294, а также 21: 189 с отрицанием значения джате как названия населения и подразумевается топоним. Автор, однако, не обращает внимания именно на такие значения в используемом им сочинении Сейф ад-дина Ахсикенти "Маджму ат-таварих", которое мы приводим ниже.

зацию, неопределенность понимания, на какую территорию он распространяется в конкретном случае применительно к средневековой истории или новому времени.

На современных географических картах Семиречье обозначается ближайшее южное приозерье Балхаша в низовьях рек Или, Каратау, Аксу и др. — в общем, северных районов Алма-Атинской и Талды-Курганской областей. Средневековый этнопоним Джети распространялся, видимо, несколько южнее: на северные предгорья Джунгарского Алатау и до современного района Алма-Аты. Согласно административно-политическому делению Российской империи учрежденная Семиреченская область включала территорию на юг от Балхаша до границы с Китаем: в восточной части по Тарбагатаю, в западной части Прибалхашья на юг примерно через современный г. Кара-Балта до границы здесь с Сыр-Дарьинской областью и далее с Китаем. Географически это уже не только Прибалхашье, а и Центральный Тянь-Шань. В исторической литературе досоветского времени термин Семиречье распространялся иногда вообще на все Тянь-Шаньское нагорье и даже часть Восточного Туркестана — государство Могулистан XIV-XV вв. [4]. Для В.В.Бартольда, опубликовавшего в 1898 г. свою работу в издательстве Семиреченской области, как и последующих авторов, естественно было употребление терминов царского административно-политического деления. В настоящее время это не оправданно. К.А.Пищулина, например, в соответствии с самым широким толкованием в исторических и археологических исследованиях (?) распространяет термин Семиречье на огромную территорию всего Северного Тянь-Шаня от Тарбагатая до Каратау, т.е. и на бывшую Сыр-Дарьинскую область [21; 4]. То же имеет место в последнем издании "Истории Казахской ССР" (1979 г.), причем распространение термина на Западный Тянь-Шань производится нередко в целях "компенсаций" отсутствующих фактических материалов по Южному Прибалхашью. Традиционное употребление в дореволюционной литературе термина Семиречье в самом широком толковании не может быть основанием для советских историков.

Исторически, применительно к средневековому периоду, его значение должно иметь в виду лишь Южное Прибалхашье, примерно

как на современных географических картах, без распространения на весь Северный и тем более Северо-Западный Тянь-Шань.

Л и т е р а т у р а

1. А б р а м з о н С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — М., 1971.
2. А н о х и н А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. — Л., 1924.
3. Б а р т о л ь д В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. — Записки Императорской Академии наук. — СПб, 1897, серия УШ, т. 4.
4. Б а р т о л ь д В.В. Очерк истории Самарчедья. — В кн.: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета, т. П. — Верный, 1898; в г о ж е. Сочинения, т. П, ч. I. — М., 1963.
5. Б а р т о л ь д В.В. Сочинения, т. У. — М., 1968.
6. Б а с к а к о в Н.А. Хакасско-русский словарь. — М., 1953.
7. Б и ч у р и н Н.Я. Собрание сведений о народах, проживавших в Средней Азии в древние времена. — М., 1950, т. I.
8. Б и ч у р и н Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. — М., 1950.
9. В о с т р о в В.В., М у к а н о в М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). — Алматы, 1968.
10. Г о л у б о в с к и й П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — Киев, 1884.
11. Д и в а е в А.А. Ит-ала-каз (поверье)/ Этнографическое обозрение, 1908, № I-2.
12. Ж д а н к о Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. — М., 1950.
13. И с х а к о в Ф.Г. Числительное. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. — М., 1956, т. П.
14. К а р л о в Г.И. К истории туркмен ала-эли/ Советская этнография, 1947, № 3.

15. К о н о в о в А.П. Еще раз об этнониме "кыргыз". - В кн.: Тюркологические исследования/ Сборник статей, посвященный 80-летию акад. К.К. Юдакина. - Фрунзе, 1970.
16. Л е в ш и н А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. - СПб., 1832, с. I-III.
17. М а л о в С.К. Памятники древнетюркской письменности. - М., 1951.
18. О р л о в А.С. Казахский героический эпос. - М., 1945.
19. П е т р о в К.И. К этимологии термина "кыргыз"/ Советская этнография, 1964, № 2.
20. П е т р о в К.И. Этнический состав населения Бнисайско-Иртышского междуречья до XIII в. - В кн.: История Киргизии, т. I, 1963.
21. П и щ у л и н а К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начала XVI веков. - Алма-Ата, 1977.
22. Повесть временных лет, т. I. - М., 1960.
23. Полное собрание русских летописей, т. I., 1962.
24. Полное собрание русских летописей, т. II, 1962.
25. Полное собрание русских летописей, т. X, 1885.
26. П о т а н и н Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. - СПб., вып. II, 1881.
27. Прокопий из Кесарии. Война с готами. - М., 1952.
28. Р а д л о в В. Этнографический обзор турацких племен Сибири и Монголии. 1925.
29. Р а ш и д а д - д и н. Сборник летописей, т. I, кн. I.
30. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Тизенгаузена. - СПб., 1884, т. I.
31. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды - М., 1941, т. II.
32. Сборник статей и материалов по этнографии Якутии - Якутск, 1961.
33. Слово о полку Игореве/ Под ред. В.П.А д р и а н о в о й. - М., 1950.
34. "Собрание историй" Маджму ат-таварих.-Изд. ЛГУ, 1960.

35. Толстов С.П. Города тузов. - Советская этнография, 1947, № 4.
36. Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П.Дыренковой. - М., 1940.
37. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.

С.Кудайбергенов
(Фрунзе)

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В СОСТАВЕ КИРГИЗСКИХ ТОПОНИМОВ

На территории Киргизии немало топонимов, первые компоненты которых являются числительными. Как правило, вторые компоненты сложных географических названий обычно представляют собой такие общие нарицательные слова, как: вода, хребат, холм и т.п., а первые компоненты, выраженные числительными, становятся количественными частными признаками по отношению к основному главному компоненту, содержащему общее значение. Общее нарицательное слово при помощи такого синтаксического способа образования становится собственным именем - топонимом.

Из множества фактов проанализируем следующие:

Терткел - название горы и реки в Уагенском районе Ошской области; это сложное слово, состоящее из двух компонентов - терт "четыре", кел - "озеро". Терткул - название населенного пункта, состоящего также из двух компонентов: терт "четыре" + кул; в целом данное сложное слово буквально обозначает "четыреугольный, четырехугольник"; другие его значения: "крепость, городище" (развалины древнего населенного пункта) [1 : 55] ; ср. учкул "треугольный, треугольник" [1 : 827] . Киргизский терткул является семантическим эквивалентом монгольского дербелжүн

"квадрат, четырехугольник". Первый компонент этих топонимов означает "четыре" и теперь не расчленяется на составные элементы.

Тюркское төрт, монгольское дөрбөн не находятся в генетическом родстве с тунгусо-маньчжурскими ди у ин, имеющими то же значение — "четыре". Для этих слов в качестве первичной основы выделяется те= / де=, ди= / жи= / ту=, и они в далеком историческом прошлом в протоалтайском языке имели значение "два", что доказывают прямые и косвенные данные, ср. кор. ту=тул "два" [3 : 277], эвен. (в ольском говоре) дер "два" [4 : 760] и др. Эти сведения доказывают, что тюрко-монгольские төрт // дөр представляют собой форму множественного числа со значением "дважды, два раза" и образованы от корня те (де), обозначающего понятие "два". Они получили дальнейшее морфологическое развитие в виде присоединения к ним грамматически идентичных аффиксов =т в тюркском /те+р+т/, =бен в монгольском /де+р+бен/ языках. В последнем =бен является фонетическим вариантом показателя множительного =мен (=мен), который существует в тунгусских языках и имеет значение кратности "двойной", "тройной". Таким образом, числительные төрт, дөрбөн, семантическим стержнем которых является числовое понятие "два", прежде имели буквальное значение "двойной", "два раза", что впоследствии дало наименование числительного "четыре".

В тюркских языках названия первой пятерки и их круглые десятки расходятся между собой. На данном этапе развития тюркских языков не наблюдается их семантическая и морфологическая близость, она может быть раскрыта только с привлечением материалов дальнеродственных языков. Исторически, очевидно, было несколько вариантов одного и того же числа (единицы), которых легло в основу некоторых десятков. Данное обстоятельство частично послужило причиной сильного расхождения современных наименований единиц и десятков. Это можно наблюдать между только что рассмотренными словами төрт "четыре" и числительным кырк — "сорок".

Кырк-Казык — название села, буквально обозначает "сорок колышков".

Тюркское числительное кырк "сорок" имеет общность с монгольскими и некоторыми языками тунгусской группы, в которых хорин, хори обозначает "двадцать". В отличие от алтайской семьи языков в монгольских языках хойор и хойр являются названиями числительного "два". Сходство морфологической структуры, а также и семантической соотносимости чисел "два" (хойор, хойр) и "двадцать" (хорин, хори) позволяют рассматривать их как родственные слова, восходящие к единому первичному корню хоэ, некогда обозначавшего понятие "два"; ср. кир. кош "пара".

Тюркское слово кырк (хырк) и тунгусское хорин, хори монгольского происхождения. Семантические соотношения между данными монгольскими и тюркскими числительными таковы: если семантическим стержнем монгольского "двадцать" (хорин) является числительное "два" (хойор, хойр), то семантическую основу тюркского "сорок" (кырк) составляет число "двадцать" (хорин). К последнему прибавлен тюркский аффикс множественности =к, при присоединении которого к корню, как правило, выпадает конечный звук "н" у основы: хори+к > кырк. Следовательно, тюркское кырк возникло на основе семантического сложения: удвоенное двадцать, дважды двадцать, т.е. сорок.

Отуз-Адыр — название местности, ныне имя совхоза в Омской области, буквально "тридцать холмов"; Отуз-Арт — название паравала и реки в Омской области. Второй компонент этого сложного слова участвует и в других географических названиях в Киргизии. В тюркских языках слово отуз обозначает "тридцать" и ему в якутском языке соответствует отут в том же значении. Материалы монгольских языков, а также факты некоторых языков, принадлежащих к тунгусской группе алтайской семьи, наводят на мысль, что первичный корень тюркского отуз и якутского отут "тридцать" генетически едины со словами, имеющими то же значение и в выше названных нетюркских языках. Ср. монг. гучин "тридцать" при слове гурван "три"; из числа тунгусских языков: нан. гочин, ульч. гутин, ороч. гут "тридцать" [5 : 137, 158, 199] при слове илан "три". Факты из тунгусских языков, как нам кажется, проливают свет на происхождение тюркского числительного отуз и якутского

отут "тридцать". Чередование звуков ч/т, имеющее место в монгольском слове гучин и тунгусо-ульчском гутин, служит достаточным основанием, чтобы возвести к ним и тюркскую основу оту= в словах оту-а, оту-т. Так как для тюркских языков нехарактерно употребление глубокозадняязычного согласного г в начале слова, то он выпал. Для громкого звучания начала слова узкий гласный "у" в тюркских языках перешел в широкий губной "о"; к описанному корню был прибавлен формант множественного числа =а, при присоединении которого, как правило, опустился конечный "н" основы. Таким образом, тюркские отуз и отут исторически представляют собой грамматически форму множественности слова "тридцать", единственного число которого существует в монгольских и частично в тунгусских языках, где в качестве первичного корня выделяется морфема *гу=, ср. кир., монг. кунан "жарабенок по третьему году" и др.

В киргизском языке не встречаются географические имена, имеющие в составе числительного "двадцать" йигирме. Но тем не менее морфологическая структура некоторых числительных достаточно легко объясняется на фоне звуковой оболочки числительного йигирме. В древнетюркском языке числительное "двадцать" представлено двояко: с согласным началом на "й" и с гласным началом: йигирми, йигирме и игирме "двадцать" при слове эки, ики "два", которым соответствует киргизское жыйрма "двадцать".

В эвенском языке, относящемся к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков, название числительного "двадцать" образовано морфолого-синтаксическим способом: к названию единицы "два" присоединяется форма множественного числа "десятки"; тюркское "двадцать", по нашему мнению, имеет с ним общее, не исключена даже возможность, что оно представляет собой единую конструкцию для эвено-тюркских языков.

В отличие от тюркских и монгольских языков числительные тунгусских языков имеют множественное число. Например, в эвенском языке наименование единиц оканчивается на =н и имеют формы множественного числа в виде =р и =л: эмэн "один", "единица", эмэр "единицы"; дигэн "четыре", "четверка"; дигэр — "четверки", жээр "двойка", жээрэл "двойки" и т.п. В том же языке названия

круглой десятки образуются путем прибавления слова мер, являющегося формой множественного числа от слова ман "десять" к соответствующим единицам: хоёрмер "двадцать", иланмер "тридцать", дигэнмер "сорок", Эвенское жермер "двадцать" в структурном отношении вполне соответствует тюркскому йигирме $\hookrightarrow$ жыйрма (в том же значении). Кроме того в свете этого факта эвенского языка нетрудно догадаться, что морфологический элемент =ма (=ме) в тюркском йигирме "двадцать" исторически является усеченной формой множественного числа слова мер от полнозначного ман (мен) - "десять". Ввиду того, что в числительном йигирме значение "десять" достаточно передается усеченной формой ме=, несущей основную информацию, из состава компонента мер в тюркском языке выпал его конечный "р" и таким образом вместо =мер получился =ме (=ми), т.е. йигирмер > йигирме $\hookrightarrow$ йегирми.

Морфолого-этимологический анализ исторического второго компонента числительного "двадцать" йигирме помогает понять происхождение названия других десятков - алтымыш "шестьдесят", йетимиш "семьдесят".

Алтымыш-Ат - название раки в Джангы-Джолском районе Ошской области, буквально обозначает "шестьдесят лошадей". В тюркологической литературе давно и в общих чертах правильно было отмечено, что морфологический элемент -мыш в составе числительных "шестьдесят", "семьдесят" исторически обозначает понятие "десять". Сторонники этого мнения исходили из соотношения значений корня адты "шесть"; йети "семь" и их производных форм, каковыми являются алтымыш, йетимиш. Пользуясь индуктивным методом, аффикс =мыш не возводили конкретно какому-либо слову, а также не расчленили морфологически на составные элементы. Изучение фактов тунгусо-маньчжурских языков показывает, что аффикс =мыш в составе алтымыш, йетимиш и усеченных =ма $\hookrightarrow$ =ме в числительном йигирме (йигырма) исторически восходят к единому источнику, являются грамматическими формами одного и того же слова.

Тюркский формант =мыш, образующий наименование круглой десятки числительных алтымыш (60) и йетимиш (70), исторически

восходит к той же группе множественности, с помощью которой было составлено числительное йегирме - "двадцать". Но к вышеназванным числительным присоединено не слово - аффикс =мер (ме+р), а =мел (ме+л).

Формант множественного числа =л, участвовавший в составе =мел (ме+л), сохранился в чувашских числительных утмал - 60, ситмел - 70. Этот показатель =мел $\in$ =мел генетически имеет общее с тунгусской формой =мер и тюркской усеченной формой =ме =ми. Разница только в том, что в структуре тунгусского =мер (ме+р) наличествует показатель множественного числа =р, а в структуре чувашского =мел $\in$ =мел - другая форма множественного числа =л, но как аффикс =р, так и аффикс =л являются грамматической формой множественности; исторически та и другая присоединены в отдельности к вышеупомянутому слову ман мен, которое в эвенском языке имеет значение "десять". При сочетании названных формантов с корневым словом у последнего, как правило, выпал конечный "н", и возникли грамматически функционально-идентичные показатели =мер и =мел, имеющиеся в эвенском и чувашском языках: ме(н) + =р > мер, ме(н) + =л > мел.

Общезвестно, что чувашскому конечному звуку "л" в других тюркских языках соответствует "ш", которые мы имеем в данном случае в составе интересующих нас числительных: ср. чув. утмал, тюрк. алтымыш - 60; чув. ситмел, тюрк. йетимиш - 70.

Такова история тюркского аффикса =мыш, генетическая связь которого с тунгусским показателем множественности на =л прослеживается через чувашский язык и, как показывают проанализированные материалы, этот =мыш, а также =ме $\in$ =ме ($\in$ =ме + р =ме + л) восходит к единому источнику, давшему путем морфологизации начало возникновения вышеупомянутых грамматических функциональных аффиксов, у которых все еще улавливается семантика бывшего корневого слова.

Л и т е р а т у р а

1. Дрейнатюркский словарь. - М., 1969.
2. Н о в и к о в а К.А. Счерки диалектов эвенского языка. - М.-Л., 1960.

3. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. - Л., 1975, т. I.
4. Ю д а х и н К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.
5. Языки народов СССР. - Л., 1968, т. V.

К.Конкобаев
(Фрунзе)

ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИЯ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

Тюркские пласты - основная часть топонимии Южной Киргизии. Они состоят из древнетюркских, киргизских, южносибирских, уйгуро-узбекских географических названий. Преобладают географические названия самих киргизов. Южносибирскими называем топонимы, объяснения которым находим в тюркских языках Южной Сибири, прежде всего в алтайском и тувинском. Другую, небольшую по численности, группу составляют географические названия уйгурского и особенно узбекского происхождения. Кроме того, отдельные топонимы могут быть объяснены на базе казахского языка (например, Чаткал, Татыр и др.).

В данной статье рассмотрены топонимы, восходящие к древнетюркскому языку.

Трудности решения вопросов древнетюркской принадлежности топонимов связаны прежде всего с малоизученностью исторической лексики (в том числе киргизской топонимии), в частности, и исторической грамматики киргизского языка, в целом. В связи с этим мы ограничиваемся лишь некоторыми наблюдениями, сделанными на основе сравнительного изучения киргизских географических названий с данными "Древнетюркского словаря" [5] и современных тюркских языков.

Здесь приведены топонимические факты древнетюркского происхождения, сохранившиеся в Южной Киргизии.

Агач-Арт, ал.¹, пер. Слова агач и арт понятны не всем киргизам. По свидетельству К.М.Мусаява, агач является наиболее древним словом, обозначающим растущее дерево и, следовательно, выступает как общетюркское слово [25 : 167]. Его этимология рассмотрена Э.В.Севортяном [29 : 71-73]. Агач в значении растущее дерево употребляется в киргизском языке лишь в лийлякском говоре [22 : 14], Слово агач в топониме Агач-Арт является сохранившейся древнетюркской формой современного киргизского жыгач. Компонент арт тоже является древнетюркской формой, дошедшей до нас в составе отдельных топонимов (Кыз-Арт, Эшек-Арт, Торугарт и др.) и в говоре киргизов Памира [22:123]².

Агач-Арт букв. "дерево-перевал". Скорее всего топоним обозначает перевал, где много агачей или перевал, где растёт агач (в данном случае одно ^{или} несколько деревьев).

Ак-Богуз, сов., р., ущ., устьё. Река Ак-Богуз - правый приток р. Тар. Ущелье, где сливаются р. Тар и Ак-Богуз, называется Ак-Богуз чаты "устьё р. Ак-Богуз". В основе второго компонента топонима лежит древнетюркское боғаз, боғиχ, букв. "горло, глотка" [5 : 109,110], топонимическое значение которого - проход в горах, проток, пролив [27 : 129,134]. Этот топонимический термин-метафора употребляется в топонимии ряда тюркских языков, например, узб. боғаз "пролив, горловина", кирг. боғаз, боғоз "ложбина, место, где сходятся две или несколько ложбин" [35: 137; 22 : 359] и др. Слово боғаз, боғоз не имеет широкого распространения в киргизском языке. В словаре К.К.Юдахина оно отмечено как южнокиргизское, но и в южном диалекте сфера его употребления ограничена и встречается лишь в говорах киргизов Таджикистана [22 : 123]. Таким образом, Ак-Богуз - ущелье, проход или ложбина с белыми камнями³.

1 Список принятых сокращений приведен в конце работы.

2 Подробно об арт см. [26:98-102; 29: 179; 33 : 56-57].

3 В ущелье, и в его устьё, где сливаются реки Тар и Ак-Богуз, имеются камни и скалы беловатого цвета, этим можно объяснить определяющее слово ак "белый" в составе топонима.

Арт. Топонимический термин арт как название самостоятельно не встречается в Киргизии. Он всегда составляет второй компонент в топониме-компоните. Например, Кум-Арт, чатк., пер.; Кыз-Арт, токт., пер., р.; Кек-Арт, суз., пер., мест.; Эшек-Арт, алк., пер., мест.; Агач-Арт, ал., пер.; Кайың-Арт, Кызыл-Арт, ал., пер., и др. Топонимы с компонентом арт также широко представлены в районах Памира, где живут киргизы: Айык-Арт, Кара-Арт, Улуг-Арт, Кек-Арт (пер.) и др.

Ныне слово арт в значении "перевал" сохранилось в киргизском языке только в географических названиях. В Горном Алтае оно встречается во всех диалектах, имея значения "углубление между горами, невысокий перевал" [19 : 115]. В значении "перевал" этот термин употребляется только в современных тувинском, шорском и алтайском языках, а в остальных тюркских языках он имеет другой смысл. Судя по данным Махмуда Кашгарского, арт, по-видимому, был распространен в древних тюркских языках Средней Азии. Но занесен он сюда, вероятно, из Южной Сибири^I.

Из южнокиргизских топонимов с компонентом арт интересны: Кош-Арт — двойной перевал; Кыз-Арт — "девичий перевал". Этот топоним встречается в разных местах Киргизии. Вероятно, слово кыз в данном случае имело не современное свое значение в тюркских языках — "девушка", а связано с этнонимом огуз, являясь результатом эллипсиса в киргизских топонимах. Следовательно, Кыз-Арт — не "девичий", а "перевал огузов"; Кек-Арт — буквально "синий перевал", Кызыл-Арт — красный перевал, что объясняется цветом горных пород на этих перевалах; Кайың-Арт — "береза+перевал".

Жыл-Кол, сов., небольшая долина, нп. Местные жители связывают топоним со словами жыл "год" и кол "рука" по ассоциации их форм. В действительности Жыл-Кол восходит к древнетюркскому языку. Ср. др. — тюрк. *juł* "источник, ручей", *julaq* "ручей, поток" [5 : 277, 278] и *qel* "долина" [5 : 453]. Отсюда жыл-кол — долина, где много родников, источников или родниковая долина. Заметим, что древнетюркские *juł, julaq*

^I Ср. точки зрения В.А.Никонова [26 : 100-102] и С.Умурзакова [33 : 56].

и *qol* не исчезли бесследно из тюркских языков, они сохранились, но несколько изменились фонетически: кирг. *жылга* "ложе ручья", башк. *йылга* "река", тат. *елга* "река", ног. *йылга* "река", тюрк.-монг. кол/гол "река", "горная долина" (в Киргизии многочисленны топонимы на кол: Теркол, Каракол, Узун-Кол и др.). Эти-мологически др.-тюрк. *jul* близко к тунг. - маньчж. *жу* "родник" [30 : 255]. С названием Жыл-Кол ср. также Жуул-Кыр, узг., пер., Жыл-Куу, лйик., пик.

Жыл-Куу, лйик., небольшая долина, пик. Первый компонент топонима *жыл* восходит к древнетюркскому *jul* "источник, родник" [5 : 277]. Компонент *куу* - киргизская адаптация таджикского *кух* "гора" [31 : 200]. *Жыл-Куу* "родниковая гора", или "гора, где есть источники". Ср., с Жыл-Кол.

Карагуз, сов., ложб., ил. Есть основания полагать, что второй компонент *гуз* образован от древнетюркского *quz* "часть горы, не освещаемая солнцем" [5 : 475]. В действительности *Карагуз* довольно глубокая ложбина, ее склоны и дно не освещаются солнцем, а если и освещаются, то на короткое время^I.

К древнетюркскому *quz* близки по значению слова *ху-уш*, *күз* в монгольском и казахском языках, так, *хууш* - место, где солнце поздно появляется и рано заходит [21 : 580]; *күз* "утес, скала" [8 : 470]. Ср. также Жалаң-Күз, лйик., пер.

Компонент *кара* "непокрытое снегом место в горах" [35:346] употребляется в южном диалекте киргизского языка. Вероятно, оно тоже восходит к древнетюркскому языку.

Кой-Булак, *Сары-Кой*, эл., р., пер., родн. В этих топонимах представляет интерес компонент *кой*. Слово это в значении "дно долины" давно известно в тюркских языках [5 : 453; 18 : 156]. Но оно в современных тюркских языках употребляется и в форме *койун*, *коюн*, *койин* (основное значение "пазуха"). В географических названиях его значения "лог, горная ложбина, узкая горная долина, продолговатая впадина между двумя возвышенностями" [7: 12; 6 : 156]. Так, в казахском *койин* "небольшой, защищенный от ветра залив, бухта; небольшая долина в горах" [13 : 22]; *ккалп. койнау* "лощина, ложбина" [10 : 396]; кирг. *тоо койну*, букв.

^I Устное сообщение Султанова Айдары, старожила Карагуза.

"в горах", койнот "овраг, лог" [35 : 394] . Второй компонент в этих словах -ин(-н) является мертвым именным аффиксом [7:12] .

Таким образом, кой является реликтом древнетюркской лексики, сохранившимся в составе киргизских топонимов, в том числе южнокиргизских наименований Кой-Булак, Сары-Кой. Кой-Булак - "родник в горной долине", а Сары-Кой (букв. "желтая горная долина, ложбина"), вероятно, "большая горная долина, ложбина или верхняя ложбина" [7 : 13] .

Кек-Жаңгак, суз., г., впадина, гор. Местная форма топонима Кек-Жаңгак буквально "зеленый орех", по нашему мнению, не совсем соответствует истине. Кек-Жаңгак - это древнетюркское название, значение которого местные киргизы связывают со словами кек "зеленый" и жаңак/жаңгак "орех"¹. В действительности в основе топонима лежит слово кек со значениями "зеленый, синий"², жаңак(жаңгак) "сторона". Кек-Жаңгак - "зеленая сторона горы, зеленый склон".

В ряде древнетюркских письменных памятников встречается слово *jaŋaŋ* (с вариантами *jaŋraŋ*, *žaŋaŋ*, *jīŋaŋ*, *jaŋ*) "сторона, направление" [5 : 233, 237, 267, 641] , которое и лежит в основе второго компонента топонима. Компонент кек, являясь определяющим словом определяемого *jaŋaŋ* "сторона", отражает цвет, общий фон, характер ландшафта. В действительности район Кек-Жаңгака, горные склоны его были покрыты грецким орехом и другой лесо-луговой растительностью.

Но, возможно, в основе топонима лежит другое древнетюркское слово *jaŋaŋ* "складка, изгиб горы" [5 : 234] . В этом случае Кек-Жаңгак - складчатая местность, изгибы в горе, что также соответствует реалии.

1. Кок-Янгак - "зеленый орех" - так звучит название этого шахтерского города. Когда-то в самом Кок-Янгаке и вокруг него, как утверждают старожилы, буйно росли могучие деревья грецкого ореха - см. В.Римов. Рашили оправдать название. - Советская Киргизия, 17 апреля, 1973.

2. Кек "(о растениях) зеленый, незрелый, зеленая трава" [35: 418] .

Кыпчакей, сов., р., ложб., мест. В основе топонима лежит древнетюркское слово *qarbaq* "место слияния реки с притоком" [5 : 420]. Урочище Кыпчакей находится в месте впадения одноименного ручья в реку Терек, которая слившись в Кёк-Арт образует р. Тар, -кэй - топоформант. Примечательно, что он сохранился только в нескольких географических таринах и топонимах: кундгей "солнечная сторона", таскай/каз. *тарискай* / "теневая, северная сторона", баткай "склон горы" (Кыпчакей, Терскей-Ала-Тоо, Кундгей-Ала-Тоо). Чередования звуков а/ы в первом слоге, как это наблюдается в *qarbay* / кыпчакей, лишний раз подтверждает наше предположение о происхождении рассматриваемого топонима (ср. также *ташта* / *тышта*, *чакыр* / *чыкыр* и др.).

Муздек, алб., пик. Название образовано от древнетюркского муз "лед" + даг "гора". Эта форма не характерна для киргизского языка.

Сузак, суз., пос., название района в Омской области. В прошлом оно употреблялось в форме Созок, а не Сузак, как теперь. Впрочем, старожилы и поныне произносят этот топоним по-старому. Арзал топонима Сузак довольно обширен. Он встречается в различных вариантах на территории Казахстана (Созак, пос., по нему и район в Чимкентской области [12 : 196], Туркменистана (нп. Созок, Сузак)^I. В этих вариантах наблюдается одна основа, образовавшая название Сузак в Средней Азии. О происхождении названия Созак высказываются различные мнения. А. Абдрахманов видит в нем древний этнотопоним и считает его тюркским вариантом древних аласаков, т.е. водных саков [1 : 188]. А по Б. Койчубаеву "Созак - древнетюркское слово, обозначающее буквально "поселок" [12 : 196]. Мнение А. Абдрахманова, хотя и представляет наибольший интерес, однако вызывает сомнение. Трудно предположить, что Созак - полукалькированное тюркское слово, могло произойти от этнонима *аласака* (водный сак).

В древнетюркском языке (X в., памятник "Алтын Яруг") встречается слово *sozay, sozagtarda* "в поселениях, поселение"

I Каримбаев Б. Небит-Даг. - М., 1972, с. 26.

[5:509] , которое и сохранилось как топоним¹. Не отрицая мнения Б.Койчубаева об основе топонима Сузак, мы предлагаем другое толкование. В Джанги-Джольском районе Ошской области бытует слово созок в значении "узкая долина, долина между двух гор, холмов"². Интересно также башкирское сусак "солка, холы" [14:121; 28:278] . Значение этих слов более подходит топониму Сузак, отражает географическую обстановку названного объекта.

Сунганды, ал., вп., топоним восходит к древнетюркскому ботаническому термину *sinçkan qay* "ягоды лиция" [5:504] . Аффикс -ды указывает на изобилие сунгана. Это слово не встречается в киргизском языке.

Чаткал, чатк., дол., р., вп. Известны различные толкования значения этого топонима. Х.Х.Хасанов, используя словарь Шайх Сулаймана Бухарий, пишет, что чаткол означает "на ровной местности, теснина, высокий перевал" [34:56] . Г.К.Конкашпаев возводит его к казахскому географическому термину чаткал, шаткал, имеющему значение "каменистая возвышенность, изрезанная многочисленными глубокими ущельями" [13:40] . Другого мнения по этому поводу придерживался М.С.Андреев. "Чаткал в дарвазских говорах - берега, которой много в долине этой реки", - пишет он [2:37] . Его поддерживает С.К.Каравев [9:135] .

Топоним образован от слова чаткал - впадина между двух гор [35:851] , восходящего, возможно, к древнекиргизскому периоду. Собственно слово чаткал с указанным значением не сохранилось в киргизском языке, но оно часто встречается в эпосе. Киргизское чаткал и по формальным признакам и по семантике близко к словам чаткал, шаткал, зафиксированным в словаре Бухария и в казахском языке. Кроме того, этот топоним не является единственным - такие географические названия встречаются в Казахстане [13:44] , Турфанской впадине (вп. Чаткал) и в восточной части КНР (гора Чаткалтаг) [20] .

1 По мнению Б.Койчубаева, именно это слово лежит в основе топонима.

2 Об этом сообщил М.Тагаев, уроженец Джанги-Джольского района.

Эгизек, ал., нп. Топоним восходит к древнетюркским *ediz*, *egiz* "высота, высокое место" [5:163,165] и -эк, аффикс уменьшительности [5:650]. Этот аффикс встречается в словах кыргыек, кодадек в киргизском языке [15:95]. Эгизек "навысокое место".

Яссы (местное произношение Жасы, Жаасы), узг., равнина, степь, пер., р., по ним совхоз "Яссы". Название происходит из древнетюркского *jasi* "степь, равнина" [5:251]. В современных тюркских языках оно звучит так: кирг. жазы; каз., ккалп. жазык; тат. яссы; баш. ясы "обширный, просторный"; узб. ясси "плоский" и др. Это слово употребляется в топонимобразовании Киргизии: Жазы-Сай, Жазы-Токой, мест., Жазы-Бел, пер., Асы, мест., также Средней Азии: Яссы, нп. близ г. Туркестан в Казахстане [34:78]; Ясыдапа, нп. в Чарджоуском районе Туркменистана [32:31]; нп. Язы-Яван, Ак-Язы, Язтапе в Ферганской области Узбекистана [4:179] и др.

Яссы является одним из названий Киргизии, засвидетельствованного в арабо-персидских источниках. Оно в форме Яази, Яасы, Яази зафиксировано в сочинениях средневековых авторов Ибн ал-Асира, Низам ад-Дина Шами, Шараф ад-Дина Ати Йезди, Абд ар-Раззак Самарканди, в сочинениях "Аноним Искандера", "Маджму ат-таварих" [17:104,203,205]. В топониме сохранился нехарактерный для южного диалекта (кроме говоров жителей Ала-Букинского и Джанги-Джольского районов) звуковой переход с-з: Жасы, Жаасы/совр. кирг. жазы, также отголоски первичной долготы: Жаасы. Кроме того, наблюдается семантическая дифференциация: ор., в современных тюркских языках жазы, Яази употребляется в значении "обширный, просторный, плоский", тогда как в древнетюркском языке оно имело значение "равнина, степь". Таким образом, Яссы "равнина, степь".

По предварительным данным древне- и среднекиргизские географические названия представлены в киргизском языке словами атагач, арт, богуз и др. (см. выше).

В области фонетики, хотя и редко, но все-таки наблюдаются некоторые особенности звукового строя древнетюркского языка.

В некоторых географических названиях сохранилась так называемая первичная долгота: Жол-Бөөрүлүк, Бөөрүлүк, пам., мест.; Бөөрү-Көрвөс, батк., уроч.; Бөөрлүк-Ашув батк., пер., мест. Сохранились также звуки, характеризующие пути развития вторичной долготы гласных в киргизском языке¹.

Примеры неразвитой формы задняязычного звука г в инлауте: Согон, ал., нп. Согонду, Чогон, ар., нп.; Сөгет, жгол., нп., Сөгет, Кара-Сөгет, ксуу, нп., Бөгет, лр., нп., Сөгет, лр., нп., Сөгет, Сары-Сөгет, токт., нп. Слова согон, сөгет, составившие основу указанных названий в значениях соответственно "дикий лук", "ива", или "талник" встречаются в киргизском языке, но они малоупотребительны, их можно отнести к разряду устаревших слов.

Как известно, губные дифтонги типа ов, ув, ев, ув являются одной из ступеней развития и образования системы гласных в киргизском языке². Это явление тоже находит отражение в составе географических названий Южной Киргизии. Примеры: Сувлу-Гилбо, лйик., мест.; Тузра-Жылга, батк., мест., уроч.; Эдирекөв, батк., мест., названия летовок Ат-Жайлов, Дам-Жайлов, Катта-Жайлов, Түзөк-Жайлов, Кан-Жайлов, Кызыл-Тов и многие другие.

Встречаются в топонимах древнетюркский задняязычный звук р³ в ауслaute: Сарык-Могой (сарык из сарыг) ал., нп., Курук-Сай (курук из куруг), батк., р., г.; Сарык-Токой, лйик., мест., р.; Кичик-Карагатты, Кичи-Бешик, Кичик-Арал (кичик, кичиг), лйик., мест., р.; Удуг-Арт, пам., пер.; Айык-Арт (айык из айыг), пам., пер., Торугарт, алк., пер.; Кырк-Кечик, ал., мест., и др.

В области консонантизма сохранились в географических названиях также некоторые особенности древнетюркского языка, представляющие определенный интерес для изучения истории звукового строя киргизского языка. Например, м-б(п): Миязды, ал., нп. | кирг. мияз, пияз; с-ч: Согон, ал., нп., Согонду, лр., нп. | Чогон,

1 О путях развития вторичной долготы гласных в киргизском языке подробная см. [37: § 32, 33; 64-79].

2 См. об этом подробно в [37: 107-109; 3: 61-62, 201, 203, 207, 210].

3 Это нетипичное для современного киргизского языка явление, развитое в нем во вторичную долготу. Об этом см. в [37: 110-111].

лр., нп.; й-ж: Иасы, узг., нп., равн. | Жасы (адесь же, вероятно, с-э); д-т: Муздак, токт., г. (даг/таг) гора; й-р: Арык-Төр, токт., г.; кирг. айу, айыт "медведь".

В составе топонимии Южной Киргизии встречается ряд ре-
лиktовых морфологических форм, давно вышедших из употребления
в языке киргизов. Большинство из них рассмотрены Б.О. Орузбае-
вой [27:71-91; 15:93] и Д. Исаяевым [7,19; 6:57-60]. Заслу-
живает внимания мнения К. Койчубаева относительно интерпрета-
ции топонимических формантов типа -ты, -ды, -лы [11:140-146].
О происхождении и развитии аффиксов -лы, -лыг (с вариантами)
в тюркологии имеются различные точки зрения. Однако мнения
сходятся в том, что эти аффиксы несомненно восходят к древне-
му периоду развития тюркских языков, в том числе и киргизского
языка. Значительная плотность распространения древних топони-
мических формантов -лы (с вариантами -ли, -лу; лү; -ды, -ди, -ду;
-ты, -тү), -лык (с вариантами -лук, -лик; -дук, -дык, -тык, -тик)
в Южной Киргизии позволяет утверждать, что эти форманты были
весьма продуктивными средствами в топонимобразовании в древне-
тюркском периоде образования топонимической системы Киргизии. Из
древних аффиксов, сохранившихся в топонимии Южной Киргизии,
отмечаем следующие:

-лы: Майлы-Суу, лр., р., Майлы-Сай, лр., р., гор.; Уларлы,
узг., г.; Ыргайлы-Колот, узг., ложб., уроч.; Арчалы, узг., Кара-
гайлы, токт., г., р.; Саймалы-Таш, лр., г.;

-ли: Кепели, алб., г.; Шилбили, сов., пер.; Шибели, ал.,
пер.; Текели, ал., алк., г.; Эчкили-Суу, узг., р., г.;

-лу: Кожолу, ал., нп.;

-лү: Бүлөлү, ал., нп., уроч.;

-ти: Табылгыты, токт., пер.; Балыкты, токт., мест.; Ташты-
Сай, токт., р.; Карагатты-Сай, батк., р.; Карагайты, алк., лет.,
мест.; Балыкты-Сай, узг., р.; Чабыкты, сов., угодия; Карагатты,
алк., г., лет.; Шырыкты, узг., мест.;

-тү: Сүлүктү, лйк., гор.; Өрүктү, ноок., нп.; Өрүктү-
нун бели, батк., пер., р.;

-ды: Куранды, токт., г., Жарды-Суу, чатк., р.; Талды-Бу-
лак, чатк., сов., узг., ал., ксуу, р., уроч.; Жубанды-Сай, чатк.,

р.; Жыланды-Сай, чатк., р.; Талды-Сай, чатк., р.; Чымынды-Сай, чатк., р.; Шамалды-Сай, лр., пгт., р.; Караганды, лр., р., мест.; Чалканды, лр., мест.; Кайынды, сов., лет., р.; Балганды, сов., мест., р.; Жалбызды, сов., р., мест.; Жыланды, узг., нп.; Кайыңды, сов., мест. и многие другие;

-ди: Четинди-Сай, алб., р.; Четинди, алб., пик; Эрменди, лр., мест.;

-ду: Корумду, токт., узг., сов., р., пер.; Борду токт., р., мест.;

-лык (-лыг (с вариантами -дук, -лык) : Такталык, токт., г., пер., р.; Алмалык, ноок., нп.; Будаык, ал., нп.; Талдык, ал., пер.; Аюулук, ал., г.; Булгандык, лр., нп.; Все вышеприведенные аффиксы -лы, -ли, -лу, -лү, -ты, -тү, -ды, -ди, -ду; -дук, -дык являются вариантами -лы, -лык и в указанных географических названиях они восходят к древнетюркскому аффиксу - *lyg* [5:656] ;

-лик, обозначающий принадлежность, отнесенность к исходной основе [5:656] , Жийдалик, фр., нп. "люди из Жийде"; Чекелик, фр., нп. "люди из Чеке"; Кокондук, лр., нп. "люди из Коканда"; Аркалык, лр., нп. "люди из Арка", т.е. Саварной Киргизии; Кен-Туулук, токт., нп. "люди из Кен-Туулук";

-ек: Этгизек, ал., нп. "небольшая высота, возвышенность"; Ак-Тебек, лйик., мест., р. "белый небольшой холм, сопка"; Дүкенек, лйик., мест., р. - смысл основы неясен; аффикс -ак, обозначающий уменьшительность, встречается в киргизском языке в словах коёнёк "зайчонок", кыргыёк "настребок" [15:95] и восходит к древнетюркскому -а, -ак [5:650] .

В составе некоторых топонимов сохранился аффикс -лак^I, обладающий омонимичными показателями (с вариантами -дак, -так): Карагалак, ал., нп. - место, изобилующее воронами, при карга "ворона"; Ташлак, лр., нп., Таштак, суз., нп. "каменистый"; Төр-Жайлак, токт. г. "горное пастбище". Вероятно, сюда можно отнести и названия с неясными основами: Чалкылдак, ал., пер., мест.; Тумак-Кенилак, ксуу, нп.; Кашкалдак, ноок., нп.

I См. подробнее [17:145-146] .

Список сокращений

а) в названиях говоров, диалектов и языков

- алт. — алтайский язык
- башк. — башкирский язык
- др.-тюрк. — древнетюркский язык
- жарг. — говор киргизов Джерге-Тальского района Таджикистана
- ичк. — ичкиликинский говор (или юго-западный диалект) киргизского языка
- каз. — казахский язык
- ккалп. — каракалпакский язык
- кирг. — киргизский язык
- монг. — монгольский язык
- ног. — ногайский язык
- пам. — говор памирских киргизов
- сев. — северный диалект киргизского языка
- тат. — татарский язык
- тув. — тувинский язык
- тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурские языки
- тюрк. — тюркские языки
- тяньш. — тяньшаньский говор киргизского языка
- узб. — узбекский язык
- уйг. — уйгурский язык
- шор. — шорский язык
- хак. — хакасский язык
- южн. — южный диалект киргизского языка

б) в названиях районов, областей

- ал. — Алайский район
- алб. — Ала-Букинский район
- алк. — долина Алай-Куу Советского района
- ар. — Араванский район
- батк. — Баткенский район
- жол. — Джанги-Джольский район
- иск. — Иссык-Кульская область
- ксуу. — Кара-Суйский район
- лр. — Ленинский район

ляик. - Ляйлякский район
нарын. - Нарынская область
ноок. - Наукатский район
сов. - Советский район
суз. - Сузакский район
токт. - Токтогульский район
уаг. - Уагеноский район
фр. - Фрунзенский район
чатк. - Чаткальская долина

б) другие сокращения

букв. - буквально
г. - гора
гор. - город
дол. - долина
др. - другие
лет. - летовка
ложб. - ложбина,
напр. - например
нп. - населенный пункт
мест. - местность, место
пер. - перевал
пос. - поселок
р. - река
реч. - речка
родн. - родник, источник
руч. - ручей
см. - смотрите
совр. - современный
ср. - сравните
слк. - солка
ур. - урочище
ущ. - ущелье
хр. - хребат

Л и т е р а т у р а

1. А б д р а х м а н о в А.А. Отражение этнонимов в топонимике Казахстана. - Всесоюзная конференция по топонимике СССР/ Тез. докл. и сообщ. - Л., 1965.
2. А н д р е е в М.С. Новые данные по установлению значения слова "Фергана"/ Сообщения Таджикского филиала АН СССР. - Сталинабад, 1950, вып. 24.
3. Г а д ж и е в а Н.Б. Проблемы ареальной лингвистики (среднеазиатский ареал). - М., 1975.
4. Г у б а е в а С.С. Бабур и топонимия/ Этнография имен. - М., 1970.
5. Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
6. И с а е в Д. Жер-суу аттарынн сыры. - Фрунзе, 1978.
7. И с а е в Д. Топонимика Северной Киргизии. - Автореф. канд. дисс. - Фрунзе, 1972.
8. Казахско-русский словарь. - М., 1954.
9. К а р а е в С. Географик ноилар ма'онасини биласини? - Тошкент, 1970.
10. Каракалпакско-русский словарь. - М., 1958.
11. К о й ч у б а е в В.К. Казахские географические названия с формантами -ты и -сы. / Топонимика Востока. - М., 1969.
12. К о й ч у б а е в В.К. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата, 1974.
13. К о н к а ш п а е в Г.К. Казахские народные географические термины. - Известия АН Казахской ССР, № 99, серия геогр., вып. 3. 1951.
14. К о р н и л о в Г.В. О типах топонимов в агглютинативных языках. - ВЯ, 1967, № 1.
15. Кыргыз тилинин грамматикасы/ Морфология. - Фрунзе, 1964.
16. Л е в и т с к а я Л.С. Историческая морфология чувашского языка. - М., 1976.
17. Материалы по истории киргизов и Киргизии. - М., 1973, вып. 1.
18. М а х м у д К а ш г а р и Я. Давони дугат-ит турк, т.Ш. - Тошкент, 1963.

19. Молчаева О.Т. Пробные статьи к этимологическому словарю географических названий Горно-Алтайской автономной области (Буквы а, б, в, г, д) / Лингвистика и методика, вып. I. - Ярославль, 1975.
20. Монгольская Народная Республика / Карта. - М., 1975.
21. Монгольско-русский словарь. - М., 1957.
22. Мукамбаев Ж. Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү, т. I. - Фрунзе, 1972.
23. Мурзавев Э.М. Средняя Азия. - М., 1957.
24. Мурзавев Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974.
25. Мусавев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. - М., 1975.
26. Никонов В.А. Заметки по оронимии Киргизии. / Ономастика Средней Азии. - М., 1978.
27. Орузбаева Б.О. Словообразование в киргизском языке. - Фрунзе, 1964.
28. Псянчин В.Ш. Словообразовательные модели оронимов Башкирии / Ономастика Поволжья, вып. III. - Уфа, 1973.
29. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1974.
30. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т. I. - Л., 1975.
31. Таджикско-русский словарь. - М., 1954.
32. Туркменская ССР. Административно-территориальное деление. - Ашхабад, 1964.
33. Умурзакоев С.У. К исторической топонимии Киргизии. / Ономастика Средней Азии. - М., 1978.
34. Хасанов Х.Х. Урта Осиё жый номлари тарихидан. - Тошкент, 1965.
35. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.
36. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология, ч. I. - Фрунзе, 1959.
37. Юнусалиев Б.М. Кыргыз диалектологиясы. - Фрунзе, 1971.

ЗАМЕТКИ ПО ТОПОНИМИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ТАДЖИКИСТАНА

Среди многочисленных топонимов юго-восточного Таджикистана можно выделить несколько семантических групп, в частности топонимы, связанные с населенными пунктами. В Средней Азии широко распространен туркский термин кишло (оба к – глубокозаднеязычный согласный) "кишлак", "деревня", "селения". Это существительное употребительно в таджикском языке, реже встречается в бадахшанских говорах таджикского языка. В персидском языке оно не применяется. В том же значении в таджикском языке и его говорах, а также и в персидском языке, употребляется иранское дах, даха, дих (х – фарингальный придыхательный согласный). В таджикских юго-восточных говорах в результате отпадения конечного согласного это слово имеет различные фонетические варианты: да, ди, дийа, ды, ду, которые входят составной частью в большое число топонимов. Иногда это слово настолько сливается с определением и определяемым, что образуется неразложимая лексема: Дигуломон (деки гудомон) "деревня рабов", Козиде "деревня казия", "местоположение казия" (Бадахшан), Денау "новая деревня" – железнодорожная станция вблизи Душанбе, посёлок и др.

В горном Таджикистане (юго-восточном) в соответствии с ландшафтом многие селения получили названия, как правильно отметил Р.Х.Додыхудоев [4], по "вертикальной ориентации", иначе говоря, в соответствии с направлением течения реки – сверху вниз. На этот факт обращали внимание и другие ученые – географы, этнографы, историки. В статье Р.Л.Неменовой приводятся типы селений горного Таджикистана, их членение, социальный аспект расселения, а также обширная библиография вопроса [5]. Р.Л.Неменовой принадлежит и специальная глава в коллективном труде "Таджики Каратегина и Дарваза", в которой рассматриваются тип и характер горных селений [13].

Многие селения Дарваза и Ванджа в соответствии с течением реки делятся на три части: верх (верхняя часть), середина (средняя часть), низ (нижняя часть), каждая из которых имеет свое название: сари ду, мина ду, пуни ду - 'сар "голова", "начало", "верх", мина (стяженная форма из миёна) "середина", пун (стяженная форма из поён "низ", диалектное поюн). Нередко одна из таких частей превращается в самостоятельное селение и за ним закрепляется прежнее название этой части, например Минаду - название селения в среднем течении р. Хингоу.

С той же "вертикальной ориентацией" связано и множество других топонимов, в которых определением выступают прилагательные "верхний", "нижний", "средний" (последнее редко): Бадаки боло, Бадаки миёна, Бадаки поён соответственно Верхний Бадак, Средний Бадак, Нижний Бадак (бед "иза", -ак - уменьшительный суффикс), Вахио боло "Верхнее Вахио", Вахиёи поён "Нижнее Вахио" - долина р. Хингоу. Синонимами боло и поён выступают диалектные тор "верхний", таг, та "нижний".

В таджикских говорах Бадахшана и памирских языках наряду с дех, ди употребляется диёр (арабское множественное число от единственного дар/дор "дом", "жилище"). В топонимии эти слова не отмечены.

Местоположение селения по отношению к солнцу находит отражение и в топонимии. К такого рода словам относятся общетаджикские офтобру, офтобруя "солнечный", "солнечная сторона" и сояру "тенивой", "тенивая сторона". Наряду с этими словами в топонимах отмечены и диалектные или субстратные слова с тем же значением: питов "солнечный", "солнечная сторона". Это слово в этом значении засвидетельствовано в персидско-русском словаре Ягелло (14, питаб), афганском [1], памирских языках: мунджанском [2: 242], ваханском [3: 414], ишкашимском [6: 225]. Так, на Вандже в его среднем течении одно из селений носит название Потоу, которое, по-видимому, связано со словом питов "находящийся на солнечной стороне". В Бадахшане нами записано выражение гепи питови "вульгарные слова", "грубые слова", "уличные слова", т.е. сказанные на улице, на солнцепеке, там, где собираются и обсуж-

дают свои повседневные дела односельчане.

В Каратегине (долина р. Сурхоб) два селения названы по находящимся здесь озерам (кул): Кули афтобру "озеро на солнечной стороне", Кули сояру "озеро на теневой стороне". Наряду с диалектным или субстратным питов/потоу в горном Таджикистане отмечено и антонимическое Нышра, Шыширьюн, Шышор, Нушор "теневой", "находящийся на теневой стороне" (ср. Кули сояру), Дараи джуи афтобру "канал на солнечной стороне ущелья", Дараи джуи Нышра "канал на теневой стороне ущелья". Возможно, что с топонимами Нышра, Ныширьюн и подобными связаны топонимы Нысай, Нусай - Вахио боло, также в Афганистане селения на левом берегу против Калай хумба. В мунджанском языке, распространенном в Афганистане, нысай значит "теневая сторона ущелья" [2].

Для селений и старых городов характерно расселение жителей по кварталам, каждый из которых имел свое название, например в кишлаке Сангвор (Вахио боло) было несколько кварталов: Дула, Потергин, Ухад, Кала, Фатграу, Хонои Баланд, Гирангин, Сари ду. Вместе с тем кварталы, хутора, выселки обычно объединяются общим названием, хотя и отдельно стоящий хутор или выселок имеет свое самостоятельное название.

Квартал называется махалла (термин заимствован из арабского и в разных значениях распространен повсеместно в Средней Азии). В Самарканде и Бухаре в настоящее время словом махалла называют преимущественно еврейский квартал, а также близлежащее селение. В Бадахшане этот термин переосмыслился и в иной фонетической форме - мада, маада обозначает "дом", "постройку". Наряду с махалла употребляется иранское гузар "квартал", "переправа", гузаргох "переход". О.А.Сухарева посвятила этим терминам специальную работу [1], а также монографию [12]. Термин куча в таджикском литературном языке обозначает "улица", в Бадахшане этим же термином называется "направление": Кучаи Гунд "сторона р. Гунт", "долина р. Гунт" (Бадахшан). До революции в Бадахшане существовали почтовые станции, слово Бекет в качестве топонима сохранилось и сейчас на Гунте.

Кроме деления на кварталы, существует еще деление на две части, иногда это может быть связано с рекой, протекающей через

селения: Ибар "эта сторона", Убар "та сторона". В Дарвазе под термином Убар понимают Афганистан, левобережный Пяндж.

Достаточно внимательно рассмотреть указатели к трем выпускам издания "Таджики Каратагина и Дарваза", чтобы отчетливо выявить наиболее распространенные географические термины, формирующие топонимию юго-восточного Таджикистана [13]. Приведем некоторые из этих терминов: дара "ущелье", Дарай сабек "ущелье с яблонькой", бог (с заднеязычным спирантом р) "сад" - Боги паст "нижний сад", дашт "плоскость", "равнина", "ровное место" - Дашти хирсон "равнина медведей" (селение в верховьях р. Камароу, Каратагин), Сагырдашт - "равнина сурков", Дарваз, упоминавшаяся выше дах, дих, диха, де, ды, ду "селение", кала "крепость", "крепостьца" - названия селений, многочисленных холмов, курганов, например, Кофиркала "крепость неверных", Калаи лаби об "крепость на берегу реки" (Каратагин); об, ов, оу "вода", "река"; чашма "источник", "ключ". Термины с названия водного источника (гидроним) переходят в название селения, ущелья, группы селений: Оби гарм "горячая вода" - минеральные источники, поселок, курорт (ср. Кисловодск, Железноводск); Гармчашма "минеральные источники", "горячий источник" - река, группа селений, курорт, Ходжа Оби гарм "почитаемый мазар" (Бадахшан); хазрат, ходжа/худжа, би-би "святой", "святая", "патрон", "патронасса" (боби Фотиима и подобные мазары, служившие местом поклонения женщин). Все эти термины обычно употребляются с именем человека в качестве топонима, сюда относится и само слово мазар, лангар (Мазари шариф, Лангари Шо и т.п.); работ/рубот "стойника", "почтовая станция", "каравансарай"; сар "голова", "верх", "над", "у"; Сари ку "над горой", "на горе", Сари об "у веда", "у истока", Сари пул "у моста". Обычно эти термины входят в двучленные топонимы и могут стоять на первом или втором месте.

К числу элементов, формирующих топонимию юго-восточного Таджикистана, относятся цветовые обозначения, преимущественно "красный", "белый", "зеленый" соответственно: сурх, сафад, саба: Сурхоб "красная вода", Сафедсанг "белый камень", Сабзихарф (во второй части архайный топонимичный суффикс). Также к числу эле-

мавтов, формирующих топонимию, относятся прилагательные-антонимы нав "новый", кухна "старый"; Шахринав "новый город", Калаи кухна "старая крепость", Балавд "высокий", паст "низкий" и т.п. а также числительные: Дуоба "место слияния двух рек", Чилдара "сорок ущелий" - в прошлом большое селения в нижнем течении р. Хингоу (Вахиди пова), Хазорчашма "тысяча источников" (Каратагин) и др. [10].

Значительная часть топонимов не поддается толкованию на основе современных таджикского и тюркских языков (тюркская топонимия распространена повсеместно в Каратагине в частично в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР). Часть распространенных здесь топонимов может быть объяснена с учетом современных памирских языков, их лексики и фонетики или с привлечением исторической или архаичной лексики, например, топонимический формант харр/харф. Это свидетельствует об очень давнем заселении этого региона ираноязычными народами, о миграционных волнах, а также о пребывании здесь киргизов или других тюркоязычных народностей [9]. Субстратная топонимия, особенно Дарваза и Ванджа, по своему фонетическому облику отличается от таджикской прежде всего своей краткостью, одночленностью: Джорф, Лахш, Духч, Над, Нид, Скад и др.

Если исходить из семантики современных таджикских топонимов, отражающих ландшафт, местную флору и фауну, древние верования и представления, имена собственные людей и обычаи давать прозвища, то представляется плодотворным с этим критерием подойти и к толкованию таких топонимов, в которых одна из частей является таджикским словом, а другая относится к субстратному слою или к архаичной лексике, ныне вышедшей из употребления [7].

Л и т е р а т у р а

1. А с л а н о в М.Г. Афганско-русский словарь. - М., 1966.
2. Г р ю н б е р г А.Л. Языки Восточного Гиндукуша/Мунджахский язык. - М., 1972.
3. Г р ю н б е р г А.Л., Стаббин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. - М., 1976.

4. Д о д ы х у д о в Р.Х. Микротопонимия (исследования и материалы). - Душанбе, 1975.
5. Н е м е н о в а Р.Л. О селениях Дарваза. Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР, вып. 10-11. - Душанбе, 1956.
6. П а х а л и н а Т.Н. Ишканимский язык. - М., 1959.
7. Р о з е н ф е л ь д А.З. Проблемы региональности и десо-
мантивизации в таджикской топонимии/ Ономастика Средней Азии. -
М., 1978.
8. Р о з е н ф е л ь д А.З. Топонимика нижнего Каратягина в
связи с некоторыми вопросами его истории/ Изв. отд. общ.
наук АН Тадж. ССР. - Душанбе, 1956, вып. 10-11.
9. Р о з е н ф е л ь д А.З. Ванджские говоры таджикского язы-
ка. - Л., 1964.
10. Словарь географических терминов и других слов, формирующих
топонимию Таджикской ССР. Центральный научно-исследователь-
ский институт геодезии, аэросъемки и картографии ГУГК при
Совете Министров СССР, сост. Л.И.Розова, редактор В.И.Сави-
на. - М., 1975.
11. С у х а р е в а О.А. К терминологии, связанной с истори-
ческой топографией городов Средней Азии (ку, махалла, гу-
зар)/ Народы Азии и Африки, 1965, № 6.
12. С у х а р е в а О.А. Квартальная община позднефеодально-
го города Бухары. - М., 1976.
13. Я г е л л о И.Д. Полный персидско-арабско-русский сло-
варь. - Ташкент, 1910.

А. Л. Хромов
(Душанбе)

ОБ АРАБСКОЙ ТОПОНИМИИ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В практике исследований современной топонимии Средней Азии принято выделять арабский топонимический пласт или, по крайней мере, топонимы "с арабскими элементами". Между тем эта проблема не так проста, как кажется на первый взгляд. В свое время автор данной статьи уже обратил внимание на нее [10:128-130]. Здесь она будет рассмотрена более подробно.

Прежде всего обратимся к истории появления арабской топонимии на территории Средней Азии.

Новые социально-экономические и политические условия, возникшие на территории Мавераннахра в период арабского завоевания (УП-УШ вв. н.э.), оказали влияние на топонимическую систему этого региона. Арабы оставляли в завоеванных городах свои гарнизоны, арабские военачальники расселяли арабов и иранцев-мусульман среди местного населения, в результате чего стали появляться новые географические названия, в том числе названия арабского происхождения. Эти факты нашли прямое отражение в средневековых арабских и персидско-таджикских письменных источниках [2:4-6, 8-9]. Наршахи в "Истории Бухары" сообщает о том, что после прихода арабов кварталы города были разделены между арабскими племенами и переименованы в честь этих племен и военачальников. Об одном из таких переименований он пишет следующее: "Когда входил в город через ворота Шахристана, то по правую сторону расположен квартал под названием "Квартал Вазир Ибн Аюб Ибн Хасана". Его называют также "Квартал Ках". Вазир Ибн Аюб Ибн Хасан был одним из военачальников Кутайбы, отец его Аюб был эмиром Бухары. Именно он был назначен Кутайбой Ибн Муслимом первым эмиром Бухары в период ислама".

Арабизация топонимии проводилась в основном по двум направлениям:

а) замена местных топонимов топонимами, сформированными на базе арабского языка;

б) уподобление местных географических названий арабским по форме.

Селение Аркуд под Бухарой было переименовано арабами в Затут/таваис, или Таваис "павлины". Одно из селений в округе Каш после того как оно было сожжено арабами, получило название Ал-Мухтарика "пепелище". В окрестности города Джанд имелось селение, названное арабами Кирят-ул-джадид "новое селение" (впоследствии оно было переименовано в тюркское Янги Шахар "новый город"). Захватив хорезмский город Фил, арабы называли его Мансура. Одна из крепостей на берегу Муртаба, завоеванная арабским полководцем Ахнафом, получила название Замок Ахнафа, а относящийся к ней рустак стал называться рустак Ахнафа. Селение Наршах, родина Наршахи, имело другую, арабизованную форму Нарджак, город Гургандж назывался арабами Джурджания, а город Нахшаб - Насаф.

Арабские источники часто калькируют названия иранского происхождения, как правило западноиранские топонимы¹, значение которых в то время было понятно. Так, упоминается город Баб-ул-хадид "железные ворота", расположенный в окрестностях Каша и Нахшаба, который имел иранское название Дар-и аханин с тем же значением. В известном "Словаре стран" Якута Хамави (XIII в.) встречаем топонимы Кабира (калька иранского Дих-и бузург "большое село") и Ар-Радрада (калька перс.-тадж. Сангрэва "каменьпад"). Одна из местностей под Самаркандом в арабских источниках упоминается как Ра²с ул-варг, а в персидско-таджикских как Раг³сар "голова плотины". Остается пока невыясненным факт, являлись ли эти арабские названия официально признанными наряду с иранскими эквивалентами, или они были плодами переводческой деятельности арабоязычных авторов.

¹ Термин "западноиранский" используется здесь в лингвистическом значении: ср. западноиранские и восточноиранские языки.

И все же материал письменных источников свидетельствует о том, что с приходом арабов на территорию Мавераннахра в УП-УШ вв. резкой смены топонимии не произошло: мусульманские географы X в. н.э. приводят те же географические названия, которые отмечаются и в домусульманских источниках У в.н.э. [3:188] Топонимы, возникшие на базе арабского языка, составляли незначительную долю всей топонимии Мавераннахра.

Чем же объяснить это? Сама топонимия на этот вопрос ответ дать не может. Поэтому необходимо обратиться к истории народов Средней Азии. В этой связи особого внимания заслуживают выводы В.В.Бартольда о том, что по понятиям того времени, всякий человек, принявший ислам, тем самым становился арабом, что число арабов, переселившихся в Среднюю Азию, не было значительным, что страды из хорасанцев, т.е. среднеазиатских иранцев, впоследствии также из турков, составляли главную восточную опору аббасидских халифов, а вельможи хорасанского происхождения занимали главные должности как в центре халифата, так, в особенности, на восточной окраине, и, наконец, что арабы в Туркестане не строили новых больших городов, как в Персии (Шiraz и Кум) и Закавказье [3:119,120,456].

Следует отметить, что происходил процесс слияния арабов с местным населением и в X в. уже не было городов, в которых арабы составляли бы большинство населения, как в Персии в городе Куме [3:195]. Как средоточие арабского населения упоминается лишь селение Водар под Самаркандом [3:195], название которого, кстати, не арабское. Учитывая все это, не приходится удивляться тому, что арабская топонимия была крайне малочисленной, и основную массу топонимов и во время арабского завоевания, и в последующие эпохи продолжали составлять иранские и туркские топонимы. Если принять во внимание эпоху монгольского нашествия (XIII-XIV вв.), внесшую заметные изменения в топонимическую систему средизазиатского региона, то рассчитывать на сохранение значительной доли арабской топонимии не приходится. Весьма примечательно, что все названия бухарских кварталов, упомянутые в "Истории Бухары", кроме одного, исчезли еще в период

средневековья. О.А.Сухарева подчеркивает; "мы не встречаем их не только среди названий XIX - начала XX вв., когда были выявлены все бухарские кварталы полностью, но и среди многочисленных названий, известных нам по письменным памятникам XV-XVIII вв." [9:295].

Значит ли это, что в наши дни арабская топонимия не сохранилась на территории Средней Азии? Утверждать, это мы не можем, так как, с одной стороны, материал по топонимии Средней Азии собран далеко не полностью, и, с другой, необходимо осуществить кропотливую работу по сопоставлению средневековой топонимии, зафиксированной в источниках, с современной среднеазиатской топонимией. Не исключено также, что ряд арабских топонимов со временем преобразился, как это имело место в других регионах, где арабы господствовали в прошлом, например в Испании [14] или на острове Мальте [13], хотя, учитывая роль арабского языка в ираноязычных и тюркоязычных областях, подобное преобразование мало допустимо.

Итак, нельзя отрицать возможность обнаружения некоторого числа названий арабского происхождения в топонимии Средней Азии, но в отношении каждого из них необходимы веские доказательства того, что онигизация произошла именно на базе арабского языка, по его топонимическим моделям. Между тем исследователи по-разному подходят к интерпретации названий, которые, по их мнению, связаны с арабской топонимией. Одни выделяют "арабский топонимический пласт" [12:19], другие обнаруживают "арабско-персидские заимствования" [4:16-17], или "топонимы с арабскими элементами" [7:10]. Приводимые исследователями примеры не подкрепляют их выводов, так как все они явно свидетельствуют либо об ираноязычном, либо о тюркоязычном происхождении топонимов. Названия Имомкулбулок, Иброхимбулок, Исмоилтана, Салавоткишлок никак не могут быть отнесены к топонимии арабского происхождения да еще составлять "целый топонимический пласт" [12:19]. Уже сама их структура свидетельствует о тюркском происхождении. Так же обстоит дело с топонимами Янгихайёт, Ёризовор, Кармозор и абсолютно правилен вывод, что с "точки зрения обра-

зования такие модели топонимов являются продуктами самого узбекского языка" [6:25].

Выделение "топонимов с арабскими элементами", "персидско-арабских" или "тюркско-арабских" топонимов, ошибочное отнесение к арабскому топонимическому пласту иранских и тюркских топонимов, содержащих лексику арабского происхождения, объясняются одной причиной: смешением топонимического и апеллятивного уровней. Хорошо известно, что лексика арабского происхождения составляет значительный процент словарного фонда иранских и тюркских языков. Часть этой заимствованной лексики, наряду с исконной лексикой, оказалась вовлеченной в сферу топонимии, построенной на базе иранских и тюркских языков. В таком случае при выявлении языковой принадлежности топонима определяющую роль играет этот факт, на базе топонимических моделей какого языка произошел процесс онимизации, а не этимология апеллятива, что составляет лингвистическую проблему, решаемую в плане истории языка, а не топонимики. Даже когда мы имеем дело с одной заимствованной лексемой, выступающей в функции топонима, мы должны доказать арабское происхождение этого топонима не только чисто лингвистическим путем, но и с учетом экстралингвистических факторов. Например, тот факт, что топоним джебель "гора" в топониме Джебель (поселок в Красноводском районе Туркменской ССР) [2:131], этимологически арабского происхождения, еще не говорит за то, что сам топоним возник на базе арабского языка. Слово джебель, давно заимствовано персидским языком [8:762] и нет конкретных свидетельств, что в данном случае его онимизация произошла на арабской, а не персидской основе. Прежде чем причислить тот или иной топоним к арабской топонимии, мы должны, выражаясь медицинской терминологией, поставить "диагноз на подозрения" его арабского происхождения. При этом первоначальное значение должно придаваться экстралингвистическим факторам. О их существенной роли свидетельствуют, например, обстоятельства появления некоторых арабских топонимов на территории Афганистана. Название Джамаль-ус-Сирадж "Гора Светоча" было дано афганским эмиром Хябибуллой Ханом селению Парван в Север-

ном Афганистане, которое он собирался превратить в большой город. А ирригационный канал около Кандагара был назван им Нахр-ус-Сирадж "Канал Светоча". Оба эти названия связаны с почетным титулом эмира Сирадж-ул-миллат вад-дин "Светоч народа и веры" [I:15-16]. Эти примеры дают возможность предполагать, что и в Средней Азии часть арабских топонимов могла появиться гораздо позже эпохи арабского завоевания искусственным путем по указанию феодальных правителей.

При выявлении и анализе арабской топонимии на территории Средней Азии необходимо также учитывать структурные и семантические особенности топонимии арабоязычных регионов [15].

Исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, мы можем утверждать следующее: арабский топонимический "пласт" в современной топонимии Средней Азии не обнаружен, "персидско-арабские", тюркско-арабские топонимы и "топонимы с арабскими элементами" оказались явно иранскими или тюркскими. Дальнейшее исследование современной среднеазиатской топонимии покажет, в какой мере сохранились (или вовсе не сохранились) арабские топонимы. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что рассчитывать на обнаружение целого топонимического пласта арабского происхождения не приходится.

Л и т е р а т у р а

1. А н д р е е в М.С. По этнологии Афганистана. - Ташкент, 1927.
2. А т а н и я з о в С. Топонимический словарь Туркменистана. - Ашхабад, 1970.
3. Б а р т о л ь д В.В. Сочинения, П(I). - М., 1963.
4. К а д ы р о в а Ш.М. Микротопонимы Ташкента. - Ташкент, 1970.
5. К а р и м о в а Л.Г. Топонимы в североузбекских говорах. - Ташкент, 1972.
6. Л а т ы п о в , Д ж о х о н г и р. Топонимия города Маргилана и его окрестностей (лингвистический анализ). - Ташкент, 1975.

7. Н а ф а с о в Т. Топонимы Кашкадарьинской области. - Ташкент, 1968.
8. Парсидско-русский словарь, т. I. - М., 1970, с. 430; Словарь таджикского языка (X - начало XX вв.), т. 2. - М., 1969.
9. С у х а р в а О.А. Квартальная община повданафодаально-го города Бухары (в связи с историей кварталов). - М., 1976.
10. Х р о м о в А.Л. Состояние и задачи топонимических исследований в Таджикистане. - Вопросы языкознания, 1977, №4.
11. Х р о м о в А.Л. О структурных особенностях иранской топонимии Мавараннахра в период IX-XIII вв. /Восточная филология, вып. III. - Душанбе, 1974.
12. Х у д ж а м б е р д и е в, Я р и к у л. Историко-этимологическое исследование топонимии Сурхандарьинской области. - Ташкент, 1974.
13. Aquillina J. Appunti di toponomastica maltese. VII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche. Atti del Congresso, vol. I. Firenze, 1962.
14. Asin M. Contribution a la toponymia arabe de Espana. Madrid, 1944; H. Lapeyre. Geographie de l'Espagne morisque. Paris, 1959; Luis Seco de Lucena. Toponimos Arabes. Grenada, 1974.
15. Ulrich Thilo. Die Ortsnamen in der aljarabischen Poesie. Wiesbaden 1959; Stefan Wild. Libanesische Ortsnamen. Typologie und Deutung. Beirut, 1973.

Э.М.Мурзаев
(Москва)

АПЕЛЛЯТИВЫ В ТОПОНИМАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Нарицательная лексика активно участвует в образовании собственных географических названий. Это прежде всего относится к именам физико-географических объектов. В номинации населенных пунктов местные географические термины, хотя и играют определенную и достаточно заметную роль, но в первую очередь испытывают сильную конкуренцию со стороны антропонимии, а также во многих районах и этнонимии. При этом если местные географические термины и формируют названия деревень, сел, городов, то нередко их названия оказываются вторичными, перенесенными с соседних, опять же физико-географических, объектов. Такое явление наблюдается повсеместно: Клань-Колено, Магнитогорск, Верталь, Черная Грязь, Равда, Монче-Тундра и т.д.

В данной статье на примере апеллятивной топонимической лексики сделана попытка показать место географических терминов в образовании топонимии среднеазиатских республик и некоторых сопредельных с ними областей и стран. При этом важно указать на конкретное географическое значение терминов в разных районах, когда выявляются смысловые сдвиги.

В приведенных вводных словах нет ничего оригинального или неизвестного. Интересными представляются раскрытие географических реалий народных терминов, их ареалы, разный уровень активности в процессе топонимизации.

Материал расположен в алфавитном порядке. В каждой словарной статье принята следующая последовательность: определение и распространение термина, его этимология (если она найдена), примеры собственных географических имен.

Ссылки на источники и годы издания даны в скобках [Конкашпеев, 1971] с последующим полным названием в списке литературы. Сокращения сделаны по форме, позволяющей их раскрыть без дополнительных указаний.

А д ы р - весьма распространенный тюркский термин, обладающий различным географическим содержанием. Средняя Азия, Южная Сибирь. Участок пустынных равнин Туркмении, лишенный песков, но с мягкими почвами, что противопоставляется кыру. Понижение в рельефе Северных Каракумов с поверхностью, покрытой панцирем щебня из маргелистых пород на глинистых грунтах. Также суглинистая, лессовая пустыня с серо-бурыми незасоленными почвами, используемая под пастбища. В Ферганской долине и Семиречье адры - эродированные холмистые предгорья, окружающие по периферии хребты Тянь-Шаня, пояс между горами или равнинами. Здесь адры сильно расчленены оврагами, размыты, имеют ландшафт пустынь или полупустынь, где обычна весенняя эфемерная растительность. Предгорья - адры русское и украинское население удачно называет прилавками, это хорошо характеризует их положение. В Казахстане - отдельные низкие горы, холмы, разрушенные увалы, образованные коренными породами, как, например, в Казахском мелкосопочнике. В южных степях этой республики небольшие плоские останцовые возвышенности, разрушенные столовые гряды. В Киргизии холмистая местность, увалы, взгорье. Такая местность не может орошаться, добавляет К.К. Юдахин [1965], и майда адыр - небольшой адыр. В Туве - отрог горы, ответвление горного хребта, водораздел, развилка, приток реки. В хакас.яз. азыр - водораздел, рукав реки, ручей, извилина, разветвление. Термин известен и в горной части Таджикистана в долинах Сурхоба и Хингоу в форме адир. У ногайцев адир - бугор, холмистая местность, пастбище. Однако ни азербайджанские, ни турецкие словари не фиксируют термина адир. Нет его и в Словаре географических терминов Азербайджана [Бушкува, 1971]. Но А.Г. Гасанов и Г.А. Гайбуллаев [1977] находят собственное название Адур, считая его формой от адыр (адир, адар) и одной из тюркских лексем, говорящей о древности тюркоязычного пласта в топонимической стратиграфии республики. Термин адир вошел в русскую научную географическую терминологию в значении "беспорядочный холмистый эрозионный рельеф в предгорьях". ЭСГТ [1968] дает такое определение: "холмисто-увалистые предгорья, окаймля-

ющие горные хребты Тянь-Шаня (в Фергане, Семиречье). Высота относительно прилегающих равнин 100-400 м. Сильно расчленены оврагами". Слово этимологически связано с айыр в значениях от- делять, разделять, раздвигать, обособляться и т.д. Ср. адыр в тув., азыр в хакас. Среди других значений: развилина, изви- лина [Савортян, 1974] и приведенные выше отрог хребта, при- ток реки; эрозионный рельеф, расчлененный, разделенный на час- ти. В этом географическая реалья. ♦ Только в оронимии Кирги- зии В.А.Никонов [1978] указал на присутствие термина во вто- рой позиции в пяти топонимах: 2 в названиях хребтов, 3 в назва- ниях вершин. Низкогорье Донгуз-Адыр на северном побережье Ис- сык-Куля, Чуль-Адыр и Кара-Адыр, ж.д. станция Адыр на восток от Атбасара в Казахстане, возвышенность Акбаш-Адыр на юга Тад- жикистана, р. Кара-Адыр и Орта-Адыр в Туве, руч. Мокрый Адыр- лыг в Усть-Абаканском районе в Хакасии.

А й и р - проток, бифуркация реки, отщербек горы, водо- раздал (тюрк.). Осн. значение: разделяться, ветвиться, разви- лка, Айрыдж в азерб. - перекресток дорог, разъезд. В алт. айры - проток, рукав реки, горное отщепление, в уаб. - айры. Из тюрк. заимствовано в Таджикистане: айрык - теснина, ущелье, разделя- ющая горы, расщелина. В Казахстане: "Аир - название многих гор и перевалов (повсеместно). Восходит к тюрк. - развилина [Кой- чубаев, 1974] . Не сюда ли монгольский термин айрик, арак - малкосопочник, ряды невысоких гор или холмов, разбросанные в беспорядке в одном и том же направлении параллельными оврага- ми? В Гоби - расчлененные предгорья, адыры, сухое русло, овраг [Каззаквич, 1934] . Этимологически связано с адыр. ♦ Много топонимов: р. Караайры, г. Каяайры на Алтае; р. Кульайрык и г. Айрытош в Таджикистане; Аиртау - часть гор в Улугтау в Казах- стане; Кашкад-Айры и Кебак-Айры - в Башкирии и др. Интересно: гор. Орел стоит на р. Орел, ныне Орлик. В Ипатьевской летописи она поименована Краль, "его же Русь зовет Угол" по месту впаде- ния реки в Оку. Это позволило Г.П.Смолицкой [1974] этимологи- зировать данный топоним и связать его с айыр, айры.

А р а л - остров (тюрк., монг.), лесной островок в степи, роща деревьев (авенк.), заросли кустарников, лес, урема по берегам рек и озер (Алтай). В западно-тюрк. яз. не встречается, где употребительно ада. В узб. орол. В шорс. ар-гы - остров, но и рукав реки; в тув. арыг - пойменные кустарники и деревья; в якут. арыг - остров, лесок, луг или пашня среди леса; хакас. арыг - роща, заросли, рукав реки, проток. В связи с этим интересно указание В.А.Казакевича [1934]: врад - река в монг. яз. Саварного Тибета. Э.В.Савортия [1974] видит древний корень ар в значении вода; ср. венг. аз - поток. Не исключается и связь с тюрк. ар - отделять, разделять; ара - промежуток, расстояние между двумя объектами. Слово чрезвычайно продуктивно в образовании собственных географических названий. Аральское море по местности Арал в дельте Амударьи - остров между ее дельтовыми руслами; г. Аральск в Казахстане; гора Аралтобе - вершина в Казахском мелкосопочнике; с. Арал на Тариме в Синьцзяне, с. Арал при слиянии Джунгаля и Кёкёмерена в Киргизии; оз. Аралсор в Прикаспийской низменности, где пройдена глубочайшая семикилометровая буровая скважина; о. Пайгамбар-Арал на Амударье близ Термеза - биологический заповедник; ж.д. станция Арал в Таджикистане. Обычны в Средней Азии и Казахстане: Аралкум, Кумарал, Аралтобе. Новообразование: совхоз Пахта-Арал близ Ташкента. В Якутии: с. Ары-Тит, г. Ары-Хая (островная гора), оз. Арылах, о. Харья-Ары на Лене, р. Ары-Мас и др. [Комаров, 1964]. Интересно: в "Книге Большому Чертежу" Уральский хребет на юг от Уфы, в истоках р. Урал (Яик) поименован Аралтовы и Оралтовы горы. Этимология Урал от Аралтау имеет своих сторонников. Однако есть и противники.: Уралтау - "опоясывающая гора" (тюрк.) - [Конкашпаев, 1971 и Бахтияев, 1974].

А р к - цитадель, крепость в старых среднеазиатских городах. Сооружается на возвышении, холме. Можно сопоставить с нашим кремль. Этому термину посвятил статью В.В.Бартольд [1971, 7]. В ней читаем: "Персидский термин арк в смысле "цитадель" не имеет, насколько известно, ни индо-европейской, ни арийской

(индоиранской) этимологии; по звуковому составу его можно сблизить с греч. акра и латин. акх и признать заимствованным из классических языков... Широкое распространение термина арк относится к первым векам после монгольского нашествия". Ср. лат. акх - вершина, холм, крепость, акрополь, защита, убежище; греч. акрон - вершина; акрос - верхний, акрополь - возвышенная, укрепленная часть города, крепость; досл. - верхний город. Не следует сопоставлять с тюрк. арк - сила, могущество, воля [Радиоз, 1893, I] или с рус. арка, аркада, восходящее к итальян. арко и латин. аркус - дуга. Арк в Бухаре, ныне центральный исторический музей; Арк в Андижане, Самарканде. В Восточном Туркестане Арк - цитадель в гор. Хаме. В этом ряду нарицательное арк часто воспринимается как собственное название Арк.

Б у р у н - нос, клюв (тюрк.), то же мурун. Много географических названий в тюрк. и слав. яз.: глубокий след в топологии: мыс, горный выступ, отрог горы, песчаная гряда, песчаный бугор, коса, утес, крупная волна с завихрением, морской прибой, шторм, бурное место в море. В Полтавской обл. - сугроб снега, в районе Минеральных вод - карстовый провал. На Северном Каспии забурунь - коса, береговой вал, надводные береговые бугры на мелководье. На Белом море - волна с большим грабнем над мелью, над подводным камнем, над скалой [Андросова, 1937]. На юге Воронежской обл. - голые песчаные гряды, дюны на левобережных надпойменных террасах рак [Мильков, 1970]. Сюда ли буруны - небольшие ручьи при снеготаянии или после ливней? Там же. В болгар. бурун - мыс, коса, небольшой холм, продолговатый пригорок, вершина [Григорьян, 1975]. Бурун в значении волна некоторые авторы предпочитают связать со словами буря, бурлить. Однако другие остаются на тюркской почве. Форма бурун присуща туркм., азерб., турец., крым.тат., узб., кумык. яз. В ногайс. бурун. Казах, кирг., якут. мурун. Аллювиальный песчаный массив Тарские Буруны в Ногайской степи, где так называемые бурунские пески используются как пастбище и сенокосы, а местами под виноградарство; с. и зал. Забурунь на

северном берегу Каспия. Несколько сел, скал, утесов Кызбурун "девичий нос" в Кабардино-Балкарии. Мыс Ай-Бурун "святой нос" на южном берегу Крыма (ай из греч. *αἶας* - "святой", храм, церковь), мыс Монастырь-Бурун, на котором стоит замок "Ласточкино гнездо", там же; хр. Бурундаг, г. Акбурун, г. Карабурун в Азербайджане; г. Мурунтау в пустыне Кызылкум в Узбекистане, известное месторождение золота; ж.д. станция Кусмурун - птичий клюв в Кустанайской обл.; в Казахстане: р. Мурынбулак, г. Мурунтал, г. Мурункарак; оз. Мурунах в Якутии; г. Мурун в Олекмо-Чарском нагорье в Восточной Сибири. Мыс Инджебурун - северная точка Турции на берегу Черного моря, Карабурун, Бозбурун, Едибурун на средиземноморском побережье Турции.

Д а р а, д а р е - ущелье, каньон, овраг, горный проход, горная речка (тадж., турк.). В кирг. из иран. *дара* - теснина, ущелье, овраг; в Крыму *дара* - овраг, узкая долина. В лакс. и лезгин. - ущелье, овраг, долина; афган. *дара* - долина, ущелье, речка; перс. *дарз* - ущелье, долина, перевал. Ср. *дара* - водный поток в Пакистане. Из турец. в болг. *дара* - овраг, речка, русло, долина. Следует связать с тадж. *дар*, перс. *дар* - дверь, вход, горный проход, перевал. Ср. арм. *дур* - дверь, горный проход. Отсюда известное географическое имя Дарьяльского ущелья р. Тарек на Северном Кавказе, по которому проложена Военно-Грузинская дорога, из исходной формы: Дар-и-алан - проход, ущелье аланов. Интересно: "Я убежден, - писал А.А.Марлинский [Повести, рассказы и романы, П., 1914], - что Кавказские ворота древних, Железные ворота русских историков, находятся не в Дарбенте, а в Дарьяле (*дар-ёл* - узкая дорога, теснина)". Дарачичаг - долина цветов в Армении; Байдарская долина и Байдарские ворота в Крыму. Многочисленны топонимы: Акдере, Узундере, Дарбанд, Дарбанд, Дараноб, Дараб и многие другие в Средней Азии, на Кавказе, в Афганистане, Иране, Турции, Пакистане. Вне ряда: Дар-ес-Салам, столица Танзании, из араб. *дар* - дом, жилище: "дом мира".

См. *дарбаза*, *дарбент*.

Д а р б а з а, д а р в а з а - букв. "ворота" (иран., турк.). В топонимии: горный проход, ущелье, урочище между хол-

мами. Тадж. и узб. форма дарвоза, азерб. дарваз, туркм. дарвазе. Ср. дарвас - ворота в арм. и дарбази - царский двор, дворец, зал в груз. Сообщение Г.Зардалишвили. Ираноязычная основа, по-видимому, сопоставляется с другими индо-евр. словами: др.-инд. *dvāraś* - двери, *dvāram* - ворота, литов. *duris*, латыш. *duris*, готтское *dawr* - ворота; рус. дверь; параллели из М.Фасмера [1964]. Множество топонимов в Средней Азии, Кавказе, Среднем Востоке: Дарваза - район Серных бугров в Туркменских Каракумах; р. и пер. Дарбаза, пер. Дарьзакум и горный хр. Дарвазский в Таджикистане (Дарваз) одни производят от таджикских слов дар "дверь" и роз "открытый", т.е. "открытая дверь". Другие считают это название происходящим от доброз - "канатоходец": с. Дарваза в Армении; с. Надарбазев и с. Дарбази в Грузии; с. Дарвазбина в Азербайджане; с. Дарвази в Иране.

См. дара, дарбанд.

Дарбанд - горный проход, ущелье, крепость (азерб.). Так же дарбент - горный проход, ущелье, пролив (турки. турец.); дарбанд - теснина, узкий горный проход (узб.). В турк. яз. из иранских: тадж. дарбанд - теснина, узкий проход в горах, перевал, крепость, застава; перс. дарбанд - горный проход, перевал, ущелье, застава, крепость, пролив [Розова, 1975; Савина, 1971]. Сложное слово: дар, дэр - дверь, вход, проход, привал + банд - плотина, вал, преграда. Из турец. в болг. яз. дарвент - ущелье, теснина, горный проход (уст., диал.) [Григорьян, 1975]. Вспомним и араб. дарб - горный проход, перевал, ущелье, вход (досл. дверь, ворота), откуда заимствовано в перс. и тадж. Обильны топонимы на Кавказе и странах Среднего и Ближнего Востока: гор. Дарбент в Дагестане, с. Дарбентское на запад от Новороссийска, р. Дарбанд в Армянской ССР; ущелье Дарбанд в Азербайджане; с. Дарбент в Сурхандарьинской обл., пер. Дарбанисурх в Таджикистане. В словаре В.И.Савиной приведено 14 топонимов этого ряда в Иране: г. Дарбент (2716 м) в Армянском Тавре в Турции; с. Дарбент в северо-восточной части Ирака близ Эрбиля; ил Дарвента в Югославии.

См. дара, дарбаза.

Д е х, д и х - "деревня, кишлак" (тадж., перс.). Ср. ди - селения в татском яз. в Ленкорани и в тадж. диал.; де, ди в некоторых памир. яз. А.Л.Хронов [1974] составляет с др.-иран. *dīza* - укрепленное место, крепость; авест. *daēz* - складывать в кучи (землю, камни), др.-перс. *dida* - укрепленное место, замок, крепость. В современном Иране дахистан - сельское объединение, несколько деревень, мелкая административная единица. В турк. яз. слово в форме диза - крепость, укрепление на холме, вершина горы сохранилось в азерб., что легко сопоставить с перс. диз, дэз, дуз - крепость, укрепление на вершине горы, замок, город. О.И.Смирнова [1971] указывает на согдийский источник: диз, диза - крепость, цитадель, что повторяется в топониме Аспанза из Аспантарматдиза "крепость бога земли" в Самаркандском районе. У И.Дуриданова [1976] интересен ряд: фракийское *dixa*, *dixos* - крепость, авест. *paivī-dizga* - ограда, старо-перс. *dida* - крепость; что в другой огласовке родственно с греч. словом *teichos* - каменная стена, стена. ♦ гор. Дайнау Сурхандарьинской обл., пгт Дайнау Чарджоуской обл., с. Дех и Дехикадун в Таджикистане; пгт Дигих в Азербайджане; Дехбаг, Дехбозор Дехноу в Иране; с. Диза, с. Камадиза в Азербайджанской ССР. В словаре В.И.Савиной [1971] приведено 70 топонимов Ирана, образованных при помощи термина диза.

К а б а к - букв. "бровь, веко" (турк.). В географ. терминологии: алт. - вытянутая возвышенность с пологими склонами; казах. - высокий барег реки или озера; обрыв, карниз над пропастью, тартраса [Конкашпаев, 1951]; кирг. - впадина; тувин. кавак - пригорок, осн. значение - лоб; хакас. камак - лоб; башк. кабак - обрыв [Молчанова, 1973]; якут. кабах - уступ, обрыв, крутой барег [Комаров, 1964]; азерб. гобат (кабаг) - передняя сторона; обрыв [Бумуева, 1971]. Как семантически увязать карач.-балкар. кабак, букв. ворота, кабардинское - селение, деревня [Коков, Шахмурзаев, 1970]. О последнем слове см. у М.Фасмера [1967, 2], этимологии которого пытались сопоставить с рус. кабак в значении - трактир, пивное заведение, что мало удовлетворительно. ♦ г. Кавактау на Тянь-Шане в Киргизии;

ип и реки Кабак и Каракабак в Омской обл.; ур. Аккабак и Каракабак в Казахстане; с. и г. Габагтепа и р. Кабаглычай в Азербайджане; с. Орта-Кабак, с. Тобен-Кабак и Аман-Кабак в Кабардино-Балкарской АССР; р. Кабак, с. Хабах-Сайлыгы в Якутии; в микропонимии Тувы: Чайлык-Хавак, Даштыг-Хавак.

К а и р - мелкий песок, отмель, мелководье, береговая коса (тюрк.). Ср. др.-тюрк. *gařiz* - песок, рыхлая земля. В региональной географической литературе по Туранской низменности: **каир** - пойма, заливаемая часть долины. Отсюда: в дельте Амударьи **каирное** земледелие - не нуждающееся в поливе и обеспеченное естественным увлажнением почвы. Такие массивы расположены вдоль каналов и разливов с высоким уровнем грунтовых вод. Ср. кирг. **кайрак** - неполивное земледелие. Легко прослеживается монг. параллель: **хайр** - мель, галька; **хайраг** - гравий, галька. У В.В.Радлова [1899,2] отмечены такие же значения слова **каир**: 1) солончак в горной местности для Саян, что косвенно отвечает приведенным выше определениям: пойма, заливаемая часть долины; обрывистый, крутой. Это второе значение соответствует алт. **каир**: крутизна, крутой; обрывистый, отвесный; быстрина реки. Последнее вытекает из содержания термина в смысле: мель, мелководье, на которых неизбежно увеличивается скорость течения.

Озёра Каири Кайрак, Кайраколь, Кайранколь в Казахстане. Эти топонимы Е.Койчубаев [1974] переводит - вязков; с. Каирлык и р.Каирлык на Алтае; с. Каиры в Одесской обл., ип.Каирчик на юг от Канска в Красноярском крае; р. Каирты на Алтае в верховьях Черного Иртыша; разъезд Каир Казахской ж.д. между Аральским морем и Эмбой; пески и гор. Кайраккум в Таджикской ССР.

К а м а р, к е м е р - склон горы, скат, уступ, берег, обрыв; холм, гора (тюрк., иран.). В Казахстане **кемер** - ряд возвышенностей, окаймляющих полукругом пониженную местность. Обрыв, береговой вал, берег, урез воды [Конкашпаев, 1951]. В Азербайджане **кемер** - подмытый берег, гора, холмы, возвышенности, окружающие низину. В Таджикистане **кемар**: 1) склон, уступ; 2) углубления, промытые водой в реке, ущелье, расщелина. Ср. узб. **кемар** - промоина, рывина, уступ; кирг. - подмытый

водой барег, круча, промоина, а также поясной ремень. Перс. камар — гора, холм, гребень горы; афг. камар — склон холма, скат. Исходное значение: иран. камар, камар — пояс, талия, середина чего-либо [Савина, 1971]. Ср. азерб. камер — пояс, груз. камари — то же, осетин. камари — женский пояс. Осетины заимствовали из груз. яз. [Абаев, 1958, 1]. Следует ли отделить от бурят. и монг. хамар — нос, мыс, утес, отрог горы? ◇ с. Камар, с. Заркамар, р. Камаров, г. Кызылкамар в Таджикистане [Розова, 1975]; с. Камар в долине Ангрена и с. Сарыкамар в Узбекской ССР; с. Камерли в Азербайджанской ССР; оз. Кемертуз в Павлодарской обл. В Турции обычный топоним: Камер, Камерли, Камербургаз; нп. Дай-эль-Камар на юг от Бейрута в Ливане. Зал. Камар в Аравийском море. Термин очень част в топонимии Ирана, главным образом в названиях населенных пунктов и орографических объектов. Пещеры Кара-Камар по левобережью Пянджа, в которых датирована жизнь первобытного человека радиоуглеродным методом в 30000 лет. Особо нужно сказать о названии областного центра Камерово, который получил свое имя по деревне Камерово, основанной в 1836 г. [Митарев, 1970]. Исходное значение от камар, однако оформление на -ово позволяет думать о топонимическом переходе через личное имя, на что обратил внимание В.А.Никонов [1966].

Ла й, л о й — ил, грязь, мягкая, жирная глина, тина (тюрк., иран.). Остаточная жидкая грязь вместе с песком на дне колодца, после его чистки или исчезновения воды (тюрк.); муть, жидкая грязь, мутная илистая вода (казах.). В кирг. млай — муть, жидкая глина. К.К.Юдахин [1965] указывает на заимствование из иран. яз. Тадж. и узб. лой — муть, грязь, жидкая глина. В Средней Азии лайсу — ледниковые потоки с обильным количеством взвешенных наносов, мутные горные воды. В тадж. лойоб — грязная глинистая вода, паводковые воды. Интересное словосложение: лайистан — место, откуда берется глина для постройки домов, карьер в Самаркандском районе. Татар. и башк. лай — ил, тина. Ср. перс. лат — глинистые наносы, оставленные рекой или селам, мягкая глина [Савина, 1971]. Нельзя не вспомнить монгольские

лаксем: лай - сор, пыль, ил; лайдах - грязный, засорившийся колодец; лаг - ил, озерная вязкая глина. ◇ кол. и такир Лайлы в Северных Каракумах и бугор Сыр-Лайлы в юго-западной части Туркмении; р. Лайла, текущая из Калбинского хр. в сторону Иртыша, но не доносящая до него свои воды; с. Лойоб в Таджикистане; оз. Лег в Восточной Монголии. Часты имена ил. в Иране со словом лат: Латкенар, Латек и др.

М е р з - небольшие бугры, приподнятые участки земли на орошаемых полях, не затопляемые ирригационными водами (туркм.). Ср. тадж. мара - земля, страна; граница и перс. марз - земля, поле; дом; границы, предел; местное значение - плотина на реке, насыпь на болоте; ◇ Грандиозный вал Мара, протянувшийся от Мазан до Бабадурмаза на подгорной равнине Колетдага. Одни авторы считают его оборонительным сооружением, другие - гидротехническим для задержки горных ливневых вод с последующим использованием на орошение [Сообщение М.Гельдиханова]. Сюда же ил. Марз, Марзайболо, Марзайпоён, Марзайпаст в Таджикистане; Эсомарз, Деламарз, Марзджеран, Мерадшт, Мара, Мараан, Дехмарз в Иране [Розова, 1975;] [Савина, 1971]. О туркменском Марз [см.: М.К.Граве. Природа. 1967, 5; А.Губаев. Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1965, 2].

М у з, б у з - лед (тюрк.). То же азерб. буз - лед, холод; турец. буз - лед, колодный, ледяной; казас. пюз; якут. мус - лед, ледяной; Якут. мус хан - ледник, обледеневшая гора (сообщения В.С.Львова); казах. муздак - гололедица, ледяной настил на снегу [Конкашпаев, 1951]. Ср. халка-могг мёс (ён) - лед, мёсентон - горный ледник - горный ледник, досл. ледниковая река. ◇ Многочисленны названия высоких гор в Средней и Центральной Азии: Музтау, Музтаг, Мустаг, Музтор, Музбель, Мусджилга, Улмузтаг, Мусула, Музкол, Музтагата; г. Мус-Хая и р. Муостах в Якутии; г. Пустаскыл в Хакасии, р. Буздугчай в Азербайджане; р. и хр. Музкол на Памире, пер. Мустаг-Дабан в Восточном Саяне; г. Пустаг (1570 м) на юге Кемеровской обл.; хр. Муздуктаг и р. Муздук в Алтынтаге в Синьцзяне, Буз-

даг в Туркмено-Хоросанских горах в Иране; г. Бузбаль-Даг в центральной части Турции. Вне ряда: г. Мусала (2925 м) – высшая точка Балканского п-ва. В последнем топониме турец. *al* – высокий, возвышенный, *ala* – высший, великолепный, превосходный, араб. *miṣ* – место для молитвы, откуда *miṣalla* – то же. Если исходить из формы *буз*, то на Балканах нужно было ожидать Бузала.

Л и т е р а т у р а

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М., 1958, т. I.
2. Андреева В.П. Местная терминология для побережья морей СССР/ Уч. зап. МГУ. – М., 1937, т. 16.
3. Бартольд В.В. Персидское арк "крепость, цитадель"/ Сочинения. – М., 1971, т. 7.
4. Бахтияев Ш.З. По поводу названия Урал/ Вопросы ономастики. – Свердловск, вып. 8–9, 1974.
5. Бушueva Е.Н. Словарь русской транскрипции географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. – М., 1971.
6. Гасанов А.Г. и Гайбуллаев Г.А. О некоторых древнетюркских словах в топонимии Азербайджана/ Уч. зап. Азерб. ун-та. Серия языка и литературы. 1977, вып. I.
7. Григорьян Э.А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. – Бриван, 1975.
8. Дуриданов И. Языкът на траките. – София, 1976 (на болгарском языке).
9. Казакевич В.А. Современная монгольская топонимика. – Л., 1934.
10. Койчубаев Б. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. – Алма-Ата, 1974.
11. Кокоев Дж. Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик, 1970.
12. Комаров Ф.К. Словарь русской транскрипции терминов и слов, встречающихся в географических названиях Якутской АССР. – М., 1964.

13. К о н к а ш п а е в Г.К. Казахские народные географические термины/ Изв. АН Казах. ССР, вып. 99, серия геогр., вып. 3. - Алма-Ата, 1951.
14. К о н к а ш п а е в Г.К. По поводу названия Урал. Вопросы топонимистики. - Свердловск, 1971, вып. 5.
15. М и л ь к о в Ф.Н. Типология урочищ и местные географические термины Черноземного Центра/ Науч. Зал. Воронежского отд. Геогр. о-ва СССР. - Воронеж, 1970, вып. 2.
16. М о л ч а н о в а О.Т. Диалектные варианты в топонимической терминологии алтайского языка. - В кн.: Вопросы русского языка, вып. 8 (сб. науч. тр. Ярославского пед. ин-та, вып. II2). - Ярославль, 1973.
17. М ы т а р е в А.А. От Абы до Яи/ Географический словарь Кузбасса. - Кемерово, 1970.
18. Н и к о н о в В.А. Краткий топонимический словарь. - М., 1966.
19. Н и к о н о в В.А. Заметки по топонимии Киргизии. - В кн.: Топонимика Средней Азии. - М., 1978.
20. Р а д л о в В.В. Опыт словаря тюркских наречий, т. I. - СПб., 1893; т. 2, СПб., 1899.
21. Р о з о в а Л.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Таджикской ССР. - М., 1975.
22. С а в и н а В.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. - М., 1971.
23. С е в о р т я н Э.В. Этимологический словарь тюркских языков, - М., 1974, т. I.
24. С м о л и ц к а я Г.П. Орел, а не птица/ Русская речь. - 1974, вып. I.
25. С м и р н о в а О.И. Места домусульманских культов в Средней Азии (по материалам топонимики). - В кн.: Страны и народы Востока. - М., 1971, вып. 10.
26. Х р о м о в А.Л. О структурных особенностях иранской топонимики Мавераннахр в период IX-XIII вв. - В кн.: Восточная филология. - Душанба, 1974, вып. 3.

27. Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, т. 1. - М., 1964; т. 2, М., 1967.
28. Энциклопедический словарь географических терминов (ЭСГТ). - М., 1968.
29. Ю д а х и н К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.

Б.А.Керимбаев, В.Н.Попова
(Чимкент)

ОРОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В топонимике за последние годы резко возрос интерес к изучению местной географической терминологии. Это связано с тем, что для развития этой науки и для всестороннего исследования топонимов необходимо детальное изучение народных географических терминов.

Э.М.Мурзаев отмечает, что народная географическая терминология обладает богатым информационным материалом, помогает раскрыть многие тайны и загадки топонимики [7:98].

В статье рассмотрены орографические термины, указывающие на возвышения, горы, холмы, ущелья, низменные места; части одной горы и детали рельефа местности, сделана попытка систематизировать казахские орографические термины, выявить диалектные варианты одного и того же термина, их эндемичность, роль географических терминов в образовании оронимов и других топонимов.

Казахский язык и его диалекты располагают обширной системой орографических терминов. Богатство и изученность орографической терминологии доказывают древние расселения казахского народа в горных областях территории нашей республики.

Система орографических терминов позволяет детализировать специфические особенности одного и того же рода орографического объекта, подмечать малейшие различия в рельефе местности, что помогало наиболее правильной и точной ориентировке на местности и было очень важно при кочевом укладе жизни казахов в прошлом.

Разделение Э.М.Мурзаевым местных географических терминов на две категории (родовых и видовых) [7:100] вполне применимо, на наш взгляд, и для орографической терминологии.

Родовые термины тау, кыр, тобе, дала, кум, как правило, широко распространены и понятны не только на всей территории Казахстана, но и могут иметь параллели в других тюркских языках,

правда, в разных фонетических вариантах (казах. тау "гора", кирг. тоо, тув. даг, азерб. дау, алт. туу, тыва-кижи тав). Узколокальный ареал имеют многие видовые орографические термины, принадлежащие к микроорографии: котыртау, музтау, тазтау, сандыктау, алатау, каратау. Все они "тау" вообще, но алатау букв. "пестрая гора" - это высокая гора в отличие от низкой (каратау), обладающая вечноснежным покровом. Чередование балх пятав снегов с участками альпийских лугов, каменистых россыпей и черными и серыми скалами создает пестроту; каратау букв. "черная гора" - пустынная, сухая гора, лишенная высотной поясности [2; 4; 8:24,25,103]; котыртау букв. "струп, струлья" - "гора, поверхность которой покрыта кочковатыми, изрезанными камнями"; сандыктау букв. "сундук-гора", - гора, по форме напоминающая сундук, т.е. со сглаженной поверхностью; музтау букв. "ледяная гора" - гора, покрытая ледником; тазтау букв. "лысая гора" - гора с обнаженной скалистой вершиной; тау басы "вершина", тау аты "подол" (основание) горы", "подгорная равнина", тау туби "подножие (основание) горы", шың "пик" - труднодоступная вершина горы, тау жотасы "горный хребет" - пологая вытянутая возвышенность.

Анализ семантики казахских орографических терминов показывает, что наименования орографических объектов могут выражать следующее.

1. Геометрический признак: кайы букв. "вогнутый" или "кривой" - небольшое понижение на гребне (или на седловине) горы; ирак (горная дорога на казахстанском Алтае) букв. "извилистая (ломаная) линия" - извилистая гряда гор.

2. Сходство с частями тела человека и животного: жал букв. "грива" - горная гряда; гребень горы, холмов, низкая возвышенность, вытянутая в определенном направлении с ясно выраженными подошвой и гребнем, бет букв. "щека" - поверхность, склон горы, возвышенность; бөбь букв. "поясница, талия" - перевал, низкий хребат, пологая вытянутая возвышенность, или возвышенность в форма седловины.

3. Сходство с предметами, деталями юрты: карагетас (карега букв. "остов юрты") - камни, покрывающие склон горы, напоми-

нают формой решетчатые станки юрты; асик букв. "дверь" — "тесное, узкое (место)", босага букв. "порог" — возвышенность, круто спускающаяся к сравнительно широкому продольному понижению между горами и холмами; жайнамазтас — плоский камень, по форме напоминающий коврик для моления (кошму).

4. Весьма интересна номинация орографического объекта в зависимости от местоположения и направленности движения человека, находящегося непосредственно на орообъекте. Если человек идет в направлении от подошвы (основания) вверх (к верхней точке), к возвышенности склона, холма, горы, то склон зовется орь (ор. орлеу "возвышаться", ормелеу "карабкаться"); тот же склон при направлении движения человека от вершины к подножию именуется термином илдй "низина, низ".

5. Орографические объекты могут именоваться видовыми терминами — обозначающими цвет. Г.К.Конкашпаев считает, что в тюркской географической номенклатуре эти так называемые "цветовые прилагательные" обозначают только цвет и не имеют других значений [5]. Другие исследователи (А.Н.Кононов, Э.М.Мурзаев, Р.Юзбашев, К.Койчубаев) свидетельствуют, что эти термины обладают полисемантизмом [6:83-85; 7:174, 175, 176; 10].

Думается, что при первичной (начальной) номинации за основное бралось значение цвета. Затем, в процессе развития языка, наслаивались другие значения, тесно связанные и вытекающие из основного. На юге Казахстана (Тюлькубасский р-н) кoныр-каы называют небольшую пологую возвышенность, поверхность которой не покрыта камнями. Глубокой осенью возвышенность приобретает коричневый цвет "кoныр" (цвет грунта), весной же и летом она покрывается зеленой травой, но местные жители называют этот объект по-прежнему кoныр-каы. По-видимому, значение цвета не играет определяющей роли при номинации этого орографического объекта, хотя мотивированность (цвет) сохраняется, на первый же план выдвигаются нецветовые признаки: 1) непокрытость поверхности возвышенности камнем, 2) небольшой размер, 3) маленькая высота (не крутая возвышенность, не холм). Таким образом, основным признаком кoныр-каы является непокрытость камнями,

наличие травяного покрова. Такую же пологую возвышенность называют тастак, если поверхность ее покрыта камнями.

6. Интересна номинация орографического объекта (или его части) по освещаемости солнцем. Южную часть склона, которая освещена постоянно солнцем, называют кунгай (кун "солнце"); неосвещенную — тарской (тарис "обратный"). Таким образом, кунгай синонимичен онтустик "юг, южный", тарской (тарис) — антоним солтустик "север".

7. Часть горы, холма, защищенную от ветра, называют ык, незащищенную — жаджак "неветренная сторона". Эти особенности номинаций орографических терминов указывают на богатую метафоричность видовых терминов. Видимо, лишь родовые термины сохраняют в себе исторически первичное значение.

Многие казахские орографические термины, общие со всеми родственными языками, прослеживаются также и в монголоязычной среде: тюрк. тобе (тапа) — монг. доб(о) "холм", тюрк. шоки (чоку) — монг. шохой, цохю "солпка", тюрк. кыр — "халха" — монг. хира "возвышенность", тюрк. — бэль — монг. бэль "перевал, седловина, горный склон", тюрк. кум "песок" — монг. кум "пыль, сор" и др.

Среди орографических терминов Южного Казахстана встречаются термины арабско-иранского происхождения, давно вошедшие в казахский язык и уже не воспринимающиеся как заимствованные: сангир "укрепление, вал, ров, канава, окоп, бастион"; сангар в Азии — крутая обрывистая скала, дарбаза (дарваза) букв. "ворота, дверь, вход" — горный проход, дашт (дашт) "сталь", равнина, щебневая или галечная пустыня", зах (зах, захаб) "исток воды; источник, родник; расщелина; место, где бьет вода из источника; глубокая вода", кам букв. "рот, небо" — ущелье [9:30, 70, 74, 92, 100].

Целый ряд орографических терминов является производными существительными, образованными от непроизводных путем присоединения к корню словообразовательных, уменьшительных аффиксов — ык, ат, -гай(-кай), -ка, -айт, -ша, -ас, -гай(-кай), -лык, -гас (-гас), -так(-дак): тастак "каменистая местность", аркалык "не-

большой хребет", кырка "гривообразная", обаыш "холмик", шокат "небольшая конусообразная вершина", донгал "небольшая возвышенность", жонайт "гривка", жыраша "обрывчик", балас "перевальчик", тоскай "небольшой склон", донгас "небольшой хребет".

Многие орографические термины образованы способом словосложения прилагательного и существительного (аккумуля "белый" + кум "песок"), существительного и существительного (шанрактао - шанрак "купол юрты" + тас "камень"). Ряд орографических терминов является отглагольными существительными: айрык (от глагола айыру "разделить", "разорвать"), кырак (от глагола кыру "изрыть", "рассечь"), жарма (от глагола жару "расколоть"), жантайма (от глагола жантаю "склониться набок").

Особо можно выделить орографические термины, образованные на основе редупликации и сочетания смежных по значению слов; создается обобщенное понятие: адыр-будыр "неровная, бугристая (кочковатая) местность" и кедыр-будыр "неровная кочковатая местность"; ойды-кырды - "пересеченная местность" (ойды "впадинные, низинные", кырды "горные, возвышенные") и ойкы-шойкы "неровная местность" с впадинами и высотами". Богатство казахской орографической терминологии включает в себя понятие диалектных вариантов термина. Так, родовые термины широко распространены во всех диалектах тюркских языков, имеют обширный ареал распространения, другие же термины встречаются только в определенных районах Казахстана. Узколокальность этих терминов, видимо, можно объяснить заимствованием из языка другого народа в зоне контактирования с ним, или особенностью природных условий и ведения хозяйства: термины тор(тёр) "верхняя часть горной долины", арт имеют распространение лишь на юге Казахстана, в его высокогорной части; зау "карнизы", свисающие над ущельями высоко в горах".

Выходят из активного словаря, но раньше имевшие широкое распространение на территории Казахстана, орографические термины, сохранившиеся лишь в составе местных топонимов: нурс, сангир, сан, кара, дашт (ур. Нурата, г. Карасангир, г. Сантас,

выс. Аманкара, ст. Даштобе. Дашт-и-Кипчак (Кипчакская степь). Один и тот же термин может иметь диалектные варианты, отличающиеся друг от друга фонетическими и морфологическими модификациями: донбак - топак, коныр - коныркай, шукыр - шункыр.

Среди видовых терминов особое место занимают эндемики, фиксируемые на ограниченных ареалах: ман - старотюркск, "преграда", (ереиман, кетман), жамбыл - "укрепление", "крепость".

Многие орографические термины активно участвуют в образовании оронимов и топонимов. Г.И.Донидзе справедливо считает, что не всякий орографический термин может стать оронимическим, т.е. входить в состав собственных названий орографических объектов [1:32]. Сам орографический термин (как родовой, так и видовой) может выступать в оронимическом употреблении, т.е. стать оронимом (наблюдается переход нарицательного термина в имя собственное): ур. Жон "пологая узкая возвышенность", горы Тарскэй "противоположная, северная сторона", ур. Аша "балка, расщелина", холм Кара "холм, сопка", ур. Джилга "овраг, балка, ложбина, русло". Но чаще оронимические термины входят в состав сложного оронима: ур. Кызылжар "красный обрыв", ур. Жантаксай "овраг, в котором растет верблюжья колючка", холм Шольтоба "безводный (сухой) холм", г. Каиндытау "гора в зарослях барзан".

Дальнейшее детальное изучение орографической терминологии в ее различных аспектах позволит выделить языковые пласты, выяснить древнейшее расселение казахских племен и исторические, этнические контакты казахского населения на территории Южного Казахстана.

Л и т е р а т у р а

1. Д о н и д з е Г.И. Оронимическая лексика тюркских языков Советского Союза. - Сб.: Оронимика. - М., 1969.
2. К о й ч у б а е в В. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата, 1974.
3. К о й ч у б а е в В. Нецветовая сущность топонимических компонентов ак, кара, кок, сары. - Всесоюзная конф. по топонимике СССР (Тез. докл. и сообщ.). - Л., 1965.

4. Конкашпаяв Г.К. Словарь казахских географических названий. - Алма-Ата, 1963.
5. Конкашпаяв Г.К. Цветовые слова в тюркских топонимах. - В кн.: Географические науки. - Алма-Ата, 1969.
6. Кононов А.Н. О семантике слов кара и ак в тюркской географической терминологии. Изв. отд. обществ. наук АН Тадж. ССР, вып. 5. - Ашхэбэд, 1954.
7. Мурзаяв Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974.
8. Мурзаявы Э. и В. Словарь местных географических терминов. - М., 1959.
9. Саввина В.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. - М., 1971.
10. Юзбашев Р. Азербайджанские термины. - Баку, 1966.

Р.Я. Рассудова
(Ленинград)

ТОПОНИМЫ И ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ

Для исследования развития и характера поселений, отражающих хозяйственное и культурное освоение края, необходимо изучать топонимы. Рассмотрим те, которые составлены из терминов, служивших для обозначения понятия "селения". К ним относятся кат (и его варианты: кат-кэвт-кэнд-кэнд-кэнт), дэх-дэ-диз, махалла, кавла, кишлак-кышлак-кошлак.

Большая часть этих топонимов существовала задолго до XV-XVI вв.¹ Возникновение селений, в собственном названии которых сохранился согдийский термин кат-кэнт, относится исследователями ко времени до X в. н.э.; причем первая форма этого топонима счи-

¹ Этот период характеризуется особым усилением тюркизации языка, что коснулось также и многих топонимов, гидронимов.

тается более древней, чем вторая [8:120,371; 39:29]. К этому можно добавить, что во многих, например, ташкентских селениях, названия которых на картах и в "Списках" приводятся со словом кент-канд, жители употребляют именно термин кат; они произносят Паркат, Заркат, Ходжакат, а не Заркент и т.д.

Термин дах-диз вакуфных документов XIV в. употреблялся еще в своем нарицательном значении. В джуйбарских же и других более поздних документах о земельных сделках правителей и ходжей термин дах-диз встречается лишь как топоним: Дахча, Кавакдиз, Данау, Дихш Асиян. Таких топонимов особенно много отмечается в регионах сосредоточения таджиков и относительно недавно оторванного населения: в Бухарском оазисе, в верховьях Зеравшана, в правобережье ферганской части Сырдарьи, в горном Таджикистане, в Сурхандарье [18; 30; 33; 38; 39].

Понятие "селения" обозначалось также термином махалла. Город Ташкент образовался из четырех селений — махалла. Во времена Бабура Ферганский Ахсыкет окружался селениями-махалла; последние располагались и вокруг Самарканда в XVII в. [I; II-17, 20-24; 5:14; 18; 13; 14]. Однако как топоним этот термин сохранился буквально единично и его распространение ограничивается Ферганой и Самаркандской областью (Средняя Зеравшанская долина) [33]. Возможно, это объясняется тем, что до настоящего времени этот термин широко, хотя и не всюду, бытует в значении квартала любого типа поселений.

В XVI в. и как топоним, и в нарицательном значении начал распространяться термин кшлак-кшлак-кошлак, заменивший в дальнейшем почти все предыдущие. В документах о земельных сделках неоднократно встречающимся словом кшлак выделялись селения в основном недавних пришельцев (Узбек-кшлак, Кенегез-кшлак и т.д.) или выходцев из далеких стран, или отдельных групп, относившихся к нижней социальной категории (Куллар-кшлак). При этом четко различались люди кшлакнишин от людей дахнишин [18:253; 38:83; 103, 109, 112, 133, 163, 165, 174 и др.; 7-266]. Наибольшее распространение топоним Кшлак получил в Средней Зеравшанской долине, в центральной и восточной частях Ферганы, по

Ангреновскому бассейну Ташкентского оазиса [33], т.е. в районах позднего расселения турков-кочевников, где они впоследствии, занявшись земледелием, оседали и создавали новые формы своих поселений. Термин кшлак в районах орошаемого земледелия применяют относительно даже киргизских селений, в которых большая часть жителей остается круглый год и занимается земледелием.

Топонимы каъла, курган, мачит и явон (в зависимости от регионов) употребляются также и в значении "селение". Первые два чаще встречаются в предгорных и горных зонах (северная Фергана и Ташкентский оазис), а два других - в долинных низинах (центральная Фергана, низовье Зеравшана, Хорезмский оазис). Кроме того, в Хорезме термины каъла и курган применяли относительно центральных частей крупных, городского типа, поселений; в предгорных и горных селениях Ташкентского оазиса каъла означало наиболее старую часть, как правило, занятую ходами (то же самое отмечается и в Нуратинских горах).

Первоначальное значение термина кат "крепкий, сильный, основательный" [17:292-294] послужило основой для образования понятия "дом". В этом значении он употреблялся в источниках X-XI вв. [9:120,371] и сохранялся до XIX в. в бухарских земельных документах, сочетаясь со словом худо, т.е. глава [24; 38:240]. Термин кат-худо в значении "глава дома, семьи" и сейчас известен жителям многих ташкентских и ферганских селений (Нанай, Бурчимола, Ходжакат, Харкат, Паркат, Пскат, Суков и Чадак, Гава, Чуст, Чиндаул, Бурбалык, Ходжабад и т.д.). Однако он употребляется лишь в рассказах о некоторых свадебных обрядах: главными участниками процессии, сопровождающей "бор" (приданое невесты) являются кадхудо. В с. Чиндаул одна из распорядительниц свадебными продуктами и столом диотархончи постоянно обращается к мужу словом кадхудо, хотя общеизвестно, что супруги пользуются при этом именем старшего ребенка. Во всех остальных случаях дом обозначают термином хона или уй, или ходжалик, или дарвоза. Кат в значении "дом" встречается и в горном Таджикистане [19:33-34]. Последующее расширение значения термина

кат-канд-кент заключалось в превращении его в понятия "город" (противопоставлявшегося "улусам") и "малкая административная единица" — в Киргизии, в низовьях Амударьи [32].

Слово дах-диэ первоначально также имело ограниченное значение "котел", как и согдийское кат "дом". Очевидно, истинный смысл этих терминов был одинаковым; под ними подразумевалась одна семья, которая вела единое хозяйство, занимала один дом и имела общий котел. Поэтому все эти термины и понятия взаимозаменяемы; таковыми они остаются и по сей день. Основой термина махалла является халл "останавливаться, брат, друг, приятель" [4]; в персидском же языке эта основа ограничивается лишь понятием "брат, сестра" и вообще состояние родства. Производные от основы халл дают следующие понятия: халлатун "котел", махаллат "дом, помещение, дворец", а также "квартал, площадь, улица", махаллун "поселение, удобное место" [4:239; 42; 1426]. Однако в среднеазиатских условиях сохранилось только слово махалла и только в значении часть поселения (любого типа), хотя и в этом значении его бытование здесь нельзя считать повсеместным. По новейшим исследованиям, в Бухаре он был заменен термином гузар примерно в ХУ в. [34:101-104]. В 70-х годах, во время работ в Самаркандской области, мы отметили довольно частое употребление термина кошлак в значении квартала крупных селений (Янгикурган и др.) и даже как "селение".

По общему мнению, термин кишлак-кышлак в значении "постоянное поселение" происходит от слова кыш "зима" и частицы места лак или частицы действия ла; отсюда "зимовка, зимовать". Это мнение поддерживается многими исследователями [9-11:186; 23:381]. Распространение этого нарицательного термина и топонима связывают с оседанием недавних пришельцев узбеков и переходом их к земледельческому хозяйству [6; 13; 15]. Однако почему оседавшим скотоводам, с переходом их к земледелию, стали важны именно зимние места кочевий? В связи с этим вопросом мы обратились к термину кошлак, встреченному нами именно в значении "место поселения или часть его". В этом значении (квартал) его употребляют жители двух крупных одноименных центров Янги-

курган (мианкальский и джизакский); селения же они обозначают термином каъла и курган. В северной пойменной полосе Зеравшана кошлак известен как группа жилищ около летних орошаемых полей, куда спускались крестьяне из аилов, т.е. из зимних поселений с первой верхней террасы реки; на западе Мианкаля кошлак заменяли термином ёвон, на востоке — хаёт [10; 11; 28], причем хаёты и ёвоны, как и большая часть кошлаков, состояли из разбросанных в основном глинобитных жилищ; в кошлаках же каъла или курганах жилища располагались компактно; многие каъла окружались стенами, а ворота на концах центральных улиц запирались на ночь.

Встреченное нами обозначение некоторых самаркандских селений или их частей термином кошлак, несомненно, не является случайным. Как составная часть сложных названий кош распространен весьма широко: Кошкурган, Кошрабат, Кошарык, Кошхукув и т.д. Первичное значение этого слова "два, пара". Под кошем подразумевалась затем и пара коней (верховой и запасной), постоянно сопутствовавших воину-кочевнику, пара волов, запряженных в повозку, на которых везли домашние вещи, а нередко и юрту [9-П; 26-П]. По материалам XIX в. выявляются и другие значения этого слова: участок земли, вспаханный парой волов за весенний сезон для посева злаковых; помимо Зеравшанской долины, он был известен в южном Казахстане, на Кашкадарье и Оурнахдарье; в Фергане и Ташкентском оазисе кошем обозначали лишь дневную норму пехоты [23; 556; 24; 27; 31; 37]. Кош стал единицей измерения и воды [11; 12; 27]. Наконец, существовавший на джугатайском языке термин кошлак обозначал группу юрт, удаленную от аула и расположенную около пашен [26-П: 636].

Обращает на себя внимание отсутствие в источниках и "Древнетюркском словаре" значений термина кош и его производных, связанных с земледелием; нет и кишлака в значении постоянного поселения; таковым, как мы уже говорили, выступал кат-кент. Кишлак же является одним из временных (зимних) мест кочеваний, имевших при скотоводческом хозяйстве одинаково важное значение как и весенние, летние и осенние. Возможно, поэтому в далеком

прошлом противопоставлялись не "города" и селения, а "города" и население (сельское), кет и биден-вл-улус-улуш [17; 80; 168, 169, 611]. Для кочевника решающее значение имело, очевидно, постоянство на месте поселения (оно было помехой хозяйству), а родственного коллектива, обозначавшегося термином айл (аул) и воспринимавшегося как синоним "селение, дом", т.е. юрта, и семья одновременно. К аулу не причислялись дома-юрты или семьи из кошляков, даже если они находились близко к аулу, ибо это были "слуги", неродственные аульным семьям [9-1:150; 26-1:74, 163, 679]. Таким образом, термин айл (аул) подчеркивал в понятии "селение" то основное, что характеризовало кочевников, по-видимому, в большей мере, чем земледельцев — родственные отношения, и не касалось второстепенных черт — места и времени нахождения этой родственной общности; они, в зависимости от форм хозяйства, отражались в специальных терминах кочевий — кишлак, айлак и т.д. и поселений около пашен — кошлак.

Правильность и правомерность обозначения селения термином кошлак подтверждается также существующими различными обозначениями соседства. В основе терминов комши, конши, консусу, употреблявшихся некоторыми сибирскими народами (командинцами, барабинцами), казахами, также выявляется понятие "родство, дом — семья" [9-2; 96; 20:2; 525, 531-543, 1249, 1257, 1266]. Термин же кошни (кушни), известный на Зеравшане, в Фергана и соседней Кашгарии, т.е. в районах развитого земледелия, не содержит понятие родства: на джугатайском языке кошни — это "слуги", находившиеся на пашнях вдали от аула и неродственные ему, среди казахов консусу тоже употребляли относительно человека, жившего в ауле под покровительством или подачками богатых, или это вообще бедняк [9-П:86]. Сравнивая основы терминов, обозначавших понятие "сосед", мы также видим, что более старые и распространенные орады кочевников зачастую выражали родственные связи; в более же позднее время или на новых местах (например, в районах оседания) основа термина "сосед" выражала уже новые отношения, хозяйственные и социальные.

В результате становится понятным, почему зеравшанское тюркское население даже в середине XX в. сохраняет в быту употребление термина кошдак в значении "селение". Именно он является основой образования новой формы поселения в процессе оседания и перехода к земледелию. Этими же обстоятельствами, несомненно, объясняется, почему и термин кошчи в значении "сосед" распространился именно в районах, являвшихся особенно удобными для земледелия.

Итак, многообразие топонимов, выражавших понятие селения, определялось различными обстоятельствами. Оно отражало этническую и лингвистическую историю края, изменения селений в зависимости от природных и хозяйственных условий, как и от форм занятий. Однако смена старых (иранских и арабских) топонимов более поздним новым, тюркским кишлак-кошлак показывает еще одну, весьма "скрытую", сторону социальной жизни среднеазиатского населения: смена топонимов означала также уменьшение значимости родственных отношений в поселениях и большее утверждение хозяйственных и социальных интересов в создании новых селений. Эта тенденция внутренних взаимоотношений земледельцев несомненно является одной из основ этнических процессов и развития сельских общин Средней Азии.

Л и т е р а т у р а

1. А з а д а е в Ф. Ташкент во второй половине XIX в. - Ташкент, 1959.
2. А н д р е в М.С. Прозвища жителей различных селений в Матче (верховья р. Зеравшан)/ ДАН АН СССР, октябрь-декабрь. - М., 1924.
3. А н д р е в М.С. Материалы по этнографии Ягноба. - Душанбе, 1970.
4. Арабско-русский словарь. - М., 1957.
5. Б а б у р З. Бабур-наме/Записки Бибара. - Ташкент, 1958.
6. Б а р т о л ь д В.В. К истории орошения в Туркестане/ Соч., т. III, 1965.
7. Б а р т о л ь д В.В. История культурной жизни Туркестана/ Соч., т. V.

8. Бартольд В. В. Собр. соч., т. I, 2. - М., 1963.
9. Б у д а г о в Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских названий, т. I. - СПб., 1869; т. II, СПб., 1871.
10. В и р с к и й Н.М. Дюрткульская волость. Справочная книжка Самаркандской области (далее СКСО). - Самарканд, 1895.
11. В и р с к и й Н.М. Очерки Янги-Курганской волости Джизакского уезда. - СКСО.
12. В я т к и н В.Л. Каршинский вилайет и организация в нем войск и события в период 1215-1217 гг. (1800-1803 гг.). Изв. Ср-Аз. отд. РГО, т. ХУШ, 1926.
13. В я т к и н В.Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. - СКСО, 1902.
14. В я т к и н В.Л. Самаркандский вилайет. - СКСО, 1912.
15. В я т к и н В.Л. Описание Самаркандской области. - СКСО, 1913.
16. Гу л я м о в Я.Г., И с л а м о в У., А с к а р о в А. Первобытная культура народов Зарафшана. - Ташкент, 1966.
17. Древнетуркский словарь. - Л., 1969.
18. И в а н о в П.П. Хозяйство Джуибарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI-XVII вв. - М.-Л., 1954.
19. К о н д а т у р о в А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. - Л., 1940.
20. К у р о п а т к и н А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. - СПб., 1879.
21. Л а т ы н и н Б.А. Вопросы ирригации древней Ферганы/ Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры, вып. 64. - М., 1956.
22. Материалы по районированию Средней Азии, вып. I-III. - Ташкент, 1925-1926.
23. М е с а л ь с к и й В.И. Туркестанский край/ Россия, т. XIX. - СПб., 1913.
24. М у х т а р о в П.М. Материалы по истории Ура-тюба ХУП-XIX в./ Земельные документы. - М., 1968.

25. Персидско-русский словарь. - М., 1960.
26. Р а д л о в В.В. Опыт словаря тюркоских наречий, т. I-2. - СПб., 1893, 1899.
27. Р а с с у д о в а Р.Я. Значение термина кош/ Советская этнография, 1974, № 6.
28. Р а с с у д о в а Р.Я. Хозяйство Каттакурганского уезда. - Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1973.
29. Р и т т е р К. Восточный Туркестан/ Землеведение, вып. I. - СПб., 1869.
30. С и т н я к о в с к и й Н.Ф. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана/ изв. Турк. отд. РГО, т. I, вып. II, 1900 (см. список арыков и населенных пунктов).
31. С о б о л е в Д.Н. Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе/ Зап. императ. РГО по отделению статистики, IV, 1874.
32. Современный кишлак Средней Азии, вып. 2, IO. - Ташкент, 1925.
33. Список населенных пунктов Узб. ССР и Тадж. АССР, вып. I-УШ. - Самарканд, 1925-1926.
34. С у х а р в а О.А. О терминах, связанных с исторической топографией городов Средней Азии/ Народы Азии и Африки, 1965, № 6.
35. Таджикско-русский словарь. - М., 1954.
36. Узбекско-русский словарь. - М., 1959.
37. Х о р о ш и х и н А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. - СПб., 1876.
38. Ч а х о в и ч О.Д. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве ХУП-ХІХ вв. - Ташкент, 1954.
39. Ч а х о в и ч О.Д. Бухарские документы ХІУ в. - Ташкент, 1965.
40. Ш и ш к и н В.А. Варахша, - М., 1963.

ТОПОНИМ УЗБЕКИСТАН

Слово узбек как собственное имя впервые упоминается в труде крупнейшего персидского историка XIX в. Рашида-ад-дина в "Детописи мадиков и атабаков". Автор называет последнего представителя азербайджанских атабаков династии Ильдегизидов Музаффар-ад-дина узбеком [13:159]. Несколько позже имя Узбек носил и один из ханов Золотой Орды. В период его царствования Золотая Орда достигла военного могущества. Всех воинов Узбек-хана называли узбеками, впоследствии узбеками стали называть и его подданных. Иывавано это было утверждением повсеместно ислама. Для укрепления своего государства Узбек-хан принял мусульманскую веру, в которую вслед за ханом обратились все подвластные ему тюрко-монгольские племена. Их тоже стали называть узбеками [9:573].

В истории нередкость, когда по имени хана получали название племена (Чагатай - чагатаи, Джучи и т.п.) [3:142]. В "Истории о странствиях вообще по всем краям земного круга" рассказывается, что по древнему обычаю все народы получали названия по имени своих владельцев. Там же приводится рассказ о том, что Некто из Золотой Орды принял мусульманскую веру: призвав к себе одного из шейхов, Некто сказал ему, что если тот победит самого сильного из его народа, то он (Некто) примет его веру. Шейх одним ударом победил силача, и хану пришлось принять эту веру, примеру которого последовали все его подданные, [3:602]. Эта же легенда излагается и акад. В.Бартольдм. О принятии ислама Узбек-ханом говорится в книге Б.Д.Грекова и А.Ю.Якубовского "Золотая Орда и ее крушение" [5:76].

С начала XV в. тюркские кочевые племена Ак-Орды (владения Узбек-хана), Кечевавшие в бассейне реки Сыр-Дарья, а также

в степях на северо-востоке от Аральского моря до рек Ишима и Сары-Су, и племена улуса Шейбани объединились в "узбекское ханство" и стали именоваться общим именем узбеки [4:575]. Позже это государство распалось на мелкие уделы.

Более раннее название узбеков - сарты. В.В.Решетов видит в названии связь с гидронимом Яксарт [14:45-48]. По мнению В.А.Никонова, вероятнее значение "купец" [12:434]. Долгое время сарт и узбек были синонимами, затем первое стало оскорбительным и после Октябрьской революции отброшено, но в печати оно еще сохранялось. М.Андреев, используя слова сарт и узбек, показывает семантическое и стилистическое различие между ними: "Сарты города Ташкента в настоящее время в кругах, коснувшихся европейского образования, предпочтительно именуящие себя узбеками, т.к. все население г. Ташкента принадлежит именно к этой народности..." [2:4].

Этноним узбек имел более широкое значение, его толкование дается еще в "Истории о странствиях..." с вариантом узбекцы: "... узбекцами зовутся у нас без разбора и Караимские татары и бухарцы, по имени одного из тамошних владельцев узбек-хана" [9]. Слово узбек явилось составной частью топонимов Узбекия, Узбекистан. А что обозначает само слово узбек? По мнению А.А.Семанова, И.М.Муминова и др. [8:149], происхождение этого слова надо искать в памятниках письменности более древнего периода. До нас дошел труд крупнейшего ученого XI в. Махмуда Кашгари "Дивани лугатит турк", в котором встречаются слова оь и баг, как самостоятельные и имеющие значения: оь "сам, свой", баг "князь, бек" [11:8-12]. Используя эту этимологию, В.В.Радлов объясняет: "узбек - сам себе господин"; аналогичное толкование в словаре Брокгауза и Ефрона: Узбек - "собственное имя, этимологическое значение которого: истый князь" [15:608]. В восточной антропонимии нередко встречаются слова с компонентом бак: Атабек, Казбек, Рустамбак и др.

Слово Узбекия образовано по аналогии со словами Босния, Аравия, Румелия, Сербия, Персия, Бактрия и

др.^I Часть -ия древне-греческого происхождения, формант для обозначения места, города, государства [6:18-20]. Слово Узбеккия использует Ленин в работе "Замечания о задачах РКП(б) в Туркестане": "Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению" [10:436]. Под Узбекией Ленин понимал территорию, населенную узбеками. См.: Армения - место, где живут армяне; Испания - место, где живут испанцы; Узбеккия - место, где живут узбеки.

В октябре 1924 г. образована Узбекская ССР. Одновременно употребляется и топоним Узбекистан, аналогично Туркестану, Афганистану, Казахстану и т.п. В слове Узбекистан вторая часть стан происходит из древнейшего языка санскрита. В словаря этого языка имеются слова со значением места - стан, стал [7:156]. В языках индоевропейской группы мы находим с тем же значением: *Station* (англ.) место, *уэон* (иранск.) - место, страна, *stehen* (нем.) - стоять, находиться; в русском языке - стан (полевой) [1]. С течением времени слово стан превратилось в суффикс, образуя новые слова. Отсюда Туркестан - страна турков, Казахстан - страна казахов, Узбекистан - страна узбеков.

Термины Узбекистан и Узбекская ССР различаются в употреблении: в публицистике, бытовой речи - Узбекистан, в официально-деловой речи - Узбекская ССР.

Таким образом, этнический термин узбек прошел следующий путь: имя собственное, названия войска, названия племен, говорящих на одном языке и составляющих одно этническое целое, народ, народность, племена, заселяющие определенную территорию. В конце XVIII в. наряду со словом узбеки существовало и образова-

I Эти топонимы взяты нами из работ В.И.Ленина "Материализм и эмпириокритицизм". Этимология отдельных из них интересна: например, Ленин употребляет не отмеченный словарями топоним Австралия, или варианты Бирма и Бирмания [т. 28, с. 272].

ние узбекац^I, они были вариантами одного понятия; последнее, как редко употреблявшееся, исчезло, на смену пришло стилистическое сарты. Узбеки и сарты выступали уже синонимами, Сарты, как оценочное, выпало из речи. Для обозначения большого района, населенного узбеками, имелись наименования Узбекия, Узбек-кистан, Узбекская ССР. Первые два объединялись синонимическими суффиксами -ия и -стан, некогда обозначавшими место, государство; второе и третье различаются стилем речи.

Л и т е р а т у р а

1. Англо-русский словарь. - М., 1971, с. 697; Немецко-русский словарь под ред. Лепинга. А.А. и др. - М., 1958, с. 1029. Словарь русского языка. - М., 1961, т. 4.
2. А н д р е в М.С. Материалы по этнографии/ Изв. Главного Среднеазиатского музея, вып. 2. - Ташкент, 1923.
3. Б а р т о л ь д В.В. Сочинения, т. У. - М., 1968.
4. Всемирная история под ред. Н.А.Сидорова и др. - М., 1957, т. 3.
5. Г р е к о в Б.Д., Я к у б о в и к и А.Ю. Золотая Орда и ее крушения. - М., 1957.
6. Древнегреческий словарь под ред. С.И.Соболевского. - М., 1958, т. 2.
7. Д ы м ш и ц З.М., У л ь ц и ф е р о в О.Г. Учебник языка хинди, т. I. - М., 1968.
8. История народов Узбекистана под ред. С.В.Бахрушина [и др.]. АН УзССР, т. 2, 1947.
9. История о странствиях вообще по всем краям земного круга. Сочинения господина Премо, сокращенная новейшим положением-г-на Ла-Гарпа, ч.8, гл.4. - М., 1784.
10. Л е н и н В.И. Полное собрание сочинений, т. 41.

I Суффикс -ац в оттопонимических образованиях весьма продуктивен. См., например, в книге Нила Попова "В.Н.Татищев и его время. - М., 1861: арадец, бухарец, тухменец, хивинец, зенгарец, нагаец и др. [367, 525, 565, 567, 568 и др.] .

11. Махмуд Кашгар и. Девони луготит' турк. - Ташкент, ФАН, 1960, т. I.
12. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. - М., 1966.
13. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. - М.-Л.: АН СССР, 1952.
14. Решатов В.В. Узбекский язык. Ч. I. - Ташкент, 1959.
15. Энциклопедический словарь, т. 34.

Дж.Б. Логашова
(Москва)

ИЗ ТОПОНИМИИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ (АБЕСКУН)

Каспийское море и Прикаспийская область издавна входили в круг "мирового культурного общения". В источниках и литературе имеется более 70 названий Каспийского моря, произведенных от наименований народов, стран и даже городов, расположенных на его берегах или на недалеком расстоянии от него.

Авторы античности, арабские и персидские географы писали о значении Каспийского моря в развитии торговых отношений между Востоком и Западом. Как отмечали многие исследователи, точно неизвестно, когда к издавна существовавшему торговому пути из Средней Азии на Запад к Черному морю присоединился новый торговый путь на северо-запад по Средней Волге, Каме и оттуда к Балтийскому морю; но, вероятно, этот факт находится в прямой связи с широким развитием караванной и морской торговли персидской сасанидской державы (III-VII вв.) в последние века ее существования [1]. Наличие устойчивых и непрерывных связей через Каспийское море способствовало также и движению народов с востока на запад, когда ушедшие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими соплеменниками, оставшимися на востоке.

Изучение топонимии Каспийского моря и Прикаспийских областей может дать ценный материал не только о расселении древнего населения изучаемых районов, но и их миграциях и различных связях.

Одним из прикаспийских городов, игравших значительную роль в восточно-европейских связях, был порт Абескун, расположенный в области Горган или в арабизированной форме Джурджан. История возникновения Абескуна неясна. Порт, по-видимому, был известен под наименованием *Socanaa*; об этом имеются свидетельства у различных авторов. Так, Дори пишет, что Валь принимает Абескун за древнюю *Socanda*, Форбигер приводит в Гиркании реку *Socanda* и прибавляет, что в Эрасмусовом издании Птолемея река эта является городом и что у Аммиана *Sacunda* также названа приморским городом Гиркании. Дори далее отмечает, что такое предположение является вполне справедливым и Абескун, вероятно, был построен задолго до сасанидского шаха Кавада (т.е. в конце V начале VI вв.), как об этом свидетельствуют арабо-персидские письменные источники [1].

С развитием оживленных торговых отношений уже в первые века нашей эры юго-восточная часть Каспийского моря приобретает особое значение. Эта торговля успешно соперничала с торговлей порта Танаиса при устье Дона, куда, "по словам римского ученого Варрона, с юга привозились на судах предметы одежды, вино и другие товары культурных народов для обмена на товары кочевников - кожи, рабов [2]. Поэтому в сочинениях арабских и персидских географов и путешественников Абескун упоминается часто, хотя и отождествляется то с морем, то с городом, то с островом, то с группой островов [3]. Так, Якут сообщает, что Абескун небольшой город и находится он в трех днях пути от Джурджана. Истахри называет его лучшим рейдом в тех краях. Зейд-аль-Балхи также отмечал выгодное расположение и значение Абескуна. Мукаддаси сообщает, что Абескун был складочным местом для Джурджана. В другом сочинении говорится, что из Астрабада отправляются сначала в Абескун, лучший рейд области, а затем морем в Хазарию, Дарбанд, Дайлман и другие места. Масуди сообщал, что он сам ездил из

Абескуна в Табаристан. Ибн-Хаукаль также называл его гаванью Джурджана. По словам Садыка Исфагани, Абескун — это остров в Гилянском море, лежащий под $88^{\circ}30'$ и $37^{\circ}20'$. По имени острова Каспийское море названо также Абескунским [4], название "Абескунское море" было официально принятым. Например, Фаррохи, придворный поэт султана Махмуда Газневида, обращаясь в оде к султану, заявляет: "Твои владения — от берегов Ганга до Абескунского моря" [5]. Совершенно справедливо полагает Б.Н.Заходер, что в оде, посвященной владетельному лицу, поэт не мог допустить какую-либо неточность в наименовании границ владений этого лица. Абескунским морем или морем гавани Горгана называют Астрабадский залив также известный автор газневидских мемуаров Абу-ль-Фази Бейхаки и Абу Райхан Бируни. Якут в своем Географическом словаре сообщает, что близ Табаристана находится море, лежащая при нем гавань Джурджана — город Абескун, по которому оно и названо (морем Абескунским); оно простирается затем до Табаристана, страны Дайламокой, Ширвана, Баб-эль-Абваба, земли еланов и хазар, далее от реки Итиля, которая доходит до него, потом до страны гузов, после чего возвращается к Абескуну [6]. В "Истории Табаристана" говорится, что "в 297 г. х. (909-910 гг.) шестнадцать штук кораблей русских появились на море и прибыли в Абескун, как во время Хасана (сына) Зайда (864-884 гг.). Русские приходили в Абескун и вели войну. Хасан (сын) Зайда выслал войска и умертвил их всех. В это время (т.е. 297 г.х. = 909-910 гг.) они в Абескуне и по берегам моря по ту сторону успели произвести разрушения и грабежи, да ограбить многих мусульман" [8].

В известных словарях "Борхан-е Катъ" и "Хафт Кульзун" сообщается, что абсгун означает море Хазарское или Гилянское, т.е. Каспийское, равно как и местности. Абсгун — это название острова или местечка Табаристанского близ Астрабада. Между ним и Джурджаном 3 дня пути. Этим же именем названо тамошнее море. О том, что Абескун вовсе не город, расположенный в устье реки Горган или Горган-чая или Джурджан, а остров, пишет Хондемир [9]. Как следует из его рассказа, хорезмшах Ала-ед-дин Мухаммед, опасаясь погони монголов, удалился в Карун-Дез, оттуда в Гилян, по-

том в Астрабад, затем в окрестность Амуля и, наконец, на остров Абескун, где он и умер. По сообщению Мирконда, хорезмшах ушел на один из островов Абескуна. У Фасыха, как сообщает Дорн, хорезмшах умер на островах Абескуна. Комментируя "Историю Табаристана", Дорн пишет, что Абескун у восточных авторов и на картах более позднего времени значится не островом, а местностью, лежащей на берегу моря, и его можно было бы поместить возле современного Гюмюш-Тепе. По мнению Б.Дорна, русские совершили нападения на восточный берег Каспийского моря, подвергли разрушению богатый портовый город, а не остров того же имени [10]. В то же время, если спорное словосочетание значит не "остров Абескун", а "остров Каспийского моря", то этот непоименованный остров, на который удалился хорезмшах, мог лежать и в другом месте. В.В.Бартольд сообщает, что остров, где укрылся султан, был расположен близ приморского города Абескуна, находившегося в трех днях пути от города Горгана, т.е. недалеко от устья реки Горган. Возможно, имеется в виду остров Ашур-Ада. Сколько времени провел султан на острове, неизвестно; по рассказу его спутников, с которыми впоследствии беседовал Масеви, он уже по приезде на остров страдал воспалением легких в такой степени, что не было надежды на его выздоровление. Точной даты смерти хорезмшаха неизвестно, предполагается, что он умер в шаввале 617/декабря 1220 г. [11].

На то, что Абескун был островом с городом и рекою того же имени (река Абес и Абескун), указывают не только различные источники, но и комментаторы восточных хроник. Так, комментатор Утби Менини отмечает, что "Абускун" лежал в четырех фарсах от Джурджана. По словам комментатора Наджати, жившего около 1304 г., Абускун в его время был затоплен и поглощен морем. По другим источникам (Борхан-е Каты), вода затопила этот остров в середине ХУ в. [12]. Небезынтересно отметить, что в 1861 г. в Париже было опубликовано историко-географическое обозрение Персии Барбье де Мейнара [13], в котором отмечалось, что город Абускун — маленький город на морском берегу, хотя по некоторым источникам было известно о его затоплении уже в ХУ в.

Таким образом, на основании приведенных данных невозможно достоверно представить ни историю возникновения города, ни его социальный строй, ни даже его географическое расположение. Хотя многие авторы, начиная с древних времен, отмечали, что порт "Абескун" был "местом торгова всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю", "самым известным портом на Хазарском море" [14].

Абескун, как и весь прибрежный район до завоевания его арабами, управлялся местным царьком, носившим титул сул [18]. После того, как все юго-восточное побережье Каспийского моря вошло в состав халифата, Абескун приобрел значение центра, откуда велась деятельная и систематическая пропаганда ислама в кочевьях, окружавших район гузов.

На берегу реки Гортан близ развалин города Джурджана, столицы правившей в X и начале XI вв. династии Зияридов, находится один из самых древних датированных памятников мусульманского зодчества в Иране — Гомбед-е Кабус (Башня Кабуса). Строителям ее являлся Кабус сын Вашмгира. В XII в. башню посетил Сам'ани, который привел текст куфической надписи, помещенной над входом: "Во имя бога всемилостивого, всемилосердного. Это — высокий замок, принадлежащий эмиру, солнцу высоких качеств, эмиру, сыну эмира, Кабусу сына Вашмгира; он велел построить его при своей жизни в 397 г. по лунному летоисчислению" [16]. Таким образом, Башня Кабуса была построена в 1006–1007 гг. Она описана Фразером [17], Бларамбергом [18], Бодэ [19] и особенно хорошо Пославским. В последние годы в Иране большое внимание уделяется исследованию архитектуры и искусства Ирана. В этой связи изучаются древнейшие памятники мусульманской архитектуры.

Как уже отмечалось, Абескун в качестве города ислама играл значительную роль и был обнесен кирпичной стеной. Собранные Деххода поэтические отрывки, относящиеся к описанию Абескуна, свидетельствуют, что еще Рудаки отмечал в своих стихах маршруты от "Ширвана" до "Абескуна". Подробную картину оживленных морских сообщений Абескуна с главнейшими морскими портами того вре-

мени приводит Мас'уди. Между Абескуном, Гилянном и Западным побережьем было постоянное движение судов с товарами. Через Джурджан порт был соединен с важнейшими сухопутными дорогами, по которым следовали караваны через Рей на Багдад и к Средиземному морю, через Балх и Мавераннахр на Дальний Восток и в Центральную Азию.

О происхождении названия Абескун также нет единого мнения. Бурхан-е Каты сообщает, что название Аби-сун происходит от того, что река под именем Абгун, вытекающая из Хуариза, впадает в море, называемое Асгун, во вблизи него течет так тихо и спокойно, что даже не колышет моря. По этой причине ее называют Абисгун, т.е. тихая и спокойная вода. Как пишет Б.А.Дорн, может возникнуть вопрос: не следует ли переводить: остров Абескун или в Абескуне, т.е. в Каспийском море или при городе Абескуне, а не просто остров Абескун. Однако Б.А.Дорн считает, что очень сомнительно производить Аби-Сун "воды спокойствия" [20]. Как уже упоминалось, по-видимому, Абескун очень древнее название, поэтому не совсем понятно, каким образом уже в то время для составления этого имени могло употребляться арабское слово.

Путешественники и географы разных времен помещают Абесгун обычно в устье реки Горгана, на месте современного Гюмюш-Тепе (Гомишан) - Серебряного бугра, развалины которого принимают за древний Абескун. Муравьев в "Путешествии в Туркмению и Хиву" [21] отмечал, что остров Абесгун лежал перед устьем нынешнего Гургэн-чая, поблизости от Серебряного бугра "Гюмюш-Тепе", от которого считается день пути (т.е. около 5-6 фарсахов) до Астрабада. Вблизи от бугра имеются еще значительные кирпичные развалины, которые скрываются в море; на вершине бугра находятся остатки города. Серебряный бугор назван так потому, что в развалинах в зарытых глиняных сосудах туркмены нередко находили много серебряных монет, величиной с полтинник, надписи которых они не умели читать. Все эти развалины туркмены считали остатками города, построенного Александром Великим. Серебряный бугор составляет последнее укрепления стены, называемой Кызыл-алан, вдоль которой лежали и укрепления города Гургана (Джурджана).

По уверению туркмен, Серебряный бугор прежде был островом, который лишь за несколько лет до прибытия сюда Муравьева (т.е. в 1814-1815 гг.), соединился с материком.

Точных данных о возникновении и падении города Абескуна нет, лишь Якут в своем Географическом словаре говорит об Абескуне как о "городке, населенном месте", а по другим источникам исчезновение города относится к XIV в.

Современный Гюмюшан (Гюмюш-Тепе), расположенный, как считают многие исследователи, на месте или в непосредственной близости от развалин Абескуна как бы сохраняет традиции древнего города. По преданию, записанному Аррианом, Александр Македонский именно в горах Гиркании приказал "рубить лес и строить корабли без палубы и с палубой по греческому образцу" [22]. В новое время жители города Гюмюш-Тепе также отличались в плотницком деле и судостроительстве. "Гюмюш-Тепе, - писал в 20-е годы М.Санджаби, - носит вид благоустроенного поселка, если не считать узости улиц и их загрязненности. Почти все дома сделаны из дерева и крыты железом. Лавки их битком набиты различными товарами, преимущественно английской мануфактурой, индийским чаем, марсельским сахаром. Здесь до 150 тыс. домов и 4000 кибиток. И сосредоточена почти вся торговля степи" [23]. Отсюда осуществлялась торговля с Россией и Европой. Из Гюмюшана вывозились шерсть, кожа, ковры, ковровые изделия, рис и другие товары. О значении города Гюмюш-Тепе сообщает Фарханг-е джографий-е Иран: "Жители этого селения по большей части мореходы и владельцы больших лодок", на которых они до образования Советского Союза совершали грузовые перевозки между гаванями страны шахиншаха и Россией, обменивая натуральную продукцию своей страны на необходимые им товары... Мосты через реку Гортан, прекрасные деревянные постройки Гомишана и деревень бахша (бахш - Гомбед-Кабус) являются работой местных мастеров". По переписи населения в 1956 г. в Гюмюш-Тепе насчитывалось 5167 чел., по переписи населения 1966 г. число жителей увеличилось более чем в два раза.

Анализируя традиционные занятия жителей, сохранившиеся в Гомишане (Гюмюш-Тепе), хочется вместе с В.Н.Заходаром задать вопрос: не следует ли искать загадку древнего Абескуна в холме,

находящемся в одном километре от Гюмюшана и являющемся в настоящее время кладбищем? Вокруг в радиусе 600 м виднеются остатки древних сооружений, а местные легенды рассказывают о существовании именно здесь населенного процветающего города. Комплексные историко-этнографические и археологические исследования могли бы дать ответ на многие неясные вопросы, раскрыть еще одну тайну истории и на примере порта Абескун — "места торга всех, кто ведет торговлю по Хазарскому морю", показать развитие этнических, культурных и торговых связей Востока и Запада.

Л и т е р а т у р а

1. Б а р т о л ь д В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Собр. соч., т. II, ч. I,
2. Д о р н Б. Каспий. О походах древних русских в Таваристан.— СПб., 1875, с. 9-10.
2. Б а р т о л ь д В.В. Арабские известия о русских. Собр.соч., т. II, ч. I, с. 5,8.
3. Д о р н Б. Указ. соч., с. 4-5.
4. Д о р н Б. Указ. соч., с. 9-10, 535.
5. Цит. по Б.Н.Заходер. Каспийский свод сведений по Восточной Европе. — М., 1963, с. 14-15.
6. Д о р н Б. Указ. соч., с. 9-10, 535.
7. Д о р н Б. Указ. соч., с. 5.
8. Д о р н Б. Указ. соч., с. 5.
9. Там же, с. 78-79.
10. Там же, ч. 297-298.
11. Б а р т о л ь д В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия/ Собр. соч., т. I, с. 493.
12. Д о р н Б. Указ. соч., с. 9.
13. *Barbier de Meynard Dictionnaire géographique historique et littéraire de la Perse. Paris, 1961, p.1.*
См. Заходер Б.Н., указ. раб., с. 14.
14. Д е х х о д а, с. 27. Худуд аль-Алам, изд. Бартольда В.В., л. 296.
15. З а х о д е р Б.Н. Указ. раб., с. 15.

16. Б а р т о л ь д В.В. Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры/ Собр. соч., т. IV. - М., 1966, с. 263.
17. *Frei zar j. v. Narrative of a journey to Chorasan in the years 1821 and 1822 including some account of the countries to the north-west of Persia; Lond 1825.*
18. Б л а м б е р г И.Ф. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И.Ф.Бларамбергом в 1841 г. - СПб.
19. Б о д э Кл. Очерки Туркманской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря/ Отечественные записки, /1856, т. СУП, кн. 7, с. 121-153.
20. Д о р н Б.А. Указ. раб., с. 78,79.
21. М у р а в ь е в А.Н. . Путешествие в Туркмению и Хиву, 1823 г., с. 29.
22. М у р а в ь е в А.Н. Там же.
23. Б е р г Л.С. История исследования Туркмении. - В кн.: Туркмения, I, 1929, с. 73-76. См. также Заходер Б.Н. Из истории волжско-каспийских связей, с. 113-118.
24. С в е д ж а б и М. Туркмены Ирана. Туркменоведение, 1928, № 7-8. См. также Б.Р.Логашова. Поселения и жилища туркмен Ирана/ Изв. АН Туркм. ССР, № I, 1970; Туркмены Ирана (историко-этнографическое исследование). - М., 1976.

ТОПОНИМЫ БАСЕЙНА СУРХАНДАРЬИ,
ВКЛЮЧАЮЩИЕ ПОНЯТИЯ "ГРУППА", "ОБЩИНА"

Актупак (Ширкентдарья), Туполангдарья: туп/топ (тюрк. "стая", "группа") – название сельской общины из нескольких семейств, объединившихся по родственному признаку. Община имела общественные пастбищные угодья, общие места для заготовки топлива, общественное водопользование и возглавлялась старостой. По сведениям из "Фирдаус ал-икбал" Му'ниса в начале ХУП в. во время правления хивинского хана Абу-л-Гази хана то́па являлась объединением нескольких племен или родов: "Узбеков он разделил на четыре группы, которые называли четырьмя то́па, в следующем порядке: уйгуры и найманы – одно то́па; дурманы, йузы и минги присоединились к уйгурам, а потомки пророка, шейхи и бурлаки – к найманам; конграты и кийаты – еще одно то́па; джалаиры и али-эли присоединились к кийатам; нукузы и мангыты – третье то́па; кенегасы присоединились в нукузам, а ходжа-али... – к мангытам; кавглы и кипчаки – четвертое то́па; к ним присоединились четырнадцать родов, так что они получили имя "четырнадцать родов" [5: 452].

Ак-мачить (Сангардакдарья), Ер-мачит (Ширкентдарья), Хя-ми-мачетли (Туполангдарья), Мачай (Ширабаддарья). В XIX в. в среднеазиатских ханствах существовала приписка жителей селения или округа к мечети – общинному зданию, являвшемуся, кроме местного религиозного центра, и нижшим административно-исполнительным органом (учет населения прихода, взимание налогов, совершение сделок и пр.). В Хивинском ханстве, например, списки арендаторов – вакуфников велись в налоговых тетрадах по мечетям [8:67]. Общинная мечеть концентрировала жителей одного или нескольких кишлаков (например, общество Мачай в 1894 г. [6] состояло из селений: Баш, Урпук и Адак, насчитывавших до четырехсот хозяйств)

либо объединяла жителей поквартально. Например, селение Дашнабад (Оби заранг) имело 10 мечетей, объединявших население родов чагатай и барлас [7]. Мечеть являлась общественным странноприимным местом даже для лиц другого вероисповедания: "...я в Средней Азии был приятно удивлен и долго не мог свыкнуться со столь обыкновенным явлением, когда, например, за отсутствием подходящего места в селении, вас, как гостя, помещают в мечети, где вы и располагаетесь как вам угодно" [3:6].

Галабатыр (Ширкентдарья), Вахтамгали (Сурхандарья), Хами-дангале (Туполангдарья), Кумари галанг (Каратагдарья); гада (тюрк. тадж.) "стая", "стадо", "группа". Туда (Каратагдарья), Мохла-тоды (Ханака): туда - название, применяемое к сельской общине из семейств, объединенных родственными узами. Община имеет общественные пастбища, водные источники, определенное место захоронения на кладбищах, несет сообща повинности (содержание армы, моста, участка дороги) и возглавляется старостой [2:128]. Тадж. туда из согд. "куча", "гряда", "толпа", "сборище".

Хами-майдан, Хами-дарича, Хами-овча, Хами-мачетли (Туполангдарья): тадж. хаме "все", "всех" в первой части сложных слов обычно употребляется для означения общности, совместности чего-либо.

Малян/д (Туполангдарья). В 1894 г. под названием Малян подразумевалось общество в ущелье р. Малян - правого притока Туполангдарьи. Общество насчитывало 100 дворов и состояло из пяти кишлаков Карва, Пишди, Новад, Турхак, Рунич и управлялось двумя старшинами [4:338]. Мал/мол (тадж., тюрк. "скот", "имущество", "добро", "собственность"). В верховьях Заравшана в начале XX в. места общественных выпасов скота назывались "мольхур"¹.

I С самой ранней весны, по мере освобождения гор от снежного покрова домашний гужевой, как и рабочий, скот продовольствуется подножным кормом на ближайших от селения лугах по обочинам горных речек... таких луговых пространств (мольхур), служивших для выпаса общественных стад, особенно много в той же Искандеровской волости" [1:60].

Л и т е р а т у р а

1. Д и н и н В. Очерк быта горцев верховьев Заравшана/ Изв. Тури. Отд. РГО. 1914, т. 10, вып. 1.
2. К е р м и ш е в а Б.Х. Бытовой уклад населения, Этнографические очерки узбекского сельского населения. - М., 1969.
3. Л и п с к и й В.И. Горная Бухара, 1902, ч. 1.
4. Л и п с к и й В.И. Горная Бухара, 1902, ч. 2.
5. Ш и р - М у х а м м а д б а н Э м и р А в а з - б и й - м и р а б. Фирдаус ал-икбал. - В кн.: Материалы по истории казахских ханств ХУ-ХУШ вв. - Алма-Ата, 1969.
6. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 57.
7. С у л т а н о в М.Х. Этнографические наблюдения в Сурхандарьинской области. Материалы по истории Узбекистана. - Ташкент, 1966.
8. А л д а ш е в М.Ю. И истории крестьян Хивы XIX в. - Ташкент, 1966.

С.С.Губаева
(Фергана)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ К ЭТНИЧЕСКОМУ СОСТАВУ И РАССЕЛЕНИЮ КАРАКАЛПАКОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Топонимы, образованные от этнонимов, как известно, представляют собой разряд географических названий, помогающих разрешить проблемы этногенеза и этнической истории населения того или иного района, уточнить расселение той или иной этнической группы.

В данной статье мы обратимся к топонимам, образованным от каракалпакских этнонимов.

Этнография каракалпаков Ферганской долины достаточно хорошо изучена [6]. Наша задача ограничится приведением топонимических данных, отражающих в какой-то мере расселение их в Фергане, и, может быть, некоторым уточнением списка родоплеменных названий ферганских каракалпаков.

Первые наибольшие группы каракалпаков прибыли в Фергану, по данным Л.С.Толстовой, непосредственно после джунгарского нашествия в 1723 г. на районы нижней и средней Сырдарьи [6: 17, 18]. Следующие группы пришли сюда при Абду-Керим-бие - правителя Ферганы (1740-1760 гг.) [6:20]. Основная же часть каракалпаков, по мнению Л.С.Толстовой, переселилась в Фергану в последней четверти XVIII в. [6:20, 21]. Последними были, по-видимому, насильственно переселенные каракалпаки во время походов Алим-хана на Ташкент (1800-1809 гг.) [6:22].

Наши информаторы сообщают, что их предки прибыли сюда примерно лет 250-270 тому назад из районов современной Каракалпакии¹. Они осели по берегам реки, так как им нужен был камыш для изготовления циновок (буйра) и рыба. Предки же жителей кишлака Дарламон (Московский район Андижанской области, недалеко от районного центра Шарихан) прибыли, якобы, из Джийдели-Байоуна сначала в Намазакгузар (это старое название селения Шарихана), в настоящее время так называется только один из кварталов Шарихана). Но здесь им не понравилось. Тогда каракалпам предложено было переселиться в район нынешнего селений Дарламон, здесь они были освобождены от налогов. Отсюда будто бы и произошло название кишлака, что означает, как говорили информаторы, "освобождение".

Живут каракалпаки, по данным Л.С.Толстовой и нашим материалам, в Андижанской, Наманганской и Ферганской областях Узбекской ССР, но "почти исключительно вдоль рек Сырдарьи и Карадарьи от Андижана на востоке и до Коканда на западе" [6:4].

1. Хисамитдинов Абдуманноб, каракалпак, 63 лет из кишлака Ишан (Андижанская область, Балыкчинский район, с/с Алимбек); Каримов Маруф, каракалпак, 83 лет; Умурзаков Мамасидик, каракалпак, 76 лет; Кадиров Мамарасул, каракалпак, 67 лет; Темиров Мамасидик, каракалпак, 76 лет и др. (с. Дарламон).

По словам Л.С.Толстой, ферганские каракалпаки, по-видимому, никогда не имели такой сложной родоплеменной структуры, как каракалпаки Хорезма [6:43-45]. Были собраны следующие названия родоплеменных подразделений ферганских каракалпаков: мангыт с подразделениями ак-мангыт, кара-мангыт, ток-мангыт, шуит, тамирхожа, жаманша; кенегес с подразделением оймаут; кыпчак с подразделениями ктай-кыпчак и жау-кыпчак, бессары, аралбай, айтеке; конград с подразделениями муйтен, уйручи, телиминт, найман.

Собранные нами этнонимы частично совпадают с этнонимами Л.С.Толстой: уйручи, найман, мангыт, конград, кыпчак, митан (или муйтен). Но, по данным наших информаторов, род уйручи имеет подразделения джеты уул, сары¹, мангыт. Кроме того, наши информаторы привели в числе ферганских каракалпакских этнонимов курама², учаган, учаклы³.

Каракалпаки селения Дарламон в основном потомки рода уйручи подразделения сары. В кишлаке Найман (Московский район Андижанской области) жили когда-то каракалпаки-найманы; в кишлаках Бугазы (Андижанский район Андижанской области) и Бебагазы (Наманганская область) — каракалпаки-мангыты. Каракалпаки-кунграды жили в селениях Гуртава и Чардара Наманганской области, каракалпаки-кыпчаки — в кишлаках Такали, Сайбун и Кыпчак Ахунбабазовского района Ферганской области. Упомянутый кишлак Сайбуи состоит из трех кварталов Уйручи, Кыпчак и Найман, в каждом из которых жил одноименный род. В кишлаке Ишан (Балыкчинский район Андижанской области) жили каракалпаки родов наймен, мангыт и учаклы, в кишлаках Бакекуруллак и Хаджабад (Балыкчинский район Андижанской области) — в основном каракалпаки-мангыты, в меньшем количестве — митаны и уйручи.

Но надо помнить, что материал Л.С.Толстой собирался в 50-е г., наш материал — в 70-е г., когда родоплеменные назва-

1 У хорезмских каракалпаков в племенах шамайли и керегес было подразделение сары [1:166].

2 Этот этноним есть и у хорезмских каракалпаков [1:165].

3 Этих подразделений у хорезмских каракалпаков не было.

ния в значительной степени позабылись. Попробуем же обратиться к топонимии. Может быть, нам удастся дополнить список родоплеменных названий каракалпаков Ферганы.

В ряде районов, заселенных каракалпаками, имеется довольно большое число географических названий, образованных от этнонимов. Так, по административному делению на 1909 г., 24 наименования каракалпакских кишлаков Ферганской долины из 89 (это примерно 26,9%) отражают названия племен и родов каракалпаков [5:35-37, 47, 84]: Митан, Кенегаз, Телиминг-Туби-Карабай, Телиминг-Тубибай-Масалих, Чуит, Уюрчи-Дамкуль, Уймаут, Найман-Темирсули, Урай, Найман-Дарляман, Уюрчи-Дарляман, Урмитан и др. Есть районы, заселенные каракалпаками, в которых количество географических названий, образованных от этнонимов, достигает до 40-50%.

Названия каракалпакских селений Джабу, Кырк-чек, Бешсары тоже, на наш взгляд, связаны с подразделением ферганских каракалпаков. Так, джабу - подразделение племени кыпчак у каракалпаков Хорезма, кырк и бешсары (бессары) - подразделения кытэев у тех же каракалпаков Хорезма [1:162, 163, 165; 2:782, 783, 785]. Значит, эти подразделения могли быть и у ферганских каракалпаков.

Среди каракалпакских этнонимов, приведенных Т.А.Жданко в "Очерках исторической этнографии каракалпаков", имеется нанжамас [1:166]. Подобный этноним пока ни у одного народа нам не встречался. Поэтому можно предположить, что название населенного пункта Нанас, который находится в 12 км к северо-востоку от г. Коканда, произошло от наименования подразделения ферганских каракалпаков, хотя, по данным "Списка населенных мест" за 1909 г., в этом селении жили узбеки [5:38]. Любопытно народное толкование топонима Найман (населенный пункт Найман находится недалеко от Наманас) в связи с толкованием Наманас. Если Наманас в современном переводе означает "не едящий хлеба", то Найман, по объяснению местных жителей, будто бы означает нан айман, т.е. "буду есть хлеб". Существует даже поговорка Найман

ден катган туймайди, т.е. "тот, кто ушел от найманов, не надеется".

Топонимы Чек-Сирак и Катта-Сирак (селения расположены в 50 км к западу от Коканда на берегу реки Сырдарьи в районе большого селения Башарык) напоминают каракалпакский этноним кара-сирак [1:164]. Образование вышеуказанного топонима от каракалпакского этнонима вероятно еще и потому, что рядом находится селения Каракалпак. Но этноним сирак есть и у узбеков (в форме сийрокли) [8:81; 4; 72; 7]. Следовательно, возможно, что топонимы Чек-Сирак и Катта-Сирак обязаны своим происхождением не каракалпакскому этнониму.

Названия трех населенных пунктов Кыят, Катта-Кыят, Кичик-Кыят, возможно, связаны с каракалпаками (по материалам Т.А.Жданко, у хорезмских каракалпачков было племя Кыят) [1:165], так как все эти кишлаки находятся в районах возможного расселения каракалпачков: Катта-Кыят и Кичик-Кыят к юго-западу от Коканда, а Кыят в 10 км к югу от Намангана. Но опять-таки может быть так, что эти топонимы образованы от названия узбекского рода [3:219].

Таким образом, анализ топонимии позволяет уточнить не только расселение каракалпачков в Ферганской долине, но и список их этнонимов.

Л и т е р а т у р а

1. Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпачков. - М.-Л., 1950.
 2. Каракалпакско-русский словарь под ред. Н.А.Баскакова. - М., 1958.
 3. Магидович И. Население. - Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, ч. I. - Ташкент, 1923.
 4. Наджимов К. Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области. - Труды Среднеазиатского государства
-
- I Инф. Каримов Саминджан, каракалпак, из селения Бувайды Янгикурганского района Ферганской области.

венного университета, новая серия, вып. 143, Биологические науки, кн. 35. - Ташкент, 1958.

5. Список населенных мест Ферганской области. - Скобелев, 1909.
6. Толстова Л.С. Каракалпаки Ферганской долины. - Нукус, 1959.
7. Файзиев Т. Узбеки-курама (в прошлом и настоящем). Автореф. канд. дисс. - Ташкент, 1963.
8. Даниёров Х. Узбек халкининг шежара ва шевалари. - Ташкент, 1968.

К.Конкобаев
(Фрунзе)

СТРУКТУРА КИРГИЗСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Под структурой топонима понимается определенный морфологический и словообразовательный состав географических имен. При этом имеется в виду не историческая, а современная морфология, проявляющаяся в способности слова изменяться, сочетаться с определенными аффиксами.

Киргизские топонимы по структуре можно разделить на две основные модели: простые и сложные топонимы [4:19]. Кроме того, в топонимии Киргизии используются собственно топонимические форманты (-ты, -лы, -лыг, -луу), привлекавшие внимание киргизских языковедов [12:71-91; 4:19], а также некоторые словообразовательные аффиксы киргизского языка.

Простые топонимы

Простые топонимы в киргизской топонимии образуются из существительных без участия аффикса и с его участием. Основа -

аппеллятив в первом случае остается без каких-либо формальных изменений, но получает новое значение.

Простые топонимы делятся на непроеизводные и производные (аффиксальные).

Н а п р о и з в о д н ы е п р о с т ы е т о п о н и м ы. Под непроеизводными простыми топонимами мы понимаем топонимы, образованные на основе существительного без участия аффикса [6:22]. Непроеизводные простые топонимы образуются из различных по тематике групп слов и терминов, к ним относятся:

1) географические термины – простые топонимы: Кел, токт., оз.; Найза (пикообразная скала), чатк., г. и др.;

2) социально-экономические термины – простые топонимы: Чанач, токт., чатк., р.; Тепши, сов., алк., ал., лет. и др.;

3) этнонимы – простые топонимы: Бугу, Телейкен, Бежей, Мамай, Баргы, Савай, Жоош, Маңгыт, Бостон; Найман, Жору, Беру и др.;

4) антропонимы – простые топонимы: Алдаяр, ал., г.; Багмат, коуу., г. и др.;

5) названия животных и растений – простые топонимы: Кулун, сов., оз.; Чыйырчик, ал., пер.; Куран, ал., мест.; Кекилик, ал., г. и др.;

6) геологические термины – простые топонимы: Жошо, чатк., сув., р.; Калай, жол., г., р., р.; Зар, узг., г.; Алтын, фр., р.; Туз, ал., пер.; Сымап, батк., р. и др.

Кроме приведенных, к простым непроеизводным топонимам можно отнести некоторые прилагательные, например; Тар, сов., р.; Туук, узг., ущ.; Жаш, ар, мест.; Ичке, фр., р.; Улан (монг. улан "красный"), фр., р.; Белый, ал., пик и др. В составе топонимии немало субстантивированных существительных типа кайрак, какыр, такыр, каймы, сыйдам, мойнок и т.п., которые не в праве отнести к прилагательным. Такие слова имеют определенные терминологические значения, поэтому правомерно отнести их к географическим терминам, образующим простые топонимы.

П р о и з в о д н ы е (а ф ф и к с а л ь н ы е) т о п о н и м ы. Аффиксальные простые топонимы образуются с помощью следующих аффиксов:

-лар: в киргизской топонимии он встречается в вариантах -лар, -дар, -тар, -тер, например, Меңгүлөр "ледники", ал., ледн.; Кыздар (букв. "девушки", вероятно, это огуздар "огузы"), алк., пер.; Пограничниктер "пограничники", ал., ледн. -лар в топонимах Киргизии означает тоже множественное число, что в киргизском [8:54-58] и в других тюркских языках, например, турецком языке [7:67-70].

-луу (вариант -туу): Алмалуу, токт., мест., нп.; Уларлуу, коуу., г., р.; Жолборстуу, ал., г., урочище; Кымыздыктуу, ал., ложб. Он означает наличие чего-либо [8:125]. Особенность таких производных географических имен в том, что определяемая часть всегда редуцирована, а названия, образованные с помощью аффикса -луу, обратно субстантивируются, т.е. определяющее превратилось таким образом в собственно топоним.

Кроме того, в сложных географических именах сохранилась древняя форма современного киргизского аффикса -луу, -лыг (об этом см. топонимы на -лык).

-чил, образует прилагательное от имен [8:126], ср. Эмгекчил "трудолюбивый", сов., нп. В сложных топонимах встречается в некоторых названиях: Ленинчил-Жаш, сов., нп.

-лы (варианты -ли, -лу, -ды, -ди, -ду, -ты, -ту). Природа аффикса -лы в топонимах Киргизии достаточно хорошо рассмотрена в работах Б.О.Орузбаевой [12:71-91] и Д.Исаева [5:58-60]. Поэтому здесь мы ограничиваемся примерами на -лы: Карагайлы, токт., ущ., р.; Уларлы, узг., г.; на -ли: Шилбили, Тамали, узг., сов., ложб., г.; на -лу: Жомолу, Мурделу, ал., ложб., р.; на -ды: Куранды, токт., г.; Чалканды, лр., мест.; на -ди: Четинди, Эрменди, лр., лог.; на -ду: Борду, токт., р.; Корумду, сов., г.; на -ты: Табылгыты, Балыкты, Чабыкты, Карагатты, Шырыкты, токт., сов., узг., ал., г., лог., р.; на -ту: Сүлүктү, фр., гор. Также, как в простых топонимах, образованных с помощью -луу, в данной группе названий редуцированы аффиксы.

-чы (варианты -чи, -чу): Тамчы, ар., сов., р., пер., мест.; Кашкарчы, ал., нп.; Чайырчы, батк., на.; Кочкорчу, ал., мест. В киргизских топонимах аффикс -чы, образуя существительные, присоединяется к глагольной основе (там "капать" + чы - "кап-

ля"), к существительным (кочкор "баран" + чу "чабан"), к этнонимическим образованиям (кашкар + чы "люди из Кашкара", Чайырчи "чокающие"), т.е. этническая группа в Баткенском района, в отличие от всех киргизов в их языке сохранились чоканье и цоканье.

-ак, аффикс уменьшительности, но он встречается в киргизском языке только в словах козёнок, кыргызак. Из топонимии, вероятно, можно сравнить следующие: Дүкөнөк (основа неясна), лйик., р.; Көпөнөк (основа неясна), ал., р.; в сложных топонимах с Ак-Төбөк (от төбө), лйик., р., холм.

-жын: ср. с тюрко-монг. -жын, означающий самок домашних животных: кунажын, денежүн, мөгөлжын [8:95], и с топонимом Кылоожув (кылоо - возглас, которым позывают телят-сосунков, название болезни телят, южн. "яшур у верблюдов", "песня-оберар", исполняемая после рождения теленка" [15:478], сов., лог., нп.

-гер: ср. Зергер (ювелир), узг., нп.

-ак, -к (варианты -ык, -ук). В киргизском языке этот аффикс, как и в других тюркских языках, образует от глагольных основ существительные [8:100.] Ср. в топонимии: Торук, Толук (вероятно, они варианты тур, турук "стоять", "становище"), токт., алб., лр., р., нп., мест.; Шалдырак, коуу, пер., р. и др.

-ыш (варианты -аш, -уш, -иш, -үш): значения аффикса [8:99] ср. в топонимах: Өзгөрүш, лйик., узг., сов., коуу., токт., нп.; Эриш, Жеңиш, лйик., нп.; Ирилеш, фр., нп.; Каргыш, токт., пер. и др.

-лык (варианты -лук, -лик, -дык, -дук, -тук). В тюркских языках аффикс -лык имеет различные значения [8:91-92; 7:106-111]. В киргизской топонимии он имеет значение места, изобилующего предметами природы, также образует этнонимы, связанные с местожительством, с каким-либо городом, населенным пунктом. В последнем значении он синонимичен с аффиксом -ди [7:104-105; 9:126-127]. Примеры: 1) Булгандык "соболиный", лр., нп., мест.; Арпалык "ячменный", лр., мест.; Чымындык "место, где много мух", лйик., пер. и др. Все эти топонимы указывают на местность, изобилующую чем-то; но в подобных простых топонимах выделяется ре-

дуцирован, поэтому формально они являются прилагательными субстантивированными; 2) Кокондук "люди из Коканда", др., нп.; Аркалык "люди из Северной Киргизии", др., нп.; Чакелик "люди из Чека" (т.е. из окраины или из нп. Чека) фр., нп., и др. Кроме того, в наше время появились названия, в основу которых легли слова, образованные с помощью аффикса -лык: Бирлик, Ийгилик.

-лак: этот аффикс образует имена отыменных основ; одним из значений этого аффикса, отмеченных Э.В.Севортяном, является местность, место, на которых имеются предметы природы или предметы, сделанные трудом человека [13:50]. Это значение сохранилось в орониме Төр-Жайлак "высокогорное летнее пастбище", токт., лет., г. Эта форма аффикса отсутствует в современном киргизском языке. Однако имеются его варианты, ср.: таштак "каменистый", кумдак "песчаный" и т.п. (подробнее о нем см. в [8:104-105]).

-чак: в топонимии присоединяется к существительному (напр., Чуңкурчак - чуңкур "впадина" + чак "небольшая впадина") и к глаголу (напр., Чандырчак - чаңыр "орать, кричать" + чак "шумная река", токт., чатк., пер., р. - означает уменьшительность [8:105].

-ма (варианты -ме, -ме, иногда -па): один из продуктивных аффиксов в топонимии Киргизии, от глагольных основ образует существительные [8:98]. Проиллюстрируем топонимическими примерами: Шаркыратма "водопад", токт., сов., ар., суз., водопад, р., нп.; Артылма "перевал", ал., пер.; Чепчима "недоступная скала, склон, перевал", алб., пер.; Айлампма "водоворот", ал., р.; Дүңгүрөмө "шум", сов., ал., г., ущ.; Эшма "груды мелкого щебня, выветрившейся мягкой породы", бат., г. и т.д.

Сложные топонимы

Сложные географические имена преобладают в топонимии Киргизии, составляя по предварительным данным около 70% имеющегося материала. Важность изучения их структуры несомненна, так как в них веками сохраняются сложившиеся синтаксические

единицы языка. Изучение так называемых "сложных топонимов" начато Д.Исаевым на примере Северной Киргизии [5:62-75]. Мы рассмотрим сложные киргизские топонимы, которые по морфологическим признакам делятся на двух-, трех- и реже четырехкомпонентные названия.

Двухкомпонентные топонимы

Главный признак двухкомпонентных топонимов – атрибутивная синтагма, т.е. непредикативная синтагма, состоящая из определения и определяемого слова¹. Кроме того, в редуцированных глагольных топонимах нередко встречается предикативная синтагма (в большинстве случаев лишь формально).

Компоненты киргизских двухкомпонентных сложных топонимов представляют собой слова, относящиеся к различным частям речи. И к первому, и ко второму компонентам топонима могут присоединяться различные словообразовательные аффиксы, поэтому двухкомпонентные сложные топонимы можно разделить на 7 морфологических типов [4:20].

1. Атрибутивная синтагма типа "существительное + существительное". По этому типу образованы топонимы двух видов: безаффиксальные сложные топонимы, т.е. топонимы, компоненты которых состоят из существительных, первый в роли определяющего, второй – определяемого; аффиксальные сложные топонимы, т.е. топонимы-словосочетания, оформленные двумя (вторым и третьим) типами тюркского изафета [2; 98; 3:106-123; 1:12-23].

Б а з а ф ф и к с а л ь н ы е с л о ж н ы е т о п о н и м ы (I тип тюркского изафета). Такие топонимы грамматически оформляются примыканием, и в природе таких топонимов порядок расположения слов имеет существенное значение. Для названия объекта находился характеризующий главный признак. Это осуществлялось средствами языка: географический род объекта – тармином, а главный признак – другими аффиксами, характеризующими этот

¹ Подробно конструкция словосочетаний этого типа изложена в работе Н.А.Баскакова [2:129-178].

объект. Так как эта группа двухкомпонентных топонимов представляет собой I тип тюркского изафета, то нужно "учитывать и содержательную сторону - наряду с грамматическим и логический аспект" [3:108].

В составе базификсальных сложных топонимов Киргизии выделяются некоторые группы признаков определяющего (атрибута, первого компонента), которые указывают на различные семантические особенности географического объекта. Можно выявить семантические (тематические) группы по значению первого определяющего компонента:

а) первый компонент топонимов из антропонимов, содержащий информацию о принадлежности географического объекта к определенному лицу, либо какую-нибудь причастность человека к нему: Токтобек-Сай (букв. "сай Токтобека"), токт., р.; Каныш-Кыя "косяк Каныша", чатк., нп.; Кожо-Жайлоо "летняя ходжа", узг., лет., р. и т.д. Кроме того, первый компонент указывает на принадлежность или причастность племени, народа к объекту: Черик-Көл "озера племени черик", чатк., оз.; Тажик-Кыштак "селения таджиков", ноок., нп.; Эзбек-Гава, Кыргыз-Гава "лог узбека" и "лог киргиза", др., нп и т.д.;

б) первый компонент топонимов указывает на местоположение, начало и т.п. географического объекта: Рабат-Сай "река, которая протекает около Рабат", алб., р.; Жол-Колот "дорога" - "лог", др., мест.; Даңги-Булак "родник в теснине", ал., р. и т.д.;

в) атрибут указывает на отличительный характер поверхности географического объекта: Темир-Жон "горный хребет с железной рудой", сов., хр.; Таш-Жайлоо "каменная летовка", фр., лет., св. и т.д.;

г) атрибут указывает на животных и растения: Четин-Кабак "выпадина, где растет рябина", батк., мест.; Чыйырчык-Таңги "теснина, на которой гнездятся скворцы" (чыйырчык), батк., теснина и т.д.;

д) атрибут в сложных топонимах указывает объект, названный по аналогии с каким-либо предметом: Карага-Таш "камен-

ная грядка, похожая на кереге (деревянная решетка цилиндрической части юрты), токт., алк., мест.; Уй-Таш "камень, похожий на корову", ксуу, скала; Чатыр-Таш "камень, похожий на шатер", ал., мест., р. и т.д.;

в) атрибут отражает количество аффиксатива: Алты-Курук (букв. "шесть высохших", батк., г.; Жалгыз-Кыр "одиноким горный хребет", токт., г. и т.д.;

ч) атрибут в сложных топонимах информирует нас об общественно-социальных и других явлениях жизни населения: Мектеп-Сай "школа в речной долине", лйк., нп.; Мазар-Арык "священный арык", ноок., нп.; Ойрон-Жылга "ложбина, в которой произошла битва", ал., ложб. и др.

А ф ф и к с а л ь н ы е с л о ж н ы е т о п о н и м ы. По типу "существительное+существительное" киргизские аффиксальные сложные топонимы в зависимости от присоединения ко второму и первому компонентам (соответственно аффикс принадлежности -ы и аффикс родительного падежа -нын) делятся на две группы. Это топонимы-словосочетания II и III типов тюркского (киргизского) изафета.

а) Топонимы-словосочетания II типа тюркского изафета. Особенностью таких топонимов является выпадение аффикса родительного падежа -нын в первом компоненте, сохранение аффикса принадлежности -ы во втором компоненте. Примеры: Келдук чаты "конец Колдука", ал., н.; Коо чаты "конец Коо", алк., нп.; Базар башы "начало базара", батк., нп.; Тагирман башы "начало Тагирмена", лйк., мест. и т.д.

Этот тип, как показывают топонимические данные, явления более позднего происхождения. Во-первых, интенсивно употребляются слова баш "начало" и чат "конец", т.е. подразумевают более ранний другой топоним ("конец и начало чего"), во-вторых, аффикс принадлежности -ы, указывающий на принадлежность к третьему лицу или объекту, тоже доказывает вторичность.

б) Топонимы-словосочетания III типа тюркского изафета. Грамматические показатели -нын и -ы сохраняются, в отличие от приведенных сложных топонимов. Примеры: Коктунун

оозу¹ "вход лога", др., нп.; Калыгулдун көпүрөсү "мост Калыгула", сов., мест.; Байматтын үңкүрү "пещера Баймата", сов., пещ., и т.д.

И первая, и вторая группы аффиксальных сложных топонимов – явление нередкое. Особенно их много в составе микротопонимии.

2. Атрибутивная синтагма типа "прилагательное+существительное". Географические имена этого типа один из наиболее распространенных в топонимии Южной Киргизии. По участию аффиксов они делятся на а) безаффиксальные и на б) аффиксальные сложные топонимы.

а) Безаффиксальные сложные топонимы. Атрибут в сложных топонимах указывает на различные качественные (цвет, размер, объем, направление и т.п.) стороны, характеристики географического объекта: Жаңы-Жар "новая земля", фр., нп.; Ичке-Суу "узкая река", фр., р.; Чат-Бейит "окраинное кладбище", ар., мест. и т.п.

б) Аффиксальные сложные топонимы. Атрибут в таких топонимах является производным. Участвуют аффиксы -лыг, -луу, -ды, образующие прилагательные от имен существительных. Сюда можно отнести следующие топонимы: Аюлуу-Бел "медвежий перевал", ал., пер.; Арчалуу-Төр "высокогорное пастбище, где много арчи", ал., пер.; Талды-Булак "ивовый, тальниковый родник", алк., уроч. и др. Помимо них можно включить сюда же топонимы, оформленные с формой -ыг: Улук-Катын "старшая катын, женщина", ар., г.; Улуг-Таг "высокая гора", ар., г.; Улук-Көл "высокогорное озеро", ал., оз. и т.д.

Атрибут-прилагательное в сложных топонимах указывает на различные качества, особенности географического объекта:

1) цвет (Улан-Булак "красный родник", лйк., родн.; Ак-Төр "белое высокогорное пастбище", ал., г. и т.д.); 2) форму, облик (Ийри-Суу "кривая река", алк., узг., лет., нп.; Тагерак-Даван

1 Особенность орфографии этого типа топонимов состоит в том, что они пишутся без дефиса, второй компонент пишется не с большой буквы, как в других сложных географических именах.

"круглый перевал", ал., пар., и т.д.); 3) длину, ширину, высоту, низ и т.п. (Узун-Айрык "длинная долина", алк., дол., нп.; Чоң-Чек "большая граница", узг., мест. и т.д.); 4) качества (Сасык-Булак "вонючий родник", южн., родн.; Жаман-Жайлоо "плохая летовка", пр., лет. и т.д.); 5) наличие чего-нибудь (Талды-Суу "табличковая река", алк., ущ.; Чымынды-Сай "речная долина, на которой много мух", алб., р. и т.д.).

3. Атрибутивная синтагма типа "прилагательное+прилагательное". Топонимы этого типа появились в результате эллипсирования последнего компонента. К ним относятся определения "верхний" или "нижний", "большой" или "малый" и т.п. Например, название летовки Балгынды в горной долине Тарек в Советском районе. Современную форму топонима мы считаем эллиптированной, по происхождению более поздней. Первоначально он звучал Балгынды-Сай "речная долина с балгыном". Здесь изобилует балгын (вид кустарника), это послужило признаком при номинации. Освоение территории потребовало назвать разные части долины. Видимо, так возникли Чоң-Балгынды и Кичи-Балгынды (Большой и Малый Балгынды), после чего отпал термин сай.

Как только у двухкомпонентного топонима появляется третий элемент, то создается условие для эллипсирования. После этого выпадает последний компонент — географический термин. В результате в подобных атрибутивных аффиксальных топонимах первоначальное определение субстантивизируется и само становится определяемым компонентом [10:9-10].

Покажем это на следующих примерах: Кичи-Кайыңды, Чоң-Кайыңды, алк., лет.; Кичи-Бүлөлү, Чоң-Бүлөлү, ал., ущ.; Катта-Алчадуу, ксуу., г.; Катта-Талдык, ксуу., нп. и т.д.

4. Атрибутивная синтагма типа "числительное+существительное". В киргизской топонимии используются в качестве атрибута в сложных топонимах определенные числительные: алты "шесть"; алтымыш "шестьдесят"; беш "пять, много"; бир "один"; жалгыз, жаңгыз "один", кош "двойной"; кырк "сорок, много"; мин "тысяча, много"; он "десять"; отуз "тридцать, много"; сан "несчастный"; тогуз "девять, много"; токсон "десяносто"; төрт "четыре"; үч "три"; эки "два". Примеры: Алты-Курук, батк., г.; Алтымыш-Ат,

жол., р.; Беш-Таш, токт., пер.; Беш-Жыгач, др., мест.; Бир-Суу, ал., р.; Жалгыз-Кыр, Жаңгыз-Жол, токт., хр., дорога; Кош-Мойнок, ал., пер.; Кырк-Күнгөй, др., мест.; Миң-Таке, юн., г.; Он-Тамчы, др., пер.; Отуз-Арт, др., пер.; Сан-Таш, токт., г.; Тогуз-Тарак, алб., р.; Токсон-Кемпир, сов., р.; Төрт-Кала, батк., г.; Үч-Курт, жол., р.; Эки-Кошкон, др., нп.

5. Предикативная синтагма. В топонимии Киргизии встречаются два типа этой синтагмы: существительное+причастие и причастие+существительное.

Предикативная синтагма "существительное+причастие". Этот тип сложных глагольных топонимов в зависимости от формы причастия делится на четыре группы. Рассмотрим их в отдельности.

а) Причастия прошедшего-настоящего времени с аффиксом -ган (варианты -ген, -кан). Причастие на -ган, как в киргизском, так и во многих тюркских языках, означает действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, свойство, проявляющееся вне строго определенного времени. В топонимии Киргизии он ничем не отличается, ср.: Жар-Казган, токт., пер.; Телөбай-Өлгөн, токт., г.; Кожо-Ашкан, батк., пик, пер. и др. Особенность только в том, что аппеллятив в большинстве случаев редуцирован, ср. Бокой-Өлгөн, в самом деле это Бокой-Өлгөн-Журт "латовка, на которой умер Бокой", или Орус-Өлгөн, в действительности Орус-Өлгөн-Конуш "латовка, где умер русский". Подобные журт, конуш слова, аппеллятивы, обозначающие географические объекты, опускаются, редуцируются, в состав другой группы таких названий не редуцируются, ср. Сууган-Таш "остывший камень", Казган-Мазар "выкопанный мазар" и др.

б) Причастия настоящего-будущего времени с аффиксом -ар. Аффикс причастия -ар, присоединяясь к глагольным основам, как в киргизском языке [8:279], так и в топонимии Киргизии, образует сложные топонимы полного предложения, с опущенным конечным элементом и без него. Примеры: Ит-Агар "река, которая понесет собаку", токт., р., мест., пер.; Ат-Чабар "местность, на которой проводят скачки лошадей", др., мест.; Из-Басар "гора, на которой

идет след", фр., г.; Качар-Ала-Тер "убегающий", ала, вероятно, "высокий" (высокогорное пастбище), сов., пер., пастб. и т.д.

в) Причастия настоящего-будущего времени в отрицательной форме. В составе некоторых топонимов встречается причастие с элементом -бас (от отрицательной формы причастия -бас) [8:280], по структуре напоминающее законченное полное предложение, но здесь по структуре неполное предложение, так как отсутствуют, т.е. опущены, редуцированы слова, означающие сами географические объекты. Например, известный тюркский Барса-Калмас "пойдешь-не вернешься", где опущен термин арал "остров", который местными жителями сам собой подразумевается. Здесь, по-видимому, нужны некоторые коррективы. В топонимии Средней и Центральной Азии, как неоднократно отмечал Э.М.Мурзаев, действительно имеются топонимы, совпадающие по форме с полными предложениями [II:26,85] и др., эти топонимы выражают законченные мысли. Формально они представляют собой два типа: 1) топонимы подного предложения с опущенным термином и 2) топонимы полного предложения без опущенных терминов. Приведем следующие примеры:

1) Улак-Эмбес "гора, на которой козленок не сосет молоко" токт., пер., лик; Кулун-Эмбес "летовка, на которой жеребенок не сосет молоко", токт., г., лат.; Берү-Кербес "лог, которого волк не видит", токт., сов., лог., пер.; Жел-Тийбес "лог, на который не дует ветер", жол., лог, мест. и др. 2) Күн-Тийбес-Сай "рачная долина, куда не падают солнечные лучи", алб., дол., р. и т.д.

г) Глаголы прошедшего определенного времени изъявительного наклонения. Топонимы этой группы образованы с помощью аффикса -ды (варианты -ду, -дү, -ди, -тү). Этот аффикс встречается только в сложных топонимах и означает законченное в прошлом действие, ср. с примерами из южнокиргизской топонимии: Кыз-Тууду, токт., Кемпир-Өлдү, токт., пер.; Токмок-Салды, чатк., пер., р., Түлее-Берди, чатк., Суук-Түштү, ал., р.

Предикативная синтагма типа "нарча + существительное". Сюда относятся

следующие топонимы на -ган: Турган-Сай, чатк., р.; Куйган-Сай, жол., р.; Каскен-Бал, ал., пер. и др.

Многокомпонентные сложные топонимы

Топонимов данного типа в Южной Киргизии немного меньше, чем двухкомпонентных. На материалах топонимии Северной Киргизии они проанализированы Д.Исаевым [5:74-75].

Основными их особенностями являются определенные синтаксические признаки. Они делятся на две части: определяющее и определяемое, т.е. представляют собой тип атрибутивной синтагмы, как в двухкомпонентных топонимах. Но здесь вторую определяемую часть составляет двухкомпонентный топоним, выступающий как неделимая синтаксическая единица, тогда как первая часть выполняет функцию определяющего. Например, Баш-Ичке-Суу: где баш - определяющее, ичке суу - определяемое. Другую группу трехкомпонентных топонимов, напротив, составляют географические имена, первая часть которых состоит из двухкомпонентных топонимов, выступающих в роли определяющего, в то время как определяемая часть состоит из одного слова, например, Кара-Булак-Тер: кара булак - определяющее, тер - определяемое. Кроме того, в трехкомпонентных топонимах встречаются топонимы III типа тюркского изафета, например, Арпаныч-Ала-Тоосу, Жунайдын кыр чокусу.

Проиллюстрируем это на материалах топонимии Южной Киргизии: Чоң-Кызыл-Жар, Чолок-Жарды-Суу, Чоң-Эшек-Өлдү, чатк., р.; Кара-Башат-Сай, Кара-Арча-Сай, алб., р.; Талас Ала-Тоосу, токт., г. и т.д.

Четырехкомпонентные топонимы встречаются очень редко. Нам удалось зафиксировать лишь одно такое название: Кожонун-Эшегин-Берү-Талаган "полк съел осла ходжи", сов., лог.

Таким образом, структуру киргизских топонимов характеризуют:

1) по составу слов киргизские топонимы одно-, двух и трехсоставные. Наибольшую часть топонимии Южной Киргизии составляют двухсоставные географические имена;

2) в образовании и простых, и сложных топонимов участвуют словообразовательные аффиксы: -дуу, -ды, -лык и -ты (с вариантами) и другие, также причастные формы на -ган, -ар, -бас, аффикс прошедшего определенного времени изъявительного наклонения -ды;

3) внутренние и внешние факторы создают условия для эллипсирования географического имени, в результате чего топонимы подвергаются действию закона языковой экономии. Нередко эллиптоном субстантивизируется и закрепляется как топоним;

4) двух- и трехкомпонентные топонимы могут быть в положении атрибутивной и предикативной синтагмы.

Л и т е р а т у р а

1. А р х а н г е л ь с к и й Н.П. Среднеазиатские вопросы географической терминологии и транскрипции. - Ташкент, 1935.
2. Б а с к а к о в Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. - М., 1975.
3. Г а д ж и е в а Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. - М., 1973.
4. И с а е в Д. Топонимика Северной Киргизии. - Автореф. канд. дисс. - Фрунзе, 1972.
5. И с а е в Д. Жер-суу аттарынын сыры. - Фрунзе, 1977.
6. К а р а е в С. Опыт изучения топонимии Узбекистана. - Автореф. канд. дисс. - Ташкент, 1969.
7. К о н о н о в А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. - М., 1956.
8. Кыргыз тилинин грамматикасы. - Фрунзе, 1964.
9. Л е в и т с к а я Л.С. Историческая морфология чувашского языка. - М., 1976.
10. М о л ч а н о в а О.Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ). - Автореф. канд. дисс. - Томск, 1968.
11. М у р з а в Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974.
12. О р у з б а е в а Б.О. Словообразование в киргизском языке. - Фрунзе, 1964.

13. С е в о р т я н Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. — М., 1966.
14. С у п е р а н с к а я А.В. Типы и структура географических названий. — В кн.: Дингестическая терминология и прикладная топонимика. — М., 1964.
15. Ю д а х и в К.К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

Принятые сокращения

а) в названиях языков

монг. — монгольские языки

тюрк. — тюркские языки

южн. — южный диалект киргизского языка

в) в названиях районов

ал. — Алайский район

ало. — Ала-Букинский район

алк. — долина Алай-Куу Советского района

ар. — Араванский район

батк. — Баткенский район

жол. — Жанги-Джольский район

ксуу. — Кара-Суйский район

лр. — Ленинский район

ляик. — Ляйлякский район

ноок. — Наукатский район

сов. — Советский район

суз. — Сузакский район

токт. — Токтогульский район

узг. — Узгенский район

фр. — Фрунзенский район

чатк. — Чаткальская долина

в) другие сокращения

букв. — буквально

г. — гора

гор. — город

дол. — долина

ледн. — ледник

лет. — латовка, джайляу
 ложб. — ложбина
 нп. — населенный пункт
 низм. — низменность, низина
 мест. — местность, место
 оз. — озеро
 пер. — перевал
 пос. — посёлок
 р. — река
 реч. — речка
 родн. — родник, источник
 руч. — ручей
 см. — смотритя
 ур. — урочище
 ущ. — ущелье
 хр. — хребет

М.Н. Рамазанова
 (Ангрэн, Узбек. ССР)

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ТОПОНИМЫ ТАШКЕНТСКОЙ ОБЛАСТИ

В современных работах по ономастике Средней Азии выделяют в основном следующие топонимические пласты, характерные и для топонимии Узбекской ССР: топонимы иранского происхождения — самые древние, топонимы тюркского происхождения — более поздние, и новые образования — топонимы славянского происхождения. "На территории Узбекистана можно заметить четыре группы названий, на имеющих характера настоящих топонимических пластов: древнейшую (смешанного происхождения), иранскую, тюркскую и русскую" [2:4].

Изученность указанных пластов топонимии Узбекистана различна, но именно самые молодые по возрасту славянские относятся к наименее исследованным, в частности топонимы славянского происхождения на территории Ташкентской области, возникновение которых относится к 80-м г. XIX в.

Русские переселенцы прибыли в Туркестан в основном из центральных районов России (Орловской, Курской, Воронежской, Астраханской и других губерний), а также с Украины. Расселяясь на территории края, они не только осваивали местные географические названия в основном тюркского происхождения, но многим объектам давали свои наименования. В связи с этим на территории Туркестана постепенно возникает сложное переплетение вновь созданных русских и бытовавших коренных топонимов [1:241].

В связи с этим многие названия населенных пунктов Ташкентской области повторяют названия сел Центральной России, Украины (села: Нижне-Волынское, Велико-Александровское, Петропавловское, Славское, Михайловка, Захаровка, Калиновка и др.).

Если сравнить топонимы, бытовавшие на территории Ташкентской области в первые годы Советской власти (данные первой переписи населения Узбекистана за 1926 г.), и современные (данные Центрального статистического управления за 1976 г.), то видно, что топонимы славянского происхождения значительно увеличились в общем объеме географических названий населенных пунктов области. Если в двадцатье годы их было всего 7,5% (44 топонима из общего числа 584), то в настоящее время на территории Ташкентской области зафиксировано 17% (206 из общего числа 1357), т.е. в наши дни топонимы славянского происхождения составляют шестую часть всех топонимов Ташкентской области.

Установлено, что только четыре дореволюционных названия бытуют и в настоящее время (населенные пункты Ореховка, Петропавловское, Сратенское, Солдатское). Остальные топонимы или заменены новыми, или вышли из употребления вместе с ис-

чазованием самих населенных пунктов. Не стали употребляться топонимы, отражающие идеологию прошлого (села Одиночка, Рождественское, Богородицкое, Троицкое, Благовещанское, Обетованное и др.).

В топонимах можно проследить новое, характерное для событий, происшедших в стране в течение последних 50 лет. Таковы названия Большевик, Социализм, Новая Жизнь, Новый Путь, Красный Восток, Пятилетка, Самилетка, 10 лет Октября, 10 лет Узбекской ССР, 20 лет Октября, 40 лет Октября и др. В честь великих людей нашей планеты, в честь патриотов своей Родины названы многие населенные пункты: кишлаки им. Ленина, им. Калинина, им. Гагарина, им. Куйбышева, им. Фрунзе и др.

Небольшую группу оставляют топонимы, образованные в результате перенесения названий из других регионов (Москва, Ленинград, Севастополь, Дальний Восток).

Ряд топонимов в своей семантике сохраняет прямую связь между именем и объектом, например, указывая на местоположение кишлака (Разъезд, Привокзальный, Перевалка), на наличие промышленных и других объектов, которые находятся на данной территории (Лесхоз, База № I, Гидролизный, Гослесопитом, Кирпичный завод, Полевая стан, СМУ, Поджов, Комсопстрой, Дошкольное училище и др.).

Встречаются названия сел, в которых отражается производственная деятельность людей (Агроном, Аэротехник, Текстильщик, Опытный и др.).

Основным источником образования топонимов является нарицательная лексика (села Авангард, Большевик, Победа, Социализм, Агроном, Коммунизм, Культура и др.).

По своему словообразованию русские топонимы Ташкентской области представлены четырьмя типами: безаффиксные топонимы; топонимы, образованные с помощью аффиксов; топонимы, образованные путем словосочетания; топонимы, образованные путем словосложения.

Самым продуктивным типом образования топонимов является безаффиксный (37% от общего числа славянских топонимов) -

Авангард, Агроном, Москва, Культура, Октябрь и др. 24 % топонимов образованы аффиксальным путем. Продуктивны суф. -овк(а); евк(а): Соколовка, Дмитровка, Андреевка, Захаровка, Калиновка, Покровка; суффикс -ск-: Октябрьский, Никольский, Корейский, Майский; суффикс -н-: Опытный, Свободный, Сахарный и др.

Встречаются топонимы, образованные префиксальным и префиксально-суффиксальным способом: Привокзальный, Безводный и др.

Большая группа топонимов (23%) образовалась путем словосочетания: Новый путь, Путь Ленина, 10 лет Октября, Дождявой стан, Красная Заря и др. Часть названий образована по способу согласования: Центральная усадьба, Полевой стан, Старый хутор, Северный маяк и др., а также по способу управления: 46 лет Октября, им. 1-го Мая, Путь Ленина, им. 10-летия Октября и др.

Небольшую группу составляют топонимы, образованные путем словосложения (16%), в отдельных случаях осложненные аффиксацией. Например, Новоалексеевка, Первомайск, Новожиженск и др. Среди них выделяются топонимы, образованные в результате аббревиации (Подхов, СМУ, Ласхов, Комсомол и др.).

Встречаются топонимы, образованные путем калькирования: Красный Восток - Кизил Шарк, Новый путь - Янги йул, Новая жизнь - Янги турмуш, Победа - Галаба, Путь Ленина - Ленин йули, Свободный - Эркин.

Рассматривая топонимы русского и украинского происхождения Ташкентской области, можно сделать следующие выводы. В настоящее время топонимы славянского происхождения значительно увеличились в общем объеме по сравнению с дореволюционным периодом, это отражает процессы миграции населения в социалистическом обществе; в топонимах отразились все основные события, происшедшие в стране в течение 50 лет; не стали употребляться топонимы, отражающие идеологию прошлого; многие топонимы указывают на местоположение населенного пункта, на промышленные и другие

объекты, которые находятся на данной территории; по своему словообразованию славянские топонимы Ташкентской области представлены различными типами.

Л и т е р а т у р а

1. Б у т а н к о Н.П. Русские собственные имена в Киргизии и некоторые вопросы взаимодействия языков. Автореф. канд. дисс. - Минск, 1967.
2. Ж у ч к о в и ч В.А. Общая топонимика. - Минск, 1968.
3. М у р з а а в Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974.

С.Г. Крыжановская
(Каттакурган)

НАЗВАНИЯ УЛИЦ ГОРОДА КАТТАКУРГАН

В городе Каттакургана, районном центре Самаркандской области, насчитывается 212 улиц (включая переулки, проезды, тупики), каждая из которых имеет свое название. Названия переулков, проездов, тупиков устанавливаются, как правило, по наименованию улицы, к которой они относятся.

Особую группу урбанонимов г. Каттакургана составляют названия, посвящения, которые увековечивают имена основоположников марксизма-ленинизма, революционеров, полководцев, писателей, поэтов и других выдающихся людей. Здесь представлены русские фамилии на -ов, -ев, -ин, -ский, а также склоняемые и несклоняемые иноязычные фамилии, отдельные из которых оформлены русскими суффиксами: ул. Аксакова, Андреева, Ахунбаева (п,т)^I, Белинского (пр.), Бируни, Буденного, Войкова (пр.),

^I Здесь и далее буквы в скобках обозначают: п - переулок, т - тупик, пр. - проезд, имеющие одинаковое название с улицей.

Гегарина (п), Гасталло, Герцена, Глинки, Гоголи (пр), Максима Горького (т), Гафура Гуляма, М.Джалили, Дзержинского (пр), Г.Димитрова (2,3 пр), массив Елизеева, Жданова (пр), Жуковского, А.Икрамова, Калинина, А.Камалова, Кирова (пр), Комарова (бывш. Заводская) (пр.т), Космодемьянской, Крупской (1 пр, т), Крылова, Куйбышева (пр), Кутузова, С.Лазо, Лахути, Лаваневского (пр), Ленина (пр), Лермонтова (пр), К.Либкнехта, Ломоносова, Р.Люксембург (1-3 пр), К.Маркса (1-3, 5-8 т, 9 пр), Матросова (1,2 пр), Маяковского, Мичурина (пр,т), Муками, Навои (1,2 т), Нариманова (пр), Нахимова, Невского, Некрасова, Орджоникидзе (пр), Осипенко (пр), Островского, Полторацкая, Пугачева, Пушкина (пр), Радищева, С.Рахимова, Рапина, Свердлова, Сарова, Суворова (1,2 т), Тельмана, Толбухина, Л.Толстого (пр), Ушакова, Фрунзе (1,2 т), Фурката (1 пр, 2 т), Хамзы (пр), Файзуллы Ходжаева (1,2 пр), Чапаева (пр), Чехова, Чернышевского (пр), Чкалова, Шаумяна, Шевченко (1,2 пр), Щербакова, Шмидта, Ф.Энгельса, Усмана Бсупова, А.Ярмухамедова (1,2 т), отдельные улицы названы в честь известных людей г. Каттакургана (Героев Советского Союза, поэтов, председателя исполкома): ул. Абдрашина, Закирова, Кунаева, Мурадова, Нокуса, Поповой, Рындина, Устабаева, Хушназарова, Шавки.

Отмечено большое количество названий, отражающих советскую действительность, политику партии, достижения нашей страны, исторические события, знаменательные даты: Жилкооперация, Коммунистическая (1,2 пр), Комсомольская, Красноармейская, Маданият, Мехнат, Новая, Октябрьская, Пионерская, Пролетарская, Свободы, Советская, Тракторная, Урожайная, Школьная. Данные названия выражены именами существительными и прилагательными в форме именительного падежа. Эти названия можно отнести к символическим. Названия, отражающие знаменательные, юбилейные даты, образуются от сочетания имени существительного с числительным: 50 лет ВЛКСМ, 8 Марта, 1 Мая (пр).

Отопонимические названия составляют небольшую группу: Интичкинское шоссе (поселок Интички), Ленинградская, Московс-

кая, Самаркандская (I-4 т, пр), Ташкентская (т). Все названия представляют прилагательные в форме именительного падежа, образованные при помощи топонимического суффикса -ск. В названии Ингичкинское шоссе наблюдается появление словообразовательного элемента -ин.

Небольшую группу составляют также названия по ближайшим объектам: пр, т. Базарный, Береговая (I пр), Вокзальная, Дамарыкская, Колхозная (I, 2 т), пр. МРЗ, т. МТС, I Набережная, Нарпайская, Пригородная, Приварпайская. Эти названия выражены прилагательными в форме именительного падежа, а также сочетаниями апеллятива и аббревиатуры.

Небольшую группу образуют названия-прилагательные, выражающие отношение к роду деятельности, к предмету, обозначающие цветовой признак и т.д.: Инженерная, Саперная, Строительная, Дачная (пр), Провоктная, Алмазар, Весенняя, Зеленая.

Прилагательное весенняя, выступающее в качестве названия, утрачивает свое прямое значение и приобретает оттенок качества.

Таким образом, семантически среди названий улиц г. Каттакургона выделяются:

- 1) названия-посвящения;
- 2) названия, отражающие советскую действительность, характеризующие политику партии, достижения нашей страны и т.д.;
- 3) оттопонимические названия;
- 4) названия по ближайшим объектам;
- 5) названия, выражающие отношение к роду деятельности, к предмету и т.д.

Преобладают названия-посвящения, среди которых есть названия, связанные с именами известных людей города. Названия других групп представлены сравнительно небольшим числом.

Все названия-прилагательные могут субстантивироваться.

Переименование улиц в последнее время произошло в целях их упорядочения, концентрации улиц, переулков, проездов, тупиков с одним названием в единое целое.

О МЕТОДЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Ч. ВАЛИХАНОВА

Чокан Валиханов известен как этнограф, историк, географ. Известны его работы и по устному народному творчеству.

Специальных работ по топонимике у Ч. Валиханова нет. Но подробное историко-географическое описание Замирчья, Иссык-Куля, других различных регионов, обстоятельные этимологические исследования собственных имен, содержащиеся в его дневниках, записках, очерках, дают основание считать Ч.Валиханова одним из первых топонимистов Средней Азии и Казахстана. В его сочинениях очень много ономастического материала, детальное изучение и расшифровка которого представляет интерес.

В данном сообщении, в соответствии с тематической направленностью, преследуется цель выделить характерные особенности передачи собственных имен, их интерпретацию Ч.Валихановым, использование при этом легенд и преданий.

Ономастический материал у Ч.Валиханова не остается лишь названием того или иного объекта. Автор использует его как своеобразный источник информации, дополняющий его мысли. Поэтому он широко и свободно оперирует ими в тексте своих произведений, попутно объясняет отдельные названия, восходящие к различным языкам.

В более ранних работах ("Дневник поездки на Иссык-Куль", "Записки о киргизах" и др.) представлены многочисленные названия географических объектов. Они относятся к разным языкам, но среди них преобладают, естественно, казахские и киргизские. Встречаются топонимы, восходящие и к общетюркской основе. Названия, заимствованные из монгольского и других языков, свидетельствуют о тесных контактах тюркских племен с соседними народами в историческом прошлом.

Свои сочинения Ч.Валиханов писал на русском языке. Поэтому автор довольно часто объясняет не только иноязычные, но

и казахские названия. Он не ограничивается при этом лишь буквальным переводом топонима. Нередко объясняет возникновение названия, ссылаясь на данные местного населения:

"Бакалы - значит лягушечье место. ... киргиз из рода сарыбагыш уверял меня, что когда манал их Умбат-Али зимовал там, то в одном роднике всю зиму квакали лягушки. Он говорил также, что те лягушки имеют белую кожу и величиной в ладонь. То же говорят и киргизы" [I:235].

"Сугульты есть ущелье, разделяющее на западе гору Сугульты от горы Бугульты, что примыкает к восточной стороне его. Название Сугульты, как объясняли мне киргизы, происходит от глаголов сукмак - дуть. Там дуют постоянно сильные ветры. Бугульты происходит от слова бугу "олень". Там много оленей" [I:236].

"Туры айгыр - значит гнедой жеребец. Предание киргиз говорит, что когда киргизы изгнали из этих мест калмыков-эянгар, то на этой горе нашли гнедого жеребца. Торайгыр есть лучшее зимовье воданов" [I:238].

"Саңташ - счетный камень. Проход этот получил свое название от груды камней, положенных в один курган. Высота кургана сажени в 3, окружность сажений 35" [I:249].

Далее автор приводит предание, по которому Эмир Тамерлан, отправляясь в Китай, чтобы взять себе в гарем дочь императора Каян-Чина, якобы, приказал каждому воину положить в одно место по камню". По возвращении назад он велел всем солдатам взять по камню и положить на другое место. По оставшимся неподнятым камням он судил о своей потере". Но здесь же Ч.Валиханов доказывает несостоятельность данного предания. "Исторические известия совершенно противоречат этой легенде. Тамерлан действительно шел на Китай, но при самом выезде из Самарканда умер в городе Отраре" [I:249].

Ч.Валиханов подробно излагает легенду о происхождении названия реки Каркара [I:250]; киргизы так называли парышки, султаны на голове двух молодых девушек-калмычек, захваченных у реки) и очень кратко объясняет читателям название урочища и реки Карабатлак: "29 числа. Ночлег при урочище и реке Ка-

работник "Черная грязь" [1:251]. Это буквальный перевод двух казахских слов, составляющих географическое название.

Более внимателен автор в иноязычных названиях. Многие из них объяснены путем перевода или приводится их казахская параллель, объясняющая сущность топонима:

"У китайцев существует предрассудок, что вода Или вредна и от нее будто бы худеют. Зато вода реки Дорджи (называемой киргизами Чучкалы) считается за целебную, и все чиновные китайцы города Кульджи пьют эту воду" [1:250]. Здесь ясно, что гидроним Дорджи восходит к китайскому языку. В основе киргизского Чучкалы лежит чучка "свинья" + аффикс -лы со значением наличия, присутствия.

"Провхали Куянкуз и к утру приехали на Алтын-Емель, Алтын-Емель - название монгольское. Здесь много мест, которые до сих пор носят калмыцкие имена: Цаган-Бугу (белый олень)... Лабасы и проч." [1:280].

Таким образом им объясняются и другие названия китайского и монгольского происхождения:

кит. Куэн-Лун (Цян-Лун) - Луковые горы, Тянь-Шан - Небесные горы, Бэй-Шань - Белые горы, Сяэ-Шань - Снежные горы, Нань-Шань - Южные горы, Хуанхэ - Желтая река, Вын-су - Аксу (Светлая вода), калм. Темирту-Нор - Железное море, монг. Лоб-Нор - звездное море. Другую группу названий, восходящих к этим языкам, автор не объясняет: кит. Чигу, Хынлос, Суяе-чан, Гун-юс и др., монг. Эргол, Укэт-Гол, Джум-Гол, Кумуштаг, Аса-Дуду и др.

Иногда Ч.Валиханов, напротив, не дает иноязычного названия в оригинале, а непосредственно употребляет его перевод, например, Тысяча ключей, по тюрк. Мынбулак или кит. Цяньцунь.

В "Записках о киргизах" так объясняется им смысл гидронима Иссык-Куль: "Средоточие земель Дикокаменной орды, как я уже заметил, составляет озеро Иссык-Куль, что означает на татарском языке "теплый". Теплым оно названо потому, что в

продолжении круглого года не замерзает" [I:307]. Здесь же он приводит легенду о возникновении озера Иссык-Куль, называя его популярной в народе и оригинальной.

Автор нередко использует легенды и предания при объяснении этимологий географических названий. Он признает, что "предания как источники вспомогательные чрезвычайно важны для объяснения исторических сказаний, довольно темных и отрывочных" [I:347]. Характерно еще одно замечание Ч.Валиханова: "если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое... они не лишены как исторического, филологического, так и психологического интереса" [I:388]. Но казахский ученый никогда не преувеличивал значения преданий, относясь к ним критически. К содержащейся в них истине, факту, к их аргументированности он подходит весьма сдержанно и осторожно. Больше того, за научную истину он предания не принимает. Легенду об Алтын-Емеле автор начинает, например, со слов: "рассказывали мне киргизы предания, желая объяснить происхождение". "Киргиз ... уверял меня...", — пишет он, пересказывая легенду о Бакалы. Что касается предания о Санташе — Тамарлане, то историческую насостоятельность его автор не скрывает и говорит об этом открыто. "Предания их (киргизов — О.С.) совершенно и довольно основательно противоречат мнению, утвердившемуся в ученом свете через известия Финшера и Левшина..." — читаем в "Записках о киргизах" [I:304-305]. Это уже конкретное противопоставление научного факта и содержания легенды. Подобное отношение явно чувствуется и в других заявлениях автора: "история народов кочевых и вообще народов, не имеющих письменности, заключается (прежде всего)

в их полубаснословных преданиях, нежели на фактах... Вообще же эти объяснения произошли под влиянием мусульманства".

"Вот другое более сложное и более хитрое объяснение, происшедшее очень недавно, и, конечно, не без участия грамотных мулл" [1:343], "есть еще одно предание, замысловато дополняющее это событие" [1:345] и т.д.

Ч.Валиханов не только не доверяет легендам и преданиям, но и указывает на ту среду, где они появляются, на их причину. "Народные предания ..., особенно предания исторические, чрезвычайно любопытны, не хочу сказать важны..." [1:210] - заявляет ученый.

Таким образом, для Ч.Валиханова предания, особенно исторические, - лишь дополнительные, вспомогательные данные, через которые он может сравнить, сопоставить, уточнить определенные конкретные сведения и факты истории. Предания он фиксирует, разбирает, но не считает их за абсолютную истину.

Л и т е р а т у р а

1. В а л и х а н о в Ч. Собр.соч., т.I.- Алма-Ата, 1961.

ТЕОНИМИЯ

Г. П. Снесарев
(Москва)

К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ТЕОНИМОВ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В литературе по ономастике высказывалось сожаление о том, что применительно к народам Средней Азии и Казахстана "почти не начато изучение теонимов. А исследования, например, имен домусульманских божеств открыло бы многое в истории народов и их религий" [7:5].

Ислам богат эпитетами верховного божества, характеризующими его разнообразными качествами (рахмон — "милостивый", рахим — "милосердный", халик — "созидатель" и многие другие)¹. Эти эпитеты признаны мусульманской ортодоксией в качестве его официальных имен.

Сохранялись в исламе и личные имена древних божеств аравийских племен; некоторые упоминаются в Коране (ал-Лат, ал-Уза, Мана), другие известны по трудам арабских богословов и географов (Вадд, Суваг, божества Йемана и др.)². Но, если

1 Эти эпитеты — имена Аллаха употреблялись в богослужбной практике и в антропонимии (составные имена типа Абдаррахмон и др.). Таких имен-эпитетов бога насчитывается 100 (включая теоним Аллах). История этих имен-эпитетов представляет большой интерес: например, известно, что теоним Рахман еще при жизни Мухаммеда был популярен в Йемане (Восточная Аравия), где подвизался Мусейлима, антагонист мусульманского пророка.

2 Особенно в этом аспекте интересен труд Шахрастани (автор XII в.) "Китаб ал-милал уа-н-нихал" (книга религиозных и философских сект).

Заметим, кстати, что автором этих строк в Хорезме, в районе г. Бируни был обнаружен любопытный термин "латмонат-лар" (производное от имен доисламских аравийских божеств Лат и Манат), употреблявшийся как презрительная кличка (в смысле "язычники") в узком кругу вольнодумцев и антиклерикалов по отношению к арабам-ортодоксам.

исследование чисто мусульманской теонимии показано для воссоздания истории доисламских племен Аравии и их верований, то для изучения древних этнических пластов Средней Азии и Казахстана оно представляется нам мало результативным.

Самая поздняя по времени мировая религия ислам, проникнув на территорию Средней Азии в VIII в. н.э. (дальнейшая исламизация населения этих мест затянулась надолго), не смог окончательно искоренить или переработать еще бытовавшие остатки религий и верований более ранних этапов в истории народов Средней Азии. Буддизм, манихейство, христианские эретические толки (несторианство), в большей или меньшей степени распространенные (причем весьма локализованно) в этом регионе, не получили в теонимии значительного отражения.

Зороастризм, имевший весьма широкое распространение в религиозной жизни народов Средней Азии до ислама, в своем ортодоксальном, государственного значения направлении, также не оставил заметных следов в теонимии этих народов [9]¹. Исключением, пожалуй, являются два теонима, сохранившиеся в Таджикистане. Это Ремузд, образ которого связан с солнцем и именем которого некогда клялись в Икьяшима, несомненно искаженное Ормузд (греч.) = Ахура-Мазда (авест.), а также Ахраман — искаженное Ариман (греч.) = Ангра-Манью [1:218]. Любопытно, что бытовали здесь эти теонимы в звучании близком греческому, что, вероятно, объясняется эллинистическим влиянием в период Греко-бактрийского царства. В этом же плане стоит еще отметить теоним Раман, обнаруженный автором в Хорезме (пос. Ханки), под которым, уже в сугубо исламизированном варианте, подразумевался шайтан, антагонист Аллаха.

Если имена почитавшихся в зороастризме божеств официального пантеона скудно представлены в теонимии народов Средней Азии и Казахстана, то этого нельзя сказать об отрицательных

¹ Это не относится к другим проявлениям зороастрийской религии, особенно связанным с культовой стороной.

персонажах, о мире демонов и злых духов, к которым в зороастризме существовало крайне враждебное отношение.

В этом аспекте мы остановимся лишь на четырех категориях мифологических образов этого круга — на аждархо, дэвах, парик и джиннах, представления о которых наиболее широко (к сожалению, и в наше время) распространены у народов среднеазиатско-казахстанского региона¹.

Аждархо (аждаха, аждар и многие другие варианты) — демон, сверхъестественное существо, исполинский змеедракон, требующий человеческих жертв. Его огнедышащая пасть (иногда аждархо многоголов) издали втягивает в себя человека, глаза горят, освещая все впереди². Борьба с этим чудовищем — излюбленная тема среднеазиатских легенд о героях и святых (Рустам, Али, Клыч Бурханэддин и др.)³.

Этот образ демонологии распространен у всех народов и этнографических групп на территории Средней Азии и Казахстана (таджиков, узбеков, казахов, киргизов, каракалпачков, туркмен и других) и является популярным персонажем легенд и былин.

Собирательное название такого рода персонажей среднеазиатской демонологии с полным основанием можно отнести к категории теонимов, так как ясен и непререкаем их прототип — авестийский демон Ажи-Дахака, ипостась злого божества Ангро-Манью; это «змеедракон», с которым сражались герои Авесты, обладавшие «артой» — праведностью [2:114, 128, 137, 138, 182 и др.]. Созву-

1 Сведения о среднеазиатском пандемониуме разбросаны по множеству этнографических работ, но наиболее подробно и обстоятельно, на материалах таджиков, даны в работах [II:5-93; 9].

2 См., например, красочное описание этого персонажа Среднеазиатской демонологии [8:77].

3 Образ дракона, пожирателя людей, и эпизоды борьбы с ним в фольклоре, столь широко распространены у народов всех континентов мира, что автор этих строк уже высказывал гипотетическое предположение о том, что коллективная память человечества, возможно, сохранила воспоминания о каких-то реликтовых представителях древнейшей фауны Земли.

чие имени и названий (Ажи-дахака=аждархо, аждаха), совпадения черт внешнего облика и даже событий, связанных с этим демоном, не оставляет в этом никакого сомнения.

Дэв (див, дэу и др.). Вопрос теонимии этого собирательного образа менее ясен, хотя генезис самой категории подобных демонов столь же очевиден, как генезис аждархо: он восходит к восточно-иранскому миру, а истоки его следует искать еще в более глубоких пластах этнической истории населения интересующего нас региона.

Дэвы — один из самых архаичных образов мифологии и практических верований; ареал его распространения выходит далеко за рамки интересующего нас региона (дэвы, дивы на Кавказе и других местах). Происходят дэвы от племенных божеств еще индо-иранской общности, однако в Индии, куда они были занесены арьями, они сохранили качества положительных божеств; собирательное название — дэва, дэви — было присвоено персонажам индусского пантеона. Наоборот, в Передней Азии, у отпочковавшихся от единой этнической общности иранских племен уже в эпоху ахеменидов (VI—IV в. до н.э.) с постепенным формированием государственной религии Маэды, и особенно позднее — зороастризма, дэвы, божества природы, были отеснены в разряд отрицательных персонажей, превращены в демонов, с верой в которые и со служителями их культа боролись представители официальной религии¹.

В Авесте, особенно в Видевдаде, упоминалось немало личных имен дэвов². Со временем они забылись. И тем не менее этнография народов Средней Азии выявила другие их теонимы, быть может еще более архаичные.

I "Обычный термин индоевропейских языков, обозначающий "бога" —

daiva — становится у него (Заратустры, I.C.) обозначением ложных богов, демонов — "дэвов" [5:387]. О борьбе против бывших племенных божеств при ахеменидах см. [10:128—140]. Целый раздел Авесты — Видевдад ("против дэвов данный") направлен против демонов, а также их служителей и почитателей.

2 Авеста. Видевдад. Фаргарды IO, II, 19, 21. Интересно, что в Фаргарде IO среди злых демонов, изгоняемых молитвой, упомянут Индр, на иной почве, в Индии ставший сначала божеством грома и молнии, а затем покровителем государства и воинов.

В Таджикистане хорошо был известен дэв женского рода с именем Диви Сафид, имя которого определялось чертами его внешнего облика (сафид — белый). В литографированных изданиях дореволюционного Туркестана появлялись изображения страшного дэва Аквана. В легендах Хорезма до наших дней сохранились имена таких дэвов, как Самандун, не подчинившийся самому пророку Сулейману, и Каус, служивший последнему, а также имена дэва Хаджи Мулжа, строителя крепости Чилпык, дэва Каратин Алып и других¹.

Интересное открытие сделала О.А.Сухарева. Она обнаружила, что у равнинных таджиков в случаях болезней дэвам совершались жертвоприношения и в их честь устраивались ритуальные трапезы (дэв-оши) [II:40-41].

Из тех же источников, что и два предыдущих образа, возникло представление о духе пари, имевшее широкое распространение по всему Востоку, а в Средней Азии — буквально у всех ее народов и этнографических групп. Пари излюбленный образ восточного фольклора во всех его жанрах.

Пари. Ближайший терминологический прототип среднеазиатских пари — авестийский злобный демон пайрика, часто упоминаемый в Авесте рядом с другими демонами-дэвами².

В среднеазиатских верованиях пари (зороастрийская пайрика)³ в значительно большей степени, в отличие от зороастризма, сохранила свои древнейшие функции — помогать людям, которые обращаются к ней в затруднительных случаях (прежде всего

¹ Отметим, кстати, созвучие двух имен дэвов — авестийский Ана Малак и Акван (современной этнографии). Знакомо нам и имя Каус (авест. Кей-Каус); что касается исламизированного имени дэва Хаджи Мулж, то его следует сопоставить с перс. малак — владыка, малак — владычий.

² Например, Видэвдад, Фаргарты II, 21. В Авесте пайрика — дух женского рода, иногда именуется также "колдуньей" и "колдовской девкой", однако как и дэвы подвержена обрядам ритуального изгнания.

³ В Видэвдаде встречаются и личные имена пайрики, хотя редко. См., например, Фаргарт II.

при болезнях). И пари бывают окружены своеобразным, вполне реальным культом. Например, если зороастрийскому пайрику и в — г о н я ю т как любого другого демона (смертного демона На-су), то среднеазиатскую пари п р и з ы в а ю т для оказания помощи во время шаманских камланий [16].

Сохранились и личные имена пари. Правда, одни из них мусульманизированы (Абдуррахмон-пари, Сулейман-пари), либо имеют чисто описательный характер (Чингиламу-пари — кудреволосая), или имена их, что весьма примечательно, связаны с явлениями природы (Оташ-пари — огонь; Юдуз-пари — звезда и др.) [II: 46-47]; однако в Хорезме известны такие их имена, расшифровать которые труднее (Тёрсё-пари, Симмон-пари)¹.

Образы девок уже уходят в область преданий; пари, в отличие от них, играют и сейчас определенную роль в быту: трудно найти и роль пари как покровителей слугителей этого культа, и элементы сексуального избранничества (интимная связь с божеством — явление универсальное для многих первобытных верований и развитых религий), и ритуальные церемонии в их честь с призывами о помощи, и кровавые жертвоприношения (барана, курицы и др.) и сакральные трапезы.

Следует упомянуть образ пари, связанный с природной средой. Так, имеется особая категория пари — су-пари, водяных пари, сходных с русалками славянских народов. Многозначительно, на наш взгляд, что отвратительная, злобная пайрика зороастрийцев в среднеазиатской интерпретации очень часто выступает в образах прекрасных девушек или юношей. Шаманы, общающиеся с духами, в Средней Азии назывались по-разному — бахши (баксы), фолбин и, наконец, пархон (парихон); последний термин нам представляется наиболее архаичным (от иранс. пари и хон — основы глагола "читать", "петь", "призывать").

Последняя категория анализируемых нами персонажей среднеазиатской демонологии не требует особых комментариев.

I Возможно, что имя Тёрсё-пари согласуется с парс.-тадж. глаголом тарсида "бояться", "опасаться" [9:29].

Джинны. О них мы упоминали главным образом для их противопоставления персонажам пандемониума, представленным выше.

В отличие от них собирательное название джинн не иранского, а арабского происхождения. Под этим поздним названием фигурируют наиболее вредные духи, лишённые чёткого внешнего облика, нечто мыльных ("как мухи"), роящиеся в "плохих" для человека местах (иногда в виде оборотней, принимающих облик животного, птицы); все их функции заключаются в причинении человеку вреда (злон), разных болезней, особенно нервно-психического характера. Это их призваны изгонять с помощью пар местных шаманы. Джинны не имеют личных имен.

Надо полагать, что джинны относятся к категории наиболее примитивных, не достигших степени олицетворения персонажей анимистических верований. В этом качестве они и пережили тысячелетнюю историю оложения всех развитых религиозных систем и сосуществовали с ними.

х

х

х

Чем объяснить, что современные народы среднеазиатско-казахстанского региона, разной языковой принадлежности, разной временной исторической активности на данной территории, относящиеся к различным хозяйственно-культурным типам, сохранили в своих паразитичных верованиях одни и те же образы пандемониума и формально (терминология), и по сути своей принадлежащие восточно-иранскому миру?

Длительное соседство современных народов данного региона и их культурные взаимовлияния, несомненно, играли в этом аспекте немалую роль [2:28; 3-20]. Но, на наш взгляд, основные причины этого совпадения лежат в несколько иной плоскости, а именно в том, что в генозисе всех этих народов, в их глубинных этнических пластах заложены в разном сочетании одни и те же компоненты восточно-иранской, а в ретроспективе — ещё более ранней арийской общности.

Мы исходим из последних современных исследований о прародине индо-иранцев (арьев) в степной и лесостепной зоне Евразии и последующих миграциях их этнических волн на юг. Отвлекаясь в данном кратком очерке от сложных (подчас спорных) вопросов хронологии и направлений путей этой миграции, мы, вслед за многими исследователями [4:13-14; 6:126-127] должны признать, что эти пути во всяком случае не миновали Средней Азии и казахстанских степей. Если одни из арийских племен, более ранние по времени, проникли на территорию Индостанского субконтинента, а другие, отпочковавшиеся от общего ствола ушли в Переднюю Азию (Иран), то значительная, родственная им масса племен осталась в Средней Азии, осваивая эти пригодные для скотоводства и оазисного земледелия территории.

Как следствие этого процесса и следует рассматривать причины общности и близости верований и обрядов (на разной стадии развития) у народов Средней Азии, Ирана и Индии.

На степные и оазисные племена и конфедерации их, населявшие Среднюю Азию и Казахстан в древности — саков (апасяков, аугасиев, тохаров, сакареваков, всиан-усуней и др.), массагетов и, особенно, на оседлое население оазисов — хоразмиев, согдов, бактрийцев — религиозные системы, оформлявшиеся на территории Ирана, несомненно, оказывали влияние. Особенно это проявлялось в период господства крупных держав — ахеменидов (I тысячелетие до н.э.), сасанидов (I тысячелетие н.э.), когда часть Средней Азии входила в их состав, а при сасанидах была кодифицирована Авеста.

Но в силу ряда исторических причин именно в Средней Азии древнейшие племенные верования индо-иранцев на многие столетия застыли в примитивных (по сравнению с Индией и Ираном) формах, что прежде всего проявлялось в области демонологических представлений; даже ислам уже позднее не смог их искоренить.

Мы коснулись лишь одного, частного вопроса этой сложной проблемы, которую необходимо глубоко исследовать. Однако даже ограниченный в масштабах анализ подтверждает наше мнение,

что данные категории демонов и их тесными восходят к древнейшим пластам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана.

Об этом свидетельствуют терминология иранского происхождения и сами образы персонажей демонологии. Показательно, насколько прочно укоренились они буквально у всех народов региона как оборигенных, так и появившихся здесь значительно позже; последнее говорит о наличии и в их этногенезе древнейших восточно-иранских элементов. Внешний облик дэвов и пари определеннее и ярче, нежели в Авесте. В пережиточной форме сохранились личные имена демонов; судя по составу имен влияние зороастризма исключено; они появились, очевидно, на местной почве. Особенно существенно в интересующем нас аспекте наличие в Средней Азии почитания, подлинного культа дэвов и пари со своеобразным и строго регламентированным ритуалом (жертвоприношения, трапезы и проч.), о чем по авестийским письменным памятникам составить представление невозможно. В большей степени местная демонология сохранила связь ее персонажей с природной средой.

Весьма характерно то обстоятельство, что Авеста, кодифицированная на юге, в Иране, образы дэвов (*дэв* древнейших племенных божеств) и прочих персонажей демонологии ассоциирует "с севером"; мотив этот упорно повторяется в текстах и опять же уводит нас на обширные просторы среднеазиатско-казахстанских степей и пустынь.

Зная, какую значительную роль играли дэвы в казахстанском шаманстве в качестве помощников служителя этого культа, мы вновь поставим вопрос: не следует ли именно здесь, в этом "северном краю", в степном шаманстве искать преемников тех "служителей дэвов", "поклонников дэвов", связанных с севером, зимой, против которых с таким ожесточением выступало зороастрийское жречество?

Л и т е р а т у р а

И. А н д р а е в М.С. Краткие сведения об этнографической экспедиции 1924 г. - Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества, т. ХУП. - Ташкент, 1924.

2. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - М., 1956.
3. Валиханов Ч. Статьи. Переписка. - Алма-Ата, 1947.
4. Грантовский В.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. - 1970.
5. Дьяконов И.М. История Мидии. - М.-Л., 1956.
6. Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новой постановки вопроса). - В кн.: История Иранского государства и культуры. - М., 1971.
7. Ономастика Средней Азии. - М., 1978.
8. Семанов А.А. Этнографические очерки Заравшанских гор Каратегина и Дарваза. - М., 1903.
9. Снесарев Г.П. Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма. - М., 1969.
10. Струве В.В. Надпись Кокрекса о "дэвах" и религия персов. - Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. I, № 3.
11. Сухарева О.А. Паразитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. - В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. - М., 1975.

Э.Сулайманов
(Фрунзе)

НЕКОТОРЫЕ ИМЕНА ПИРОВ-ПОКРОВИТЕЛЕЙ РЕМЕСЛ И ДОМАШНИХ ПРОМЫСЛОВ У КИРГИЗОВ

Изучения теонимов - собственных имен различных божеств, духов, других религиозных и языческих образов, возникших в глубокой древности и бытовавших отчасти до недавнего времени - представляет определенный научный интерес. Рассмотрение теонимов способствует разрешению отдельных вопросов ономастики, язы-

кования, истории религии, этнографии, фольклористики и ряда других наук. Если по изучению топонимов других народов кое-что сделано [7:334-339; 12:329-334], то исследования в этой области в Средней Азии, в том числе и в Киргизии, еще не начаты. В результате работ советских этнографов по изучению ремесел и отдельных промыслов узбеков, таджиков, туркмен, киргизов и других народов Средней Азии стали известны личные имена покровителей некоторых профессий [4,5,8,10,13,14,15,17,18,19 и др.] .

В настоящей статье на материалах о киргизских ремеслах и домашних промыслах, собранных автором во время полевых этнографических экспедиций в различных районах Киргизии (1973-1976 гг.), сделана попытка ввести в научный оборот отдельные личные имена покровителей или патронов, якобы являвшихся основателями той или иной профессии. По возможности автор отремил-ся проследить происхождение этих имен, а при их интерпретации использованы и другие источники, этнографические исследования. Остановимся здесь лишь на некоторых топонимах — личных именах покровителей отдельных профессий у киргизов.

Главным занятием киргизов издавна являлось скотоводство кочевое и полукочевое типа, которое отчасти сочеталось с земледелием. Определенное место в их хозяйстве занимали домашние и кустарные промыслы, а также различные ремесла: обработка металла, дерева, кож и шкур, выделка войлока, производство ковров и шерстяных тканей и др. Наибольшее развитие из них получили те ремесла, которые обеспечивались местным, главным образом, животноводческим и растительным сырьем.

По существовавшему у народов Средней Азии представлению та или иная профессия была основана тем или иным святым. Основатель каждой профессии считался покровителем или патроном (пир) всех, кто занимается этим ремеслом. При этом, как отмечает О.А. Сухарева, "Под влиянием ислама, в роли основателей профессий, в особенности ремесел, чаще всего выступают библейские или мусульманские святые, которым ремесло и его первые орудия, якобы, были ниспосланы Аллахом через архангела Гавриила. Извест-

100
ным "святым", нередко суфиям, приписывались различные даль-
нейшие усовершенствования в ремесле и изобретения, которые
знаменовали собой этапы технического прогресса" [17:196].

Д е е т л а й г а м б а р¹. Киргизские кузнецы и
ювелиры считали его своим покровителем, поскольку по преда-
нию он являлся первым, кто научил земных людей обработке ме-
талла. Близкие фонетические варианты этого имени (Довуд -
тадж., Даут - узб.) мы встречаем у соседних с киргизами му-
сульманских народов Средней Азии. Исследователи, изучавшие ре-
месло этих народов, прототипом как парсонажа, так и имени по-
кровителя металлообработки единодушно признают библейского Да-
вида [10:165; 13:41; 18:35; 19:209-211]. Образ его вошел в
рисоля² из Корана и толкований и вместе с распространением ис-
лама проник к народам Средней Азии. С целью заручиться поддерж-
кой покровителя ремесла, обеспечить себе его постоянную по-
мощь, многие мастера перед началом работы не только произноси-
ли имя покровителя - "Азирети Деету алей салам", что в перево-
де с арабского означает: "Святейший Давид, мир ему", также не-
редко проводили различные обряды и церемонии. Таким образом,
заимствованный из библейских мифов персонаж Давид мусульманскими
народами Средней Азии был известен как покровитель мастеров по
металлообработке.

Н и к (Н у) п а й г а м б а р. Киргизские мастера счита-
ли его покровителем деревообделочного производства. Как пишет

1 Фонетические варианты этого имени: Деутт или Деету - у кизых
киргизов и иногда Деут - у саварных.

2 "Рисоля" - слово арабского происхождения и в переводе означа-
ет "послание, письмо, трактат, рассуждение". Слово рисоля у
ремесленников оседлых районов Средней Азии называлась книжеч-
ка небольшого формата, содержащая в себе предания о данном
ремесле и некоторые наставления ремесленнику. Все рисоля счи-
тались божественного происхождения как составленные для
ремесленников Имамом Джафаром "праведным" по повелению
Аллаха [5:6].

А.Ф.Бурковский, Ник пайгамбар "якобы научил людей делать деревянную соху (буурсун) для вспашки земли, а также придумал седло, чтобы людям было удобнее ездить верхом на лошади. Раньше перед началом выделки седел мастера читали молитву в его честь" [4:89-90]. Близкие аналоги к этому имени опять же находим у соседей с киргизами среднеазиатских мусульманских народов. А туркменские мастера-деревоседелочники считают своим покровителем Хатам-Тая [14:30]. Не только сам персонаж, покровитель деревообделочного производства, также и его имя несомненно заимствованы из Библии, и прототипом его является библейский Ной, якобы построивший колоссального размера ковчег, в котором спас от всемирного потопа свою семью, и четвероногих, пресмыкающихся и птиц.

С а л и п а й г а м б а р. Среди киргизов имя это известно как покровитель мастеров-кожевников. Фонетический вариант этого персонажа (Салай пайгамбар) в роли покровителя сапожных дел мастеров, встречаем у узбеков южного Хорезма. А патроном всех кожевников у них выступает Хазрати Султан Ахил [8:137]. Имена покровителей как Сали или Салай, так и Султан Ахил нам не удалось этимологизировать. Возможно, они связаны с именами мусульманских святых.

И б ы р а й ы м Х а л и л у л л а. По сообщению информатора Б.Бусурманкулова из Ат-Башинского района Нарынской области, Ыбырайым Халилудла считался покровителем мастеров домостроителей. До недавнего прошлого, многие мастера, начиная кладку стены при возведении дома, произносили его имя, прося его покровительства. Прототипом этого персонажа по всей вероятности явился один из мусульманских пророков Ибрахим. Последний имел также прозвище "Халилудла" - "друг Аллаха", т.е. "Ибрахим - друг Аллаха". В свою очередь имя Ибрахим происходит от древнееврейского имени Авраам, что в переводе означает "отец множества народов".

И д ы р ы с п а й г а м б а р. Несмотря на то, что общим покровителем всех деревообделочников выступает указан-

ный выше Нык пайгамбар, плотники считали своим покровителем также Ыдырыс пайгамбара. Имя этого персонажа (Идрис пайгамбар) в аналогичной роли встречается и у узбеков Южного Хорезма [8:137]. Этимология имени Ыдырыс (Идириос) неясна, хотя по мнению большинства мусульманских богословов Идрис восходит к арабскому слову "дараса" — "учить, учиться" [6:85].

Таким образом, над мужскими профессиями покровительствовали, как правило, пиры-мужчины, заимствованные в основном из библейских мифов, или обязанные своим происхождением от имен мусульманских святых.

Имеются данные о бытовании покровительниц женских профессий.

У м а й э н а. У многих тюркских народов Средней Азии и Саяно-Алтайского нагорья Умай почиталась как покровительница детей, хранительница домашнего очага, богиня плодородия. Она же олицетворяла родящее, женское начало [1:275-280; 3:45; 9:134-136; 16:215]. Наряду с этим, по сообщению мастерицы Саматовой А. (1899 г. рожд.) из с. Бал-Өрүк Наукатского района Ошской области, Умай эна почиталась как покровительница всех женских профессий, женского рукоделия. По этой причине киргизские мастерицы перед началом работы произносили заклинание: "Менин колум эмес, Умай эненин колу" ("Не моя рука, рука матери Умай"). Интересно и то, что у киргизов отмечен орнаментальный мотив под названием Умай [11, 35,] (табл. XXXI). Богиня Умай, имя которой до недавнего прошлого использовали анахеры, упоминаемая в древнетюркских рунических текстах V-VIII вв., выступала не только в роли божества женщин и детей, она, якобы, покровительствовала над всеми мастерицами, занимающимися тем или иным ремеслом.

Б а т м а, З у у р а. По представлениям киргизских мастериц, Батма и Зуура (мусульманские Фатыма и Зухра) якобы первыми изобрели *чарк* — особое приспособление для прядения. По этой причине Батма и Зуура являются покровительницами мастериц-прядильниц. У таджиков Кератегина и Дарваза они обе и еще

Хатича (биби Фотима, биби Бухро и биби Хатича) выступали в роли покровительниц молочного хозяйства [19:169-172].

Б у б у А й ы м. Имя это в роли покровительницы ковров деления упоминается в монографии К.И.Антипиной [2:75]. Ковровщицы перед началом работы над ковром обращались к Бибу Айым с молитвой (бата), прося о помощи. При этом, как пишет К.И.Антипина, к Айым обращалась обязательно самая старшая из собравшихся, а после завершения работы произносили благодарственные молитвы [2:75].

Ж а й с а ц, - Ж у в а н. В Сузакском районе Омской области К.И.Антипиной записана еще одна легенда, упоминающая имя Джайсац-Джуван, без обращения к которой в свое время также не начинали работу над ковром [2:75-76].

Народная память не сохранила имен покровителей некоторых профессий, как кошовальники, ткачество, вышивание и др. Несомненно, они были, поскольку соседние с киргизами народы - узбеки, таджики - смогли сохранить имена, а также связанные с ними легенды. Например, покровителями гончаров, шапочников, ткачей, придильщиц соответственно выступают Саид Амир Куляль, Идрис пайгембар, Шиши наби и Дави Сафид или Биби Сешамби.

Таким образом, имена покровителей различных мужских и женских профессий, а также легендарные сюжеты, обряды и поверья, связанные с их именами, сложились при различных обстоятельствах. Если некоторые из них, возможно, в какой-то мере связаны с исторической действительностью, то другие обусловлены исламом или представляют собой пережитки древних религиозных культов и верований.

Л и т е р а т у р а

1. А б р а м з о н С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. - Д., 1971.
2. А н т и п и н а К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. - Фрунзе, 1962.
3. В а я л и в а Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. - Фрунзе, 1972.

4. Б у р к о в с к и й А.Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов/—Уч. зап. исторического факультета Киргосс-университета, вып. 3. — Фрунзе, 1954.
5. Г а в р и л о в М. Рисоля сартовских ремесленников. Иссле- дование преданий мусульманских цехов. — Ташкент, 1912.
6. Г а ф у р о в Л. Лев и Кипарис. О восточных именах. — М., 1971.
7. Г у с а в а Н.Р. К вопросу о значении имен некоторых пер- сонажей славянского язычества. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем (Проблемы антропониимики). — М., 1970.
8. Д ж а б б е р о в И.М. Ремесло узбеков южного Хорезма в конце XIX — начала XX вв. / Историко-этнографический очерк/— В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии/ Тр. Ин-та этно- графии АН СССР, новая серия, т. 97. — Л., 1971.
9. Д ы р е н к о в а Н.П. Умий в культе турецких племен. — В кн.: Культура и письменность Востока, кн. 3. — Баку, 1928.
10. З а р у б и н И.И. Сказание о первом кузнеце в Шугване/ — Изв. АН СССР, У1 серия, т. XX, № 12. — Л., 1926.
11. Киргизский национальный узор. Материалы собраны и обрабо- таны художником М.В.Рындиным. Под общ.ред. академика И.А.Орбеля. — Л.-Фрунзе, 1948.
12. М о к ш и н Н.Ф. О мордовской и марийской теонимии. — В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем (Проблемы антропониимики). — М., 1970.
13. П е щ е р е в а Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. —Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, вып. 33. — М., 1960.
14. П и р к у л я в а А.Н. О деревообделочном производстве туркимен средней Аму-Дарьи в XIX — начале XX вв. —Изв. АН Туркмен. ССР, серия общественных наук, № 3. — Ашхабад, 1964.
15. П и р к у л я в а А.Н. Домашние промыслы и ремесла турк- мен долины средней Аму-Дарьи во второй половине XIX — нача- ла XX вв. — Ашхабад, 1973.

- ✓ 16. С т е б л е в а И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы. - В кн.: Тюркологический сборник, 1971. - М., 1972.
17. С у х а р е в а О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков. - Тр. АН Тадж. ССР, т. СХХ. - Сталинабад, 1960.
18. С у х а р е в а О.А. Позднефеодалный город. Бухара конца XIX - начала XX века. Ремесленная промышленность. - Ташкент, 1962.
19. Таджики Каратегина и Дарваза. Под ред. Н.А.Кислякова и А.К.Писарчик, вып. I. - Душанба, 1966.

КОСМОНИМИЯ

В.А.Никонов
(Москва)

МАТЕРИАЛЫ ПО КОСМОНИМИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

С древнейших времен человечество устремляло взор на загадочные узоры небесных светил. По ним находили путь кочевники и мореплаватели, по ним вели счет времени. В степях и пустынях Средней Азии звезды служили лучшими ориентирами. Из древнего эпоса казахов дошло: "Держи все время путь так, чтоб Темир-Казык находился у тебя с левой щеки" (Темир-Казак "железный кол" тюркское название Полярной звезды). Это через тысячелетия, как эхо, перекликается со словами Гомера о Большой Медведице: в долгом и трудном плавлении Одиссея "повелела богиня путь согласовывать свой: ее оставляя по левую руку". Звезды служили народам календарем и часами. Весь год земледельца, охотника или скотовода был расписан по звездам. Древен киргизский счет времени по по-

ложении Плеяд: ай тогоду "луна облизилась" (с Плеядами), то-
гоол "столкновение" — период, когда луна и Плеяды стоят друг
против друга [9:740]. Ч.Ч.Валиханов сообщал, что времена го-
да и часы ночи казахи узнавали по Плеядам [3:479]. Как древ-
ние египтяне по восходу Сириуса определяли время разлива Нила,
регулирувавшего все их существование, так казахи знали "пока
улькер не опустится на Землю — земля не прогреется" (Улькер —
туркское название плеяд). "Сумбле восходит — конь жиреет" — го
вось уходит жаркое лето, исчезли таразующие скот оводы, много
корма (казах. Сумбила, киргиз. Сумбула, узбек. Сумбула, уйгур.
Сюмбила — созвездие Дева, возможно, турецкая калька "красави-
ца"; это стало и названием шестого месяца солнечного зодиака —
с 22 августа по 21 сентября). По восходу Венеры казахские пас-
тухи выводили стада [1:15].

Тесная связь всего труда и быта с видимым движением
космических объектов, конечно, заставляла назвать все примет-
ные из них (невооруженному глазу доступны меньше 5 тыс., со-
временным телескопам — больше 40 миллиардов, Аллаху, кото-
рый по верованию мусульман каждый вечер считает все звезды,
называя их по именам, становится трудненько). Доктору подари
записку: "Допустим, измерили яркость звезд и высчитали рассто-
яния до них, — но как узнали их названия? Ведь там никто не
был. Конечно, все названия даны на Земле. В картине звездного
неба люди увидели привычное земное. Воображение охотников и
скотоводов заселило небо табунами животных — там рыщут лев,
медведи, собаки, пасутся кони, летают птицы, плавают рыбы,
ползают змеи и скорпионы, на небо перенесены земные отношения
и занятия — там обитают ханы, охотники, красавицы, там увиданы
земные предметы труда и быта — сноп, корона, васы, ножка сто-
ла и даже старый лапоть (созвездие Северный Венец в южном го-
воре удмуртов называлось Исьникут-Кизили "изношенный лапоть").
В космоинимии своеобразно преломились история народов, их язы-
ков, их представлений о мироздании.

С космонимией, созданной самими народами Средней Азии, переплелась космонимия ученых астрономов. К сожалению, пока трудно судить об астрономических знаниях в Средней Азии античной эпохи, но несомненно, что даже в дошедших до нас согдийских и кушанских документах найдутся ценные сведения. А позже, в Средние века имена хоразмийца Бируни (973-1048), Омара Хайяма (не всем известно, что великий таджикский поэт XI-XII вв. был астрономом, имел обсерваторию), Улугбека (1394-1449) вошли в историю мировой науки. Массу космонимов содержат тюркские тексты УП-XI вв. из Турфанского оазиса, труды Махмуда Кашгарского (XI в.), произведения Юсуфа Баласагунского "Кутадгу Билиг" (XI в.). Осваивая знания, накопленные астрономией других народов, они ввели много иноязычных космонимов (санскритских, тибетских, китайских, особенно - арабских), часть которых стала и народным достоянием, войдя в живую речь народов Средней Азии.

Сегодня, когда человечество начало осваивать космос, названия космических объектов стали повседневны на страницах газет и журналов. И удивительно, что только составители двуязычных словарей почти избегают ее. Даже в большом русско-таджикском словаре Е.Э.Бертельса (1949 г.) отсутствуют Полярная звезда, планета Венера (Марс есть), в русско-каракалпакском словаре Н.А.Баскакова, С.Б.Бекназарова, У.Н.Кокурова (1947) тоже тщетно искать их, в казахско-русском словаре Х.Махмудова и Г.Мусабаева (1954) нет ни Млечного пути, ни Большой Медведицы, не говоря уже о менее общеизвестных объектах.

Богатая и древняя космонимия Средней Азии о многом может рассказать, если рассматривать ее в целом по каждому языку и в общей связи с космонимией других народов, как родственных (различия и генетические особенности), так не родственных (общности контактные, топологические параллели).

В Средней Азии столкнулись основные массивы названий Млечного Пути.

С юго-запада распространилась древнейшая идея, что величайший космический объект — рассыпанная солома. В раннеземледельческих цивилизациях Ближнего Востока не позже II тысячелетия до н.э. сложилась легенда о боге, который украл у другого бога солому и в бегстве от погони рассыпал ее по небу. Названия со значениями "путь вора соломы", "путь несущих солому" и просто "соломенный путь" (с вариантами "путь сена, мякины" и т.п.) распространены по всей Передней Азии и Средиземноморью (Северная Африка, Балканы, Малая Азия, Месопотамия, Закавказье). Главные распространители — ираноязычные и арабоязычные народы. В этот огромный массив оказались втянуты южные народы тюркской и славянской языковых семей и некоторые другие. По Средней и Центральной Азии протекает савро-восточный рубеж этого массива: таджикское Рохи Кахкашон "путь несущих солому", узбекское Сомон йули "соломенный путь", одно из трех киргизских названий Млечного Пути — Саманчы жол (в киргизско-русском словаре К.К. Юдакина оно дано главным), южно-казахское Сабан-Жолы с тем же этимологическим значением, уйгуры Синьцзяна с Саман-Йоли занимают крайний северо-восточный фланг.

С противоположной стороны территорию Средней Азии захватил другой обширный массив названий Млечного Пути — "Путь птиц" (путь диких гусей, журавлиный путь и т.д.). Он широкой полосой связывает Тянь-Шань и Балтийское море, охватывая большинство тюркских и финно-угорских языков. Таковы казахское и каракалпацкое Кус-Жолы, киргизское Кус Жолу, в словаре К.К. Юдакина оно приведено вторым, после Саманчы жол [9:258]; венгерский этнограф и языковед А.Вамбари в конце минувшего столетия записал это название у туркмен.

Таким образом, Среднюю Азию разрезает граница между двумя крупнейшими космоимическими массивами. Она проходит по Киргизии и Казахстану. Но где — не выяснял никто. Конечно, на карте это не линия, а зона вибрации. Где распространено то и другие названия у киргизов и казахов, в каких слонах населения, с какой частотой, есть ли: действительно оно у туркмен, — этим

не занималось ни этнографы, ни историки языка, ни диалектологи, а ведь это так важно для каждой из этих наук и в конечном счете для истории самих народов.

С востока в Среднюю Азию проникло дальневосточное название Млечного Пути с идаев "река". Так называют его по всему тихоокеанскому побережью Азии и на примыкающих архипелагах, от Чукотского полуострова до острова Индонезии чукчи, коряки, японцы, корейцы, китайцы, вьетнамцы, малайцы, — Пыльная Река, Небесная Река, Серебряная Река. Только осколок этого массива достиг Средней Азии и очень поздно, во второй половине XIX в., когда несколько десятков тысяч дунган переселилось из Китая, спасаясь от массовых репрессий после разгрома дунганско-уйгурского восстания. Они принесли название Тяньхэ "небесная река".

Не составляют единого целостного массива названия Млечного Пути, связанные с животными. Таковы его названия почти у всех горных народов Кавказа. И в Средней Азии у киргизов одно из его названий — Кой Жолу "овечий путь" (И.К. Юдахин указывает его как третье). У туркмен он — Акмаянын Сийди "молоко белой верблюдицы" — пока нет серьезных исследований, выясняющих происхождение этого космонима. Связанные с животными названия Млечного Пути едва ли родственны между собой. Видимо, они в отличие от рассмотренных массивов возникали независимо друг от друга не из одного источника, а сходство их обязано одинаковому хозяйственному укладу.

Мы видим небо с планеты, вращающейся вокруг своей оси, и нам кажется, будто все звезды движутся (в противоположную сторону нашему действительному движению). Единственная точка для нас неподвижна: находящаяся почти над полюсом земной оси Полярная звезда (альфа Малой Медведицы). Все звезды на наших глазах "вращаются" вокруг нее. Так ее и называют тюркоязычные народы темир-казык "железный кол", вбитый неподвижно во вращающийся вокруг небосвод (в финноугорских языках "гвоздь"). Узбеки, уйгуры и часто киргизы называют этот кол золотым (киргиз. Алтын казык), как и в монгольских языках — элтан.

Все тюркские тексты, дошедшие от X-XIV вв., знают только Тамир казык, единственный пример Алтун казык — в легенде XV в., записанной на уйгурском алфавите.

Вокруг этого кола ходят привязанные к нему два дорогих коня Акбозат и Кокбозат — оветлосарыйи темносарый (ат "лошадь", ак "белый", боз "серый", кек "синий", голубой, зеленый" — тюркские языки, как и древнегреческий, и некоторые другие языки лексически не различали синий и зеленый цвета). А следом за ними всю ночь кружат Семь разбойников Жети каракчи — 7 ярких звезд Большой Медведицы, чтобы их украсть, но это не удастся и на рассвете они скрываются до следующей ночи. Так прочли эту страничку северного неба тюркские народы.

С числом 7 связано и другое название этого созвездия — киргиз. Жети Аркар "семь архаров" (архар — горный козел). Монголоязычные названия также основаны на этом числе: "семь богов", "семь ханов", но одно из бурятских "семь маралов" перекликается с киргизским.

Почти всем тюркоязычным народам свойственно называть Большую Медведицу просто Жетиген (в фонетически различных формах, соответственно произношению каждого языка) "семерка". Пока нет специальных исследований, трудно сказать — произошло ли упрощение (из "семерка чего") или, напротив, именно это краткое название исконно, а более развернутое — вторично.

Число 7 лежит и в основе таджикского названия этого созвездия — Хафт Бародарон "семь братьев"; несомненно, что с этим связано и узбекское Бети Огайни "семь друзей".

В иранских языках с этим столкнулось название Добе "медведь" — таджик. Дубби Акбар, соответственно Малая Медведица — Дубби Асгар: из араб. доба "медведь", акбар "большой, старший", асгар "малый, младший".

О многом могли бы рассказать названия и других созвездий, например, зодиакальных, известных у нас как Телец, Близнецы, Рак, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог и другие, но, экономя место, придется ограничиться названиями одного звездно-

го скопления Плеяды (в созвездии Тельца). У народов мира оно, пожалуй, одно из самых разноименных (в русских диалектах оно имеет много десятков названий). Глазу каждого доступны в нем 6 звезд¹. У тюркских народов самое распространенное название Улькер (Юлькер, Юркер, Юркар, Уркер, Юргяль, Елкар и другие фонетические соответствия). Безусловно, оно общатюркское, возникшее еще до распада тюркокой языковой общности, иначе его не было у всех тюркских народов от чуваш до якутов (те и другие рано обособились от остальных тюркских языков и не имели между собой никаких контактов). Космоним упомянут не раз в древнетюркских письменных памятниках — и у Махмуда Кашгарского, и у Юсуфа Баласагунского, и в турфанских текстах [4:625], формы написания перечислены Э.В.Севортяном, первична — Юркер [8:630-631]. Об этимологии идут длительные споры. Удачней других казалась "разделения, разделенное", но и она необидительна. В 1964 г. вместо нее предложена "засада" [12:354]. Но Ю.Немат отклонил ее, так как не доказано наличие в тюркских языках основы улъ, юль с таким значением; он выдвинул значение "отдушина" [13:5-6], не зная, что почти сто лет назад Г.И.Потанин к якутскому названию этой звездной группы Юргяль "продушина" указал якутский глагол юргад "продыравливать", приведенный в Русско-якутском словаре Г. Порадина, всеми забытом. Из других названий этого скопления звезд Б.Э.Бартельс привел таджикское Сурайе [2:493], его приводил и Махмуд Кашгарский, тоже как название Плеяд. Узбекское слово сурайе означает "наложница", семантически космоним безроден, — объяснений ему пока не найдено.

Много интересного содержат и много вопросов рождает названия отдельных звезд. Три примера из многих:

Сириус (самая яркая звезда нашего неба — альфа Большого Пса). Казах. Жарык Жұлдыз "яркая звезда", киргиз. Ак Жылдыз

I Несимметричность их размещения породила легенду, рассказываемую у казахов, что было их семь сестер, но одна девушка украдена — она теперь слабая звездочка в созвездии Малой Медведицы [1:14].

"Белая звезда". А как у других народов Средней Азии?

Альдебаран (звезда первой величины, альфа Тельца; принятое в астрономии название - арабского происхождения). Древнетюрко. Ягыр-Сагыр из ягыр "смуглый, бурый, коричневый" и сыгун "самец марала" [12:36]. Названия в живых языках Средней Азии никем не записаны.

Бетальгейза (красноватая звезда первой величины, альфа Ориона, принятое в науке название - арабского происхождения, этимологическое значение "подмышка" (по некоторым авторам "плечо") гигантского охотника Ориона. В тюркских турфанских текстах она - Ардир [14:1] - заимствование из санскрита; стало ли это и тюркским названием или так и осталось лишь книжным упоминанием иноязычного космонима - неизвестно. Это - пока единственно известное название данной звезды в мертвых и живых языках Средней Азии; словарь киргизских научных астрономических терминов [10:25] приводит только Бетальгейза.

В европейской космологии названия всех планет носят имена богов древнеримского Пантеона. Названия первых пяти планет там и даны, а две крупнейшие планеты, недоступные невооруженному глазу, открыты и названы позже (Уран в 1781 г., Нептун - в 1846 г.), по именам из того же самого ряда.

Венера (по имени древнерим. богини любви) - киргиз. Чолпон, узбек. Чулпон, каракалпак. Шолпан, казах. Шолпон, уйгур. Чолпан - несомненно общетюркское, с фонетическими особенностями, свойственными каждому языку (в Поволжье - башкирск. Сулпан в документах оно с XIV в.). Турецкое название этой планеты Чобан навело на мысль, что это и есть первоначальная форма, доказывающая происхождение космонима из чабан "пастух", следовательно, "пастушеская звезда", восходящая с выводом стад и заходящая с их возвращением. Исследования доказали, что это ошибка, форма Чобан - результат первосмысления [12:36], это полностью подтвердил и усилил доказательствами Ю. Намет [13:3]; М. Расянен считает сходство космонима Чобан с нарицательным "пастух" случайным совпадением [15:112, 115].

Вероятная этимология космонима Чолпан — "путеводная". Предполагают, что слово прежде означало вообще яркую звезду и лишь позже закрепилось за этой планетой.

Упоминание в тюркских турфинских текстах Венеры под названием Алтун юлтуз [14:1] "золотая звезда", очевидно, монгольское, естественное для той территории, в языки народов Средней Азии оно не вошло. Ждет исследования одно из киргизских названий ее — Сарыылдыз "желтая звезда": где его употребляют и когда оно возникло?

Узбеки и таджики Венеру называют арабским именем Зухра (Захра) — арабское "сияющая, блестящая"; вероятно, оно принесено исламом. Оно же стало очень частым женским именем у мусульман (особенно для близнецов — в твердых парах: Тахир и Зухра, Фатима и Зухра). Название этой планеты Ярлык Юлдуз "светлая, сияющая", упоминаемое Махмудом Кашгарским (XI в.), могло быть прямой тюркской калькой этого имени.

Памятники древней письменности доносят до нас еще несколько названий этой планеты. У Юсуфа Баласагуниного (XI в.) она названа Севит; основа сав — связанная со значением "любить", нередко в тюркской письменности того времени, но идея любви несвойственна тюркской космонимии и выдвинуто предположение, что название заимствовано [12:361]. Название Нагид в тексте орхон-енисейского письма, относимом к IX в., из Турфанского оазиса, признано согдийским по происхождению [4:354].

Давнее уйгурское название Венеры Еркилик объясняют "дающая мужскую силу"; приведя это, Ю.Намет в скобках делает пометку ("китайское влияние?)" [13:3]. В древнетюркских текстах "мужская сила" — ерлик (есть у Махмуда Кашгарского), а ерлик "могущество, власть" [4:180].

Многие народы мира были уверены, что Венера в утреннем и вечернем восхождении не одна и та же, а две разных звезды; каждая из них имела свое значение. Так, у осетин, эвандиков, алтайцев, башкир. В Средней Азии этого не засвидетельствовано

о сколько-нибудь широко, но некоторые данные о пережиточном представлении есть. Как сообщает Х.Абишев, казахи "Венеру на вечерней заре называют Тыл Катин "сварливая жена", хотя знают, что это одна и та же звезда" [1:16]. Узбекские говоры знали Венеру как Тангюлдуз "рассветная звезда" (как и Танг сулпан в нескольких говорах у башкир: в юго-западной части миасского говора, в средне-айском, ик-сакмарском, кызылском, саянском [5:383]). Совпадение, конечно, не может быть случайным. Наричательное танг "рассвет" еще живо в узбекском. Космоним явно не подходит для Венеры в ее вечернем появлении и позволяет предположить, что видели две Венеры, а наличие того же у башкир указывает, откуда эти племена, ныне составляющие часть башкирского народа, привнесли космоним танг.

Марс. Древнетюркское название этой планеты, записанное Махмудом Кашгарским, *Badıñ sogır* "медная стрела" - за красный цвет, каким мы видим Марс; в турфанских документах - Бакур оскра юлтыз [14:57]. Современное казахское название Марса - Кызыл жұлдыз "красная звезда".

Таджикское и узбекское название Марса - Миррих. И в этом случае, как в некоторых других, вероятно, уже замечанных внимательным читателем, узбекский язык заодно не с родственными ему языками тюркской семьи, в которой он принадлежит, а с таджикским иранской ветви индоевропейской семьи языков.

В тюркских турфанских текстах Марс назван Ангарах [14:10,16] - санскритское ангаргр - Марс и "вторник" (день недели, посвященный богу войны - греч. Арас, древнерим. Марс), встречается и тибетск. Нимгир, также и Марс, и "вторник", и монгольск. Мятмар. Вероятно, все эти три космонима по происхождению едины.

Меркурий. Древнетюркское название этой планеты Суз юлдуз "влажная звезда" (суз "водный, влажный") многократно в тюркской письменности X-XI вв. [4:515]. Что это именно древнетюркское, не только книжное, доказывает наличие его в современном башкирском языке.

В касиде (восточная ода), приложенной к произведению Юсуфа Баласагунского (XI в.), Меркурий носит имя Утарид. Несомненные параллели – Ударабадра, Ударанита, Ударашат и др. – названия каких-то звезд (остающиеся неидентифицированными). Из турфанских текстов буддийского содержания [14:1,2,4] – также и титулы, и одно из имен Будды. Явно с этим связано указанное Б. Я. Бертельсом таджикское название Меркурия – Аторуд [2:309].

Турфанские тексты содержат и другие названия Меркурия: Буд [14:4] из санскрит. *vidha* (таково его современное название в хинди); в текстах орхон-енисейской письменности (предположительно IX в.) – Тир, оближаемое со средне-иранским [4:376].

Одно из казахских названий Меркурия – Кишы Шолпан "Малая Венера".

Может быть, в Средней Азии удастся обнаружить и следы его названий с основой Арц (его курдское название – Арцу, турецкое – Арцителек?).

Сатурн. Имеющиеся данные о названиях этой планеты у народов Средней Азии слишком скудны: всего 4 названия, из них ни одного современного, все только из средневековой письменности. В турфанских текстах уйгурского шрифта – Киван [14:9], предположительно согдийского происхождения [4:311]. Из средневековой Ферганы дошло Секвентир или Сегентир, Секантиз [12:350] – характерно чередование р-з, такое существенное для датировки и "генеалогии" тюркских языков! Другие его названия Шаничар [14:16] и Зухал или Зухаль? [12:360] в древнетюркской письменности заимствованы и единичны.

Юпитер. И о нем космономические данные по Средней Азии очень бедны. Хорошо известно его тюркское название Каракуш "черная птица" (вероятно, орел).

Единственное упоминание Игач юлдуз, обозначающее эту планету в турфанских текстах [14:1] не привлекло никакого внимания. Но Игач юлдуз довелось встретить и сегодня в Узбекистане, к сожалению, не зная, в каком говоре оно сохрани-

лось. Кроме общелитературного современного узбекского Йиғач "дерево" средневековая тюркокая письменность знала и другие значения этого слова, в том числе и производные, весьма вероятные и колоритные в качестве космонима [4:265].

Известное древнетюркское название этой планеты Онгай этимологизируют как "лацкий", "верный" [4:368], Ю.Намет предпочитает: "благоприятный" [13:3].

Таджикское и узбекское название Юпитера — Муштари [2:852].

По сообщению Х.Абишева, казахи называли Юпитер и Косм Кырган "истребитель ослов"; по ошибке принявшего Юпитер за Венеру караван вышел не тогда и не туда, когда и куда надо, поэтому ослы погибли [1:17].

В космонимии Средней Азии много общего и немало различий. И общности, и различия имеют свои исторические причины.

У всех тюркоязычных народов и Средней Азии, и вне ее — от якутов до турок и от туркмен до чуваш названия Плеяд образованы от основы улькар (с фонетическими различиями). Общее название унаследовано еще от времен тюркской языковой общности, то есть причина тождества тут генетическая. Так и названия многих других космических объектов в Средней Азии разделены по своему происхождению из двух преимущественных источников: тюркоязычные и ираноязычные.

А планету Марс большинство узбеков Ташкента и казахов Алма-Аты знают только под этим именем, которого их предки некогда не знали. Так и с названиями дальних планет Нептун и Уран, открытых позднее, — их названия во всех языках Средней Азии заимствованы из европейской астрономической науки. Эта общность — не генетическая, а контактная.

Во многих случаях отношения сложнее. У большинства народов Средней Азии названия Млечного Пути принесены или ираноязычными волнами "соломенный путь", или тюркоязычными — "птичий путь". По размежевывались эти два космонимических мас-

сива совсем не по языковым границам: "соломенный путь" нередок и у народов тюркоязычных. Это не просто контакт: тюркские волны хлынули в Среднюю Азию в нашей эре, а застав сплошное ираноязычное население, которое затем становилось тюркоязычным, но могло сохранять в языке и некоторые прежние черты, в частности отдельные космонимы, такое явление субстратно (следы прежней генетической общности).

А близость названия Млечного Пути "путь овец" у части киргизов с исконными названиями его у горных народов Кавказа, тоже имеющими в основе наименования животных, нельзя объяснить ни генетически, ни контактно. Эта общность — типологическая. Она обусловлена не родством и не связями, а общностью хозяйственно-го уклада.

Эти разные причины переплетаются нестро. В каждом случае необходим конкретно-исторический анализ. Космоним Нептун общ всем языкам Средней Азии. А названия Большой Медведицы четко размежеваны на тюркоязычные (киргиз., казах., узбек. и др.) и ираноязычные (таджик.). Но названия созвездия Стрелец размежеваны иначе: киргиз. Атыч "стрелок", а узбек. как и таджик. — Кавс "скобка" (видимо, за дугу лука — стрелкового оружия). Созвездие Рыбы — киргиз. Балыктар "рыбы", но не только таджики и узбеки, а и туркмены называют его Хут (хотя и в узбек., и в туркмен. языках нарицательное "рыбы" — балыктар). Даже и внутри одного языка есть различия диалектные.

В обильном космонимическом материале необходимо отличать названия только книжные от названий, употребляемых народом. А в отношении древней письменности это очень трудно, и не всегда возможно. Безусловно оставались достоянием только малой горстки книжников записанные в тюркских турфанских текстах названия Майдун и Кунба — это санскрит. названия созвездий Близнацы и Водолей, как и поименный перечень звезд Большой Медведицы — Миусун, Кунунси, Паунси и др. (это китайские Луцунь, Цзюймэньси, Поцзунси). Может быть, космонимистам удастся распутать клубок собственно тюркских, санскритских, тибет-

ских, иранских, арабских, китайских, монгольских и иных космонимов древнетюркской письменности. Сделанное в этом направлении составителями древнетюркского словаря (Л., 1969) очень существенно (несмотря на отдельные промахи), но невыясненного остается больше, чем выясненного.

У разных народов различны не только названия созвездий, а и ... сами созвездия. Привычная карта звездного неба не единственна. Многие народы иначе проводят границы между созвездиями, иначе группируют звезды в созвездия. Ведь и русским было известно созвездие Косари, неизвестное ничьей научной астрономии. В древнетюркской письменности такие примеры не единичны. Может быть, внимательный исследователь найдет их у народов Средней Азии и сегодня.

Рассмотренный материал позволяет сделать и некоторые другие обобщения. У каждого из народов Средней Азии космони́мы разорваны, мало связаны между собой. Лишь редкие образуют такие сюжетные группы, как железный кол с привязанными конями и кружащимися вокруг разбойниками. Целостней была звездная картина древних греков: за девушками Плеядами гнался гигантский охотник Орион со своим Псом, а из-за горизонта уже выплывал Скорпион, чтоб ужалить его в пятку, в небе над Афинами, над Пантикапеей, над Массилией еженощно видели самый широкоэкранный фильм.

Для космони́мов тюркской характерна свобода от теонимии (имен божеств) и противоположность древней космони́мии ближневосточной, греческой, римской, которые заполняли небо богами и полубогами.

Серьезна и остра "прикладная" проблема космони́мии: как поступать при передаче с языка на язык. В книгах и статьях по астрономии на языках народов Средней Азии, в учебниках и двуязычных словарях не решают вразброд, даже нельзя сказать решают, просто поступают как попало. На страницах одной и той же работы хаотически перемешаны самые разные способы передачи. Примеры из киргизского "Астрономиялык терминдердин орусча-кыр-

гивча созвудугу" (Фрунзе, 1965), — не потому, что он хуже прочих, а единственно потому, что разбросанное у других в нем сконцентрировано:

одни космические объекты даны под их киргизскими названиями — Чолпон;

другие — под киргизскими кальками названий, принятых в русокой или западно-европейской астрономии, — Арстан (созвездие Льва);

третьи — под русскими названиями — Большой Пес;

четвертые — под их названиями, принятыми в зарубежной астрономии, — Бетельгейз.

Почему? Неизбежен ли такой разнобой? И Рак, и Большой Пес легко было келькировать, как келькированы Чаян (это Скорпион) и Арстан (Лев). Или обратно — легко было вместо Чаян и Арстан дать Рак и Лев. Бесполезно разгадывать, почему одно созвездие дано под названием Малый Пес, а созвездие Малый Лев — только под калькой Кичине Арстан. Никаких оснований для того и другого нет. Способ передачи случаев, — ни авторы, ни редакторы не утруждают себя раздумьями.

А вопрос важен и не прост. Он требует очень обдуманного решения, опирающегося на принципиальную, научную основу. Но принципы еще не выработаны. Противоположны же тенденции: приблизить названия космических объектов к читателю (заменяя непонятные иноязычные понятными названиями на родном языке) или, наоборот, приблизить читателя к принятым наукой космономам (заменяя космономами данного языка международными). На ту и другую чашу весов брошены очень веские доводы. Но вески и доводы против: для множества космических объектов нет названий на каждом языке: надо ли их фабриковать? Для ряда объектов есть привычные названия на каждом языке, — надо ли от них отказываться ради принятых в науке международных? Надо очень тщательно взвесить все "за" и "против". Только после обсуждения подлинно научного (не допускающего подмены демагогией громких фраз) можно выработать принцип, на основе которого

только и возможно выбрать способ передачи в каждом отдельном случае. Без этого неизбежен нарастающий хаос, который все заметнее тормозит распространения астрономических знаний. А всякие любительские рецепты только ухудшают положение.

Не хочется подсказывать решение, но и отмолчаться едва ли простительно. Лучшие решения — принять как перспективу международную научную космонию, но переход проводить очень осторожно, подготовленно, для каждого языка особо. В научно-популярной литературе и учебниках очень важно сопровождать научный космоним привычным космонимом своего языка или давать кальку (не поленись узнать этимологию, — насколько заинтересовали бы и тем самым повысили бы уровень знаний по астрономии, если бы школьник узнал этимологию Бетельгейзе, да и трех-четырёх названий одного Млечного Пути).

На основе принципиального решения станет разумным и решение споров транскрипционных (в узком смысле). Во многих языках написание космонимов оставляет желать лучшего.

Неизбежный и прогрессивный процесс массового распространения иноязычных космонимов школой, печатью, телевидением ускоряет замену космонимов прежних. Они исчезают на глазах. Их необходимо записать и собрать у каждого из народов Средней Азии, иначе наука навсегда потеряет драгоценный материал. Многое уже погибло безвозвратно; безотлагательно необходимо спасти для науки все космонимы, какие еще можно найти. Насчитывая не века, а тысячелетия, они — красноречивые свидетели прошлого, неоценимые для этнографии, диалектологии, истории языка, истории самих народов — их миграций, их связей, их культуры.

Л и т е р а т у р а

1. А б и ш е в Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. — Алма-Ата, 1949.
2. Б е р т е л ь с Б.Э. Русско-таджикский словарь. — М., 1949.
3. В а л и х а н о в Ч.Ч. Собрания сочинений, I. — Алма-Ата, 1961.

4. Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
5. Максимова Н.Х. Башкирская космогония. Ономастика Поволжья, 3. - Уфа, 1973.
6. Намет Ю. Названия созвездия Плеяд в тюркских языках. - Вопросы, тюркологии, 1. - Баку, 1971.
7. Никонов В.А. География названий Млечного Пути. - Ономастика Востока. - М., 1979.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. - М., 1974.
9. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. - М., 1965.
10. Яр-Мухамедов Ш.Х. Астрономиялык терминдердин орусча-киргызча создугу. - Фрунзе, 1965.
11. Allen R.H. Star-Names and their Meanings N.-Y., 1899.
12. Clonson G. Early Turkish astronomical terms. "Ural-Altaische Jahrbücher", v. 35, fasc Wiesbaden, 1964.
13. Nemeth J. Über alttürkische Sternnamen. "Acta Linguistica", Budapest, 1968, n1.
14. Rachmatij G.R. Türkische Turfan-Geole - VII. "Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-Hist.-Klasse", Berlin, 1936, n 12.
15. Räsänen M. Verh. eines etymologischen Wörterbuch der Türkischen Sprachen. Helsinki, 1969.

К.Сайдакматов
(Фрунзе)

СЛОВАРЬ КИРГИЗСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН^I

Изучение традиций, обычаев и обрядов киргизского народа, связанных с наречением новорожденного, представляет большой интерес с историко-этнографической и лингвистической сто-

I Жапаров Ш. Словарь киргизских личных имен. Практическое пособие. Под общей ред. И.С.Колосова (Министерство юстиции Киргизской ССР). - Фрунзе: Мантап, 1979, с. 464 (на киргизском и русском языках).

роны, как в практическом, так и в теоретическом плане.

Имя всегда имеет правовые значения, связанные с идентификацией личности. Поэтому изучения и систематизация антропонимов (а также их вариантов) важны как в лингвистике, так и в правоведении. Словарь Ш.Жапарова, составленный на общественных началах по инициативе Министерства юстиции Киргизской ССР, предназначен для работников органов ЗАГС, паспортных отделов, исполкомов местных Советов народных депутатов как практическое пособие в их работе.

В списке имен, предлагаемых в Словаре, включены наиболее типичные и широко распространенные киргизские антропонимы. Это означает, что справочник поможет родителям при выборе имени младенцам.

Работа составлена на основе актовых записей о регистрации рождения детей за 1970-1977 гг. и полевых, экспедиционных материалов, собранных автором по Киргизии в течение последних (1969-1978 гг.) лет, она охватывает около 6500 (из них 4000 мужских и 2500 женских) антропонимов.

Данный словарь личных имен — первый опыт сбора и систематизации антропонимов киргизского языка. Впервые автором выявлены языковые особенности киргизских антропонимов и их употребления в киргизском литературном языке. Хочется отметить, что было бы хорошо, если бы в русском написании имен указать ударение, а в киргизской части антропонимов типа Канжакул, Канжагул; Сарыкул, Сарыгул; Эсенкул, Эсенгул допустить написание в двух вариантах.

Словарь содержит два раздела: мужские имена и женские имена, которые объединены в словарные статьи в алфавитном порядке на киргизском (указатель правописания и происхождения личных имен киргизов) и русском (киргизские личные имена, транскрибированные на русский язык путем фонетической практической транскрипции) языках.

Ш.Жапаров уделяет много внимания вопросам киргизской антропониимики. Составленный им Словарь несомненно представляет большой интерес для тюркской (в том числе киргизской) ономастической науки.

Содержание

Этнoнимия

Н.А.Баскаков (Москва). Микроэтнонимы и проблемы изучения этногенетических связей между народностями (На материале этнонимии ногайцев и каракалпаков)	3
Ф.Д.Лышкевич (Ленинград). К исторической семантике термина таджик.	8
Т.Ж.Жанузаков (Алма-Ата). Этюды о казахских этнонимах.	16
Б.Х.Кармышева (Москва). Слово аймак в этнонимии и топонимии Узбекистана.	24
У.Туйчиев (Ангрен, Узб. ССР). Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района.	34
У.Туйчиев (Ангрен, Узб. ССР). Этнотопонимы и этническая география Джамбайского района.	46
С.С.Губаева (Фергана). Расселение узбекского племени юз в Ферганской долине на рубеже XIX-XX вв.	54
И.А.Амирьянц (Москва). О некоторых арабских этнонимах в Средней Азии.	59
Н.Г.Деметер (Москва). Этнонимы среднеазиатских цыган.	63

Антропонимия

Б.О.Орузбаева (Фрунзе) О собственных именах в эпосе "Манас".	67
А.Калимов (Москва). Пути развития антропонимии среднеазиатских дунган.	80
К.Калилов (Фрунзе). Имянаречение у киргизов в прошлом и Настоящем.	91
Л.С.Толстова (Москва). Топонимы и этнонимы в антропонимии каракалпаков.	101
Ш.Жапаров (Фрунзе). Имена близнецов.	105
Л.М.Селяметев (Самарканд). Имя и легенда.	112
В.А.Никонов (Москва). Формы среднеазиатских фамилий.	120

Топонимия

С.У.Умурзаков (Фрунзе). Киргизская бранимическая терминология и оронимия Тянь-Шаня.	128
С.А.Атаниязов (Алжбаад). К топонимии Каракумов.	135
С.К.Караев (Ташкент). Древние топонимы Средней Азии в согдийских документах с горы Муг.	141

К.И.Петров (Фрунзе). Туркские средневековые этнотопонимы от числительного семь (К происхождению топонима Джети-Суу-Семи-речье).	149
С.Кудайбергенев (Фрунзе). Числительные в составе киргизских топонимов.	164
К.Конкобаев (Фрунзе). Древнетюркская топонимия Южной Киргизии.	170
А.З.Розенфельд (Ленинград). Заметки по топонимии юго-восточного Таджикистана.	185
А.Л.Хромов (Душанбе). Об арабской топонимии на территории Средней Азии.	191
Э.М.Мурзаев (Москва). Аппелятивы в топонимах Средней Азии.	198
Е.А.Керимбаев, В.Н.Попова (Чимкент). Орографические термины Южного Казахстана.	211
Р.Я.Рассудова (Ленинград). Топонимы и история заселения.	217
С.Алишанина, Ф.Б.Иноятова (Хорезм). Топоним Узбекистан.	226
Дж. Б.Логашова (Москва). Из топонимии Каспийского моря. (Абескун).	230
Г.Г.Дитрих (Душанбе). Топонимы бассейна Сурхандарьи, включающие понятия "группа, община".	239
С.С.Губаева (Фергана). Топонимические данные к этническому составу и расселению каракалпаков Ферганской долины.	241
К.Конкобаев (Фрунзе). Структура киргизских географических названий.	246
М.Н.Рамазанова (Ангрен, Узбек.ССР). Современные русские топонимы Ташкентской области.	261
С.Г.Крыжановская (Каттакурган). Названия улиц Каттакурган.	265
О.А.Султаньяев (Кокчетав). О методе ономастических исследований Ч.Валеханова.	268
<u>Теонимия</u>	
Г.П.Снесарев (Москва). К истории некоторых категорий теонимов у народов Средней Азии и Казахстана.	273
Э.Сулайманов (Фрунзе). Некоторые имена широв-покровителей киргизских ремесел и домашних промыслов.	282
<u>Космонимия</u>	
В.А.Никонов (Москва). Материалы по космонимии Средней Азии.	290
К.Сейдакматов (Фрунзе). Словарь киргизских личных имен.	306

ОНОМАСТИКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редактор издательства О.Г.Юдахина
Обложка художника В.Ф.Роека
Технический редактор Э.К.Гаврина

ИБ № 480

Подписано к печати 7.08.80. Д-01496.
Формат 60х90 1/16. Бумага писчая.
Ротапринт. Объем 19,5 п.л., 17,6 уч.-изд.л.
Тираж 700 экз. Цена 2 руб. 77 коп. Заказ 152

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, Ленинский проспект, 265а
Типография Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, ул. Фрунзе, 144

В издательстве "Илим" АН Киргизской ССР выходит
в свет монография К.Конкобаева "Топонимия Южной Киргизии".

В работе определены и проанализированы основные хронологические языковые пласты /иранский, турецкий, монгольский, арабский, русский и проч./, проведена лексико-семантическая классификация топонимов. Приложены "Краткий топонимический словарь" и "Толковый словарь географических терминов, наиболее часто встречающихся в топонимии Киргизии".

Книга представит интерес для топонимистов, научных и издательских работников, географов, историков, этнографов, филологов, преподавателей и студентов вузов и для широкого круга читателей.

Объем книги 12 п.л., цена 1 руб.80 коп., на русском языке. Заказы просим направлять по адресу: 720497, Фрунзе, ГСП, бульвар Дзержинского, 42, магазин "Академкнига", тел. 6-89-20.

Цена 2 руб. 77 коп.

Всего 2-177.